

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ РОССИИ

О.Г. Гончаренко

•

**ЗАКАТ
И ГИБЕЛЬ
БЕЛОГО ФЛОТА**

1918—1924 годы

Москва
«Вече»
2006

ББК 63.3(2)612
Г65

Гончаренко О.Г.

Г65   Закат и гибель Белого флота. 1918—1924 годы / О.Г. Гончаренко — М.: Вече, 2006. — 336 с. (Военные тайны России).

ISBN 5-9533-1620-8

Русский Императорский флот не погиб в 1917 году. Его лучшие представители, офицеры и адмиралы, встали на защиту империи. На Балтийском, Черном, Каспийском и Баренцевом морях, на Онежском и Ладожском озерах, на Волге, Каме, Шилке и Ангаре были созданы эскадры и флотилии, на судах которых, как прежде, взвился Андреевский флаг. Новая книга военного историка О.Г. Гончаренко повествует о жизни русских моряков, их участии в Гражданской войне и их судьбах после ее окончания. Русский морской офицер на берегах Тигра, Евфрата и Хуанхэ, в знойных портах Бизерты и Александрии, на рейдах Шанхая и Сингапура даже в те непростые годы оставался в глазах иностранцев символом стойкости, высокого профессионализма и благородства.

ББК 63.3(2)612

ISBN 5-9533-1620-8

© Гончаренко О.Г., 2006

© ООО «Издательский дом «Вече», 2006

Раздел первый

ТЕНЬ ЛЮЦИФЕРОВА КРЫЛА

НАВАЖДЕНИЕ

Вместо предисловия

Я видел Русь расшатанную, неученую,
неопытную и неискусную,
преданную учениям злым и коварным, и
устоявшую!

Н.С. Лесков

Армия и флот — опора Российской державы во все времена — были и остаются ее надежной опорой, а условия их эффективной поддержки государства — слаженность работы всех смежных с ними государственных механизмов. Неслучайно на протяжении почти трех веков российские государи придавали огромное значение не только развитию флота и армии, но и духовной составляющей своих вооруженных сил, позволявшей называть их «христоролюбивым воинством». Как и прочие институты монархической России, флот нес почетную обязанность охра-

ны державных интересов и был вторым после армии защитником веры и единоверцев.

Октябрьский переворот 1917 года, положивший конец православной монархии, разумеется, не был случайным событием, положившим конец императорской России. Распад и крушение ее важнейших составляющих начались еще задолго до роковых событий 1917 года, превративших нижних чинов и унтер-офицеров российского императорского флота в разнузданный кровавый сброд, каким он стал вскоре после победы большевиков. Православная монархия, на лоне которой строился и развивался русский флот, чьим родоначальником стал сам Петр Великий, была необязательным условием для существования державного православия, однако несомненен факт, что у православной религии был и оставался собственный идеал государственности, облегчающий служение ее Церкви по спасению человеческих душ.

Этот идеал еще со времен Византии представлял собой симфонию, а иными словами — сотрудничество светской и церковной властей, вместе служащих единой идее различными средствами. Церковь спасает души для жизни вечной в Царствии Божием, борясь с внутренним злом в человеке, а государство защищает Церковь и свой народ от внешнего зла, в том числе, если необходимо, и силами своего флота и армии.

Православная монархия в России того времени была единственным государственным строем, который расширял критерии своих «земных» задач за пределы исключительно «земных» интересов и видел в каждом человеке бессмертное существо, созданное по образу и подобию Божию для вечной жизни в Царстве Божием. В этом случае успешность и эффективность государства измерялись не только экономическими показателями и политическими свободами, но и тем, насколько оно помогало собственному народу спастись для жизни вечной.

В исследованиях истории российского флота и его офицерства в годы Гражданской войны честному историку должно соотносить свои выводы о задачах и целях, которые ставило перед собой Белое воинство, и в том числе, которым служили кадровые флотские офицеры, выступившие с оружием в руках против большевиков, со смыслом истории в том виде, как он изложен нам в православном вероучении. А оно говорит о том, что развитие человечества даже в христианскую эпоху завершится его отходом от Бога и временным торжеством сил зла перед концом истории. Это и есть тот несомненный духовный фактор, которым легко проверяются все те исторические события эпохи Гражданской войны и борьбы со злом большевизма с точки зрения Священного Писания и святоотеческого Предания.

Рассуждая о Гражданской войне, «адвокаты» каждой из сторон могли бы привести весомые аргументы для оправдания своих позиций, однако православному читателю следует все же избирать главным критерием в оценке противоборствующих сторон их отношение к Главной Истине — к Богу и Его предначертанию для Святой Руси. Это высокое духовное название-предназначение к 1917 году было потеснено идеей «Великой России», предусматривавшей для государственного устройства копирование западных стран, столь соблазнительно преуспевавших в глазах ее адептов в своем экономическом развитии в ущерб своему духовному развитию. Приближаясь к пику материального благополучия накануне Великой войны, Россия начала все более обнаруживать явные признаки духовного упадка общества, проявившегося, прежде всего, в легкомысленном отношении правящих классов и дворянства к религиозному смыслу самодержавия.

Навязчивая идея русской интеллигенции стать частью «цивилизованной» Европы, быть признанной ею и сподо-

биться ее сомнительной похвалы, подвела российское общество к последней черте упадка. Даже Синод Русской православной церкви, казалось, перестал сознавать важный духовный смысл православного самодержавия, а в церковной среде антимонархические настроения стали бурно расти еще с началом второй Отечественной войны, разразившейся летом 1914 года. Российское правительство, которое должно было бы ясно сознавать опасность общественного крена идей, не только не предприняло никаких мер к обузданию грядущей смуты, но легко самоустранилось от участия в защите интересов страны.

«В 10 лет Государственная дума промотала все, что князья Киевские, Цари Московские и Императоры Петербургские, а также сослуживцы их доблестные накапливали и скопили за тысячу лет», — обобщал словно бы в послесловии к истории погибшей империи философ Василий Васильевич Розанов весной 1918 года. «И когда октябрьский переворот был... совершен, тогда... повалила вся та масса невежественного радикаля, которая накапливалась по щелям старой России и накапливала в своих душах завистливость “подполья” (в смысле Достоевского): тупую злобу и гложущую ненависть плебея, духовно не справляющимся со своим низшим рангом... Волевое невежество свергло безвольную интеллигенцию: трезвый хам сверг мечтательного барина, революционный невежда сбросил радикального теоретика...», — вторил ему профессор Иван Александрович Ильин.

Невольный вопрос о единстве народа в преодолении трудностей отпал сам собой. «...Русского народа не стало, — признавался себе Ильин. — Это бессвязные толпы, мятущиеся, ненавидящие друг друга, охваченные каким-то наваждением». Отношение к восставшему хаму как к брату, равно как и определение гражданской войны как «братоубийственной», начисто отменялось многими трезвомысля-

щими людьми того времени. Иван Алексеевич Бунин в письме к начинающему литератору Роману Гулю в связи с выходом его книги «Конь рыжий» замечал: «Все еще вспоминаю Ваш роман — столько в нем совершенно прекрасных страниц!.. А в его начале кое-что меня раздражало — именно вздохи о “братоубийственной войне”. Что же, надо покорно подставлять голову Каину? Я вздыхаю о другом, о том, что Авель не захотел или не успел проломить ему башку булыжником...»¹

Часть подданных Российской империи еще недавно так жаждавшая перемен, неясно представляла себе, на что обрекала себя, поддавшись общей истерии сокрушения устоев жизни, а власть в государстве тем временем воровато подобрала вчерашние каторжники и проходимцы, волею судеб вынесенные мутным потоком русской революции на поверхность политической жизни. Не с ними ли должен был примириться народ, признав тем самым их право отныне бесконтрольно пользоваться узурпированной властью? «По делам их узнаете их», — гласит известная евангельская истина, и в значительной мере она предопределила отношение к большевизму здоровой части российского общества, чинов его флота и армии, не пожелавших стать материалом для невиданных по своей жестокости социальных экспериментов.

Своевременное признание собственных заблуждений и общенациональная сплоченность, верность историческому пути и здравствующему тогда монарху могли изменить ход истории но, вместо этого в государстве разгорелось пламя невиданной доселе общественной смуты. Бывший министр исповеданий Временного правительства Антон Владимирович Карташов лишь в эмиграции искренне признался на страницах книги, которую отказалось пе-

¹ Гуль Р. Б. Конь рыжий. Париж: Мост, 1977.

чатать парижское либеральное издательство YMCA-Press, убоявшись ее национального духа: «Потеряв Русь национально-государственную, православную, по грехам нашим, по слепоте и небрежению, мы жестоко наказаны за наш пассивизм, за неорганизованность, за непредусмотрительность, за незащищенность»¹. Это «прозрение» властителя дум, печатно утвержденное десятилетия спустя после октябрьского переворота, отчасти объясняет современным исследователям той эпохи ряд причин крушения одной из величайших империй XX столетия.

Словам Карташова созвучны высказывания русского поэта Ивана Савина в очерке, опубликованном рижской газетой «Сегодня». Поэт обращал покаянные слова от лица своего поколения к предполагаемым «далеким потомкам»: «...Мы всю жизнь свою ныли. Смешно сказать: пережарит ли кухарка жаркое, падут ли 0,003 акции какого-либо банка, случайно купленные и полузабытые, суше, чем обычно, поздоровается Она, мы неизменно ворчали: “Ну и жизни! Вот кто-нибудь перевернул бы ее верх дном”! Теперь ее перевернули. Кажется, надолго... И только теперь... мы поняли, наконец, что “Ну и жизни!” — была настоящей жизнью... Революцию подготовили и сделали мы. Революцию подготовили и сделали кавалеры ордена Святой Анны третьей степени, мечтавшие о второй, студенты первого курса, завидовавшие третьекурсникам и, наоборот, штабс-капитаны, до глубины души оскорбленные тем, что Петр Петрович уже капитан... учителя математики, презиравшие математику и всем сердцем любившие что-нибудь другое, судебные следователи, страстно мечтавшие быть послезавтра прокурорами...»².

¹ Карташов А. В. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956.

² Савин И. И. Моему внуку // Только одна жизнь. 1922 — 1927. Нью-Йорк, 1988.

Но если эти люди вольно или невольно попустительствовали перевороту, то кем же были сами большевики и кто составлял их ряды? Ответ легко находим у профессора Ильина, знавшего большевиков не понаслышке: «Неустроившиеся семинаристы, недоучившиеся студенты, писаря, фельдшера, школьные учителя, фармацевты, приказчики, конторщики, почтальоны, “квалифицированные” рабочие и всевозможный “третий элемент” (пресловутые земские статистики из политических ссыльных) — из них-то и вербовался основной кадр коммунистов — всех этих “кожаных” комиссаров, револьверных комендантов и одержимых “товарищей”...» Что же произошло, по существу, в нашей стране 90 лет назад? «Во мгновение ока была сметена монархия, сметены три века национальной чести России. К власти тянулись кровавые руки каторжан, уголовных преступников, воров, интернациональных авантюристов, будущих цареубийц. Каины совершили каиново дело: уничтожили церковь Христову, армию, семью, честь и понятие о Родине, заменив прекрасное слово “РОССИЯ” похабными буквами Р.С.Ф.С.Р.»¹, — подводил итоги произошедшего один из свидетелей событий сорок лет спустя. И все же... Империя казалась столь незыблемой, вера твердой, а те, кто укреплял и поддерживал державу, выглядели мудрыми государственными и духовными вождями. Так ли было на самом деле?

В дни, когда маховик всеобщего развала лишь только набирал свои первые обороты, в феврале 1917 года в недрах Синода, призванного стоять на незыблемых позициях по защите монархического строя, не наблюдалось ни малейшей тревоги за судьбу Отечества. Самый непредвзятый анализ действий Синода, предпринятых в смутные дни

¹ Ишевский Г. П. Честь. Мюнхен: Издание Общекадетского объединения, 1957.

февраля — марта 1917 года, заставляет ужаснуться беспечности позиции русской православной церкви по отношению к верховной власти государя. Если судить по отзывам современников, в дни государственного кризиса и возникшей угрозы крупных социальных беспорядков члены Синода взирали на происходящее по меньшей мере с поразительным равнодушием. В первые дни после отречения государя, как вспоминал протопресвитер военного и морского духовенства о. Г. Шавельский, в Синоде «царил покой кладбища». Синодальные архиереи вели текущую работу, занимаясь главным образом решением различных бракоразводных и пенсионных дел. За этим на первый взгляд необъяснимым молчанием большинства иерархов скрывались их антимонархические настроения. Это бездействие и даже отстраненность проявлялись в отсутствии всякой реакции некоторых членов Синода на поступавшие к ним письменные обращения и петиции в защиту самодержавия, направляемые гражданами России и некоторыми государственными чиновниками, озабоченными происходящим в стране.

Одним из первых о необходимости поддержки монархии высказывался товарищ обер-прокурора князь Николай Дмитриевич Жевахов. Еще в самый разгар первой волны петроградских забастовок, 26 февраля 1917 года, он предложил председателю Синода — митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому) — выпустить воззвание к населению от лица церкви. Князь считал необходимым подобное обращение, «вразумляющее, грозное предупреждение церкви, влекущее, в случае послушания, церковную кару». Митрополит Владимир, таивший обиду на императора Николая II за вмешательство последнего в церковные дела, а именно за собственный перевод с Петроградской на Киевскую кафедру, нашел неплохой повод для сведения с государем личных счетов, отказав-

шись от подобного обращения церкви к народу, невзирая на настоятельные просьбы князя Жевахова.

Причины этого недавнего конфликта митрополита Владимира и государя, были ясно изложены их общим современником — большим мастером придворной сплетни: «Безукоризненно честный и прямой, но не блиставший ни наружным видом, ни ученостью, ни гибкостью ума, ни даром слова, ни умением держать себя в высшем обществе, простой и непосредственный, — он оказался серым и невзрачным для северной блестящей столицы. Он еще более проигрывал, когда его сравнивали с его предшественником — образованным, умным, воспитанным, тонким и элегантным митрополитом Антонием (Вадковским). Рассказывали, что при первом посещении на Рождественских Святках 1912 года царской семьи, он произвел на них тяжелое впечатление своей угловатостью и простоватостью. Указанные недостатки не помешали бы, однако, митрополиту Владимиру оставаться на Петроградской кафедре, если бы тут не примешивалось другое. Митрополит Владимир открыто стал на сторону врагов Распутина. А затем он выступил главным обвинителем распутинского друга епископа Варнавы...»¹

Попытки здравомыслящих людей в империи призвать власть имущих осудить пока что вяло тлевший очаг смуты не прекращались. 27 февраля 1917 года на заседании Синода выступил обер-прокурор Николай Петрович Раев, но его слова не возымели ровным счетом никакого действия на архиереев. Можно сказать, что Синод остался по-прежнему «глух». Позже, в эмиграции, князь Жевахов вспоминал, что его просьбы о поддержке духовными властями гиб-

¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк: издательство имени Чехова, 1954. Т. I. С. 374 — 375.

нушей монархии нашел отклик только у представителей католической церкви в России. Ее представители выпустили небольшое по объему, но весомое по содержанию обращение к своей пастве с угрозой отлучить от Святых тайн каждого, кто примкнет к зачинщикам смуты. И, вспоминая князь, «ни один католик, как было удостоверено впоследствии, не принимал участия в процессиях с красными флагами».

В сопоставлении с католиками получалось, что члены православного Синода смотрели на разразившийся правительственный кризис не только отстраненно, но и безучастно, не предпринимая каких-либо попыток поддержать власть, не сказав ничего в защиту государя. 2 марта 1917 года синодальные архиереи частным образом собирались в покоях Московского митрополита. Члены Синода признали необходимым немедленно войти в сношение с Исполнительным комитетом Государственной думы. На основании этого можно утверждать, что Синод де факто признал Временное правительство еще до отречения Николая II от престола.

Необъяснимым с точки зрения здравого смысла было и торжественное заседание Синода, состоявшееся сразу после свержения государя — 4 марта 1917 года. На нем председательствовал уже известный нам митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) и новый синодальный обер-прокурор В.Н. Львов, назначенный на эту должность Временным правительством. Без всякого видимого принуждения и, надо полагать, вполне искренне, митрополит Владимир и члены Синода выражали искреннюю радость по поводу наступившей «новой эры в жизни Православной церкви». После произнесенных странных с точки зрения канонической дисциплины речей последовали еще более странные дела. Из зала заседаний Синода по инициативе, исходившей от самого обер-прокурора, было тотчас же вы-

несено в помещение синодального архива царское кресло, которое в глазах собравшихся иерархов было объявлено «символом цезарепапизма в Церкви Русской» и символом «порабощения Церкви государством». Казалось, дух безумия витал в синодальных стенах. Царское кресло вызвался тащить прочь немолодой обер-прокурор Львов, которому помогал один из церковных иерархов преклонных лет, член Синода. Заседавшими иерархами почти единодушно было решено передать царское кресло в музей. Словно бы стремясь превзойти Временное правительство по части политических нововведений, на следующий день, 5 марта 1917 года, Синод распорядился, чтобы во всех церквях Петроградской епархии многолетие Царствующему Дому «отныне не провозглашалось».

Вполне предсказуемое народное недоумение решено было разъяснить следующим образом. 9 марта 1917 года Синод обратился с посланием «К верным чадам Православной Российской Церкви по поводу переживаемых ныне событий». В нем был призыв, странно звучащий из уст недавних духовных столпов монархии, довериться Временному правительству, и начинавшийся словами: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути». Под посланием поставили подписи епископы, до недавнего времени имевшие в российском обществе репутацию «монархистов» и даже «черносотенцев» — митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) и митрополит Московский Макарий, вскоре после того тихо отправленный Синодом на покой.

За три дня до выпуска обращения, 6 марта 1917 года, Митрополит Киевский Владимир поспешил направить от своего имени по всем епархиям телеграммы с распоряжением о том, что «моления следует возносить за Богохранимую

Державу Российскую и Благоверное Временное правительство Ея». Поскольку в церковных богослужебных книгах определениями Синода 7 и 18 марта 1917 года было произведено упразднение молитв о царской власти, то таким образом Дом Романовых в сознании паствы утрачивал права на существование в качестве правящей династии. Получалось, что всего через несколько дней после начала Февральской революции Русская православная церковь уже утратила черты монархического института, легко перейдя на положение «республиканской», что, само по себе, есть тема для отдельного исследования. С прекращением церковной поддержки самодержавия его последними защитниками оставались лишь армия и флот, потому что надежда на поддержку граждан была весьма призрачной. Но флот и армию составляют люди, попавшие туда из недр общественной гражданской жизни, а в те времена общество сотрясали невероятные противоречия и одолевал соблазн «вседозволенности».

Так, уже в мартовские дни 1917 года часть русских крестьян, почувствовав приближавшийся хаос, учинила в разных губерниях такие бунты, «бессмысленные и беспощадные» против законных землевладельцев — помещиков, что по степени жестокости многие из них превзошли все иные, случавшиеся в России доселе. Дух «пугачевщины» снова носился над пылающими усадьбами России 1917 года. По-своему не отставали от крестьянства и «просвещенные» классы. Представители русской интеллигенции, сея в обществе семя недоверия и враждебности к самодержавию, армии и флоту, его естественным защитникам и охранителям, пускались во все тяжкие, где устно, где печатно, натравливая солдат и матросов на офицеров, генералов и адмиралов в армии и на флоте. Российской интеллигенцией народу был преподан разлагающий пример бесцеремонного отношения к национальным духовным святыням с оправдывающим его лукавым утверждением, что «теперь все позволено».

Различить истинного врага государства простому, не искушенному в сложных политических процессах, происходящих в стране, человеку в то время было непросто. Ревнители разрушения державы и систем ее жизнедеятельности не были сплошь и рядом иноземными наемниками или пресловутыми «агентами влияния». Разрушителем самодержавного строя стал «обыкновенный образованный человек», внушавший сомнения согражданам на упрощенном, но все же неплохом литературном языке своего времени. Доверие к демагогическим тирадам вызвала полная достоверность образа иного агитатора, старавшегося как можно больше походить на истинного представителя народа, распялявшего себя и толпу выкриками об ужасах «царского режима».

В этой книге противники самодержавного строя были объединены автором в единый собирательный образ *большевиков*, или *красных*, что не утверждает однородности их сословности, национальности, социальной ниши или религиозных убеждений. Большевики, иными словами — проводники сатанинского замысла «пасти народы мира жезлом железным», не отошли в прошлое в виде забавных символов революции — перепоясанного пулеметными лентами матроса и худосочного субъекта в кожаной куртке с маузером в руке. Изменив внешний облик, они восстали из прошлого, проявив себя в XX веке в разных странах мира.

После первого удачного опыта свержения трех европейских монархий к 1918 году, большевизм, как явление, стал возникать уже повсеместно в Европе, провоцируя разрушения государств, хаос, гражданскую войну и смерть... Какой только из европейских народов не испытал его хоть и в малой мере на собственном опыте? В Испании, Германии он появлялся, чтобы расшатать, разрушить и погубить, в конечном счете, само государство, а когда это не удалось, словно штамм убийственного вируса, был занесен в стра-

ны Латинской Америки. После окончания Второй мировой войны по Восточной Европе прокатилась новая волна большевизации. Красные возникали в государствах Африки в 1950—1960-е годы. Их стараниями были загублены сотни тысяч жизней в Юго-Восточной Азии в 1970—1980-е годы. Цепь их международных преступлений так бы и продолжала тянуться, но, слава богу, во все времена и на всех континентах, находились свои «белые», встававшие на защиту поруганных держав и бравшие в руки оружие, как когда-то, в 1917 году, это сделала горстка людей в России.

Красные, а вернее будет сказать, их потомки, все еще продолжают править Россией, органически перевоплотившись в диктатуру капиталистов, контролирующую ее природные ресурсы, но мало заботящуюся об ответственности власти перед Высшим судом, что совсем неудивительно для атеистов во втором и третьем поколении. Автор позволит себе напомнить им бессмертные лермонтовские строки из, вероятно, позабытого ими школьного курса русской литературы: «Таитесь вы под сению закона, // Пред вами суд и правда — все молчи!.. // Но есть и Божий суд, наперсники разврата! // Есть грозный суд: он ждет; // Он недоступен звону злата; // И мысли, и дела он знает наперед».

Дабы яснее понимать причины почти шестилетнего вооруженного противостояния в России в 1917—1923 годы, необходимо вспомнить еще раз, как начинался большевизм и какие формы принимал он с первых своих дней и недель.

Сразу же стоит задаться вопросом: а был ли абсолютно весь народ соучастником крушения империи? Едва ли, ибо еще в самом начале большевистского правления первой организованной реакцией населения стал поток «писем протеста», манифестации, забастовки на производстве, стихийное повстанческое движение в сельских местностях, да и, наконец, сам процесс формирования армии на добровольческих принципах, призванной восстановить спра-

ведливый порядок вещей, говорит о наличии в обществе здоровых сил. Участниками антибольшевистской борьбы двигала скорее «идея высшего подвига», выражавшаяся в изгнании самого духа коммунизма из пределов страны и проведение Учредительного собрания для определения исторического пути развития страны, и уже в последнюю очередь — желание вмешательства международного сообщества в русскую жизнь. Ведь при всей верности союзническому долгу в понимании западных союзников России возрождение ее былой экономической мощи скорее пугало, нежели вызывало желание помочь справиться с возникшими внутренними проблемами. Великобритания и Франция делали все, чтобы только не оказывать военную и финансовую помощь в объемах, которые бы позволили воюющей Добровольческой армии победить своего противника.

Впрочем, и в отсутствие надежных внешних союзников борцам с большевизмом не хватало единства в их собственных рядах. Вопросы будущего России, формы правления и даже текущие задачи стратегии и тактики порой превращали недавних единомышленников в непримиримых оппонентов. Утраченное в спорах и ошибочных действиях время привело белую армию на Юге к ситуации, в которой никакие, даже самые хорошо обученные, воинские части не могли уже противопоставить 5-миллионной Красной армии ничего, кроме отчаянной храбрости сопротивления обреченных.

На первый взгляд, невообразимая цифра могучей большевистской армии возникла не сразу, но и не на пустом месте. Для содержания любого вооруженного отряда, не говоря уже о регулярной армии, требуются средства. Чтобы армия существовала сколь бы то ни было долгое время, ведя победоносные боевые действия, подобная финансовая подпитка должна иметь весьма устойчивую форму. Раз-

рушив государственное финансирование армии, большевики тем самым должны были бы загнать себя в тупик. Однако, к их счастью, финансирование первых отрядов Красной гвардии произошло на средства германского генерального штаба, щедро ассигнующего деньги на внутренний развал политической системы своего военного противника, что в свою очередь позволило большевикам умножить численность своей вооруженной силы. За два с небольшим месяца с ноября 1917 года отряды красногвардейцев числом в 10 000 человек выросли до армии в 350 000 уже к началу 1918 года. Денежное довольствие красногвардейцев было также соответствующим. В среднем наемные красногвардейцы получили в 10, а то и более раз, чем любой среднестатистический штаб-офицер Императорской армии.

Неудивительно, что за три года, при постоянно проводимых мобилизациях и привлечении в качестве наемных войск китайцев, венгров и представителей прибалтийских государств, рост Красной армии протекал невиданными темпами. Для того чтобы как-нибудь противостоять столь многочисленному противнику на главных направлениях борьбы, для белых было необходимо наличие у них основных составляющих военного успеха — техники, вооружений и главного из них — обученных военному делу кадров.

Здесь, однако, надобно заметить, что при всей скудности военных запасов и кадров духовная составляющая идеологии Белого движения почти сразу же оказалась сильнее большевистской пропаганды. Даже формальное свержение самодержавной власти в России не означало одномоментной капитуляции всех ее государственных институтов, включая ослабленную трехлетней войной армию. Именно она встала по первому зову на защиту порядка, однако на этот раз уже на «внутреннем фронте». В передовых отрядах сопротивления оказались не опытные фронтовики, а

та часть российских вооруженных сил, в отношении которой мемуаристы нередко применяли собирательный образ — «военная молодежь». Она и устремилась удержать гибнущее на глазах государство от начавшегося распада, в круговороте которого все недавние ценности и святыни общества оказались, по существу отмененными чередой большевистских приказов.

В связи с этим нам кажется уместным вспомнить о том, что происходило в эти дни в Петрограде и Москве — двух крупнейших городах империи. С 27 октября по 3 ноября 1917 года Первопрестольная прожила неделю в грохоте артиллерийских и бомбометных разрывов и нескончаемой ружейной стрельбы. Это учащиеся городских юнкерских училищ, невзирая на отсутствие командиров, оказали первый организованный вооруженный отпор городской черни под водительством революционеров.

Обоснованно решив лишить армию возможности организоваться для сопротивления, большевики поспешили нанести удар по последним бастионам защиты государственности — военным учебным заведениям. Волна репрессий распространилась на все российские военные училища, еще сохранившиеся к тому времени. Обоснованность безнаказанного сокрушения учебных заведений в глазах граждан выглядела сомнительной, и для этого большевики замыслили придать погромам форму некоего общественного протеста. Свою подстрекательскую деятельность большевики прикрывали необходимостью борьбы с абстрактным образом «реакционных военных», которые что-то не приняли и не осознали ценности социалистических идеалов.

Подобная галиматья, как ни странно, порой возымела действие, ибо эйфория разразившейся свободы в массовом сознании зачастую была неотделимой от справедливых социальных учений, к носителям которых причисляли себя

почти все большевики, и покушение на социалистов приравнивалось к покушению на все гражданские свободы в целом. К кампании травли армии и ее институтов большевиками привлекались «широкие народные массы», на поверку оказывавшиеся привлеченными возможностью легкой наживы обывателями и представителями городской черни. Несмотря на неравные силы, учащаяся военная молодежь достойно стояла за себя, оказав сопротивление «наэлектризованной» большевистскими провокаторами толпе и беснующимся городским низам.

В Москве, например, равно как и в Петрограде, юнкера не сдавали стен своих учебных заведений в течение нескольких дней. Сценарий нападений на училища повсеместно был один и тот же. Большевики собирали толпу, вели ее к воротам училищ, прорывались внутрь, если это было возможно, а там, пользуясь неготовностью юнкеров и кадетов без сомнений стрелять по согражданам, грабили казенное имущество и убивали сопротивлявшихся офицеров-воспитателей и самих учащихся. Делалось это порой из хулиганских побуждений.

Во время осады и беспорядков, бушевавших уже в стенах училищных зданий, начальство пыталось связаться со своим вышестоящим руководством, дабы выяснить свои полномочия и получить какие-нибудь распоряжения. Часто случалось, что по какой-то странной закономерности все высшее военное начальство отсутствовало, предоставляя директорам корпусов и начальникам юнкерских училищ действовать на свое усмотрение. Как вести себя, когда в учебном корпусе беснуется толпа, знали, увы, немногие... Случалось, правда, что если кого из начальников и «заставали врасплох» отчаянные звонки из подведомственных учебных заведений, то последние старались отделаться туманными фразами и ни к чему не обязывающими советами. Непредвиденный ход развития событий, — убийство

подчиненных и учеников, грабеж училищного имущества — словно бы парализовал волю всех начальников петроградских военных училищ.

На призывы отдельных офицеров-воспитателей и юнкеров старших классов к своим убежденным сединым генералам, выйти на улицы и защитить порядок в городе, последние лишь безучастно взирали на происходящее, никак не откликаясь.

Стремление усмирить бунт черни, по утверждениям современников, оказалось особо сильным у всего старшего курса Константиновского артиллерийского училища, однако приказом начальника им было запрещено покидать пределы здания. Организованного сопротивления юных артиллеристов не получилось. Одно за другим военные училища слали бумаги в местный ВРК, в которых объявляли о своей сдаче на милость победителей; некоторые юнкера разбежались, часто оставляя военную форму и стараясь на выходе из стен училища придать себе наиболее «гражданский вид».

2 ноября 1917 года Собор Русской православной церкви обратился ко всем, кто в эти дни вышел на улицы с призывом не допустить кровопролития. Обращения Собора были доставлены в Военно-революционный комитет большевиков, Московский комитет общественной безопасности и генерал-лейтенанту Павлу Логиновичу Миллеру (Муратову), начальнику Александровского военного училища, вместе со своими юнкерами принимавшему участие в обороне московских святынь. О чем же говорила церковь, обращаясь к противоборствующим сторонам? Собор, от лица которого прозвучал призыв, молитвенно просил остановить вооруженные столкновения: «Во имя Божие Всероссийский Священный Собор призывает сражающихся между собой дорогих наших братьев и детей ныне воздержаться от дальнейшей, ужасной кровопролитной брани.

Священный Собор от лица всей нашей дорогой православной России умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и дорогих всей России наших в нем святынь, разрушения и поругания которых русский народ никогда и никому не простит, Священный собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу»¹.

И все же повсеместной, безропотной капитуляции военных училищ большевикам было не дано увидеть. Большевистское восстание в Москве встретило противодействие в нескольких точках города. Центром сопротивления Военно-революционному комитету большевиков стал в ноябрьские дни 1917 года дом Александровского военного училища на Арбате. В его стенах были сформированы первые отряды добровольцев, состоявшие из офицеров и юнкеров, солдат-ударников, студентов, гимназистов и реалистов старших классов, пришедших туда, чтобы постоять за державу. Тогда же самый многочисленный их отряд получил название «Белая гвардия». Участие в боях против вооруженных отрядов ВРК приняли юнкера и офицеры Александровского и Алексеевского военных училищ, 2-й школы прапорщиков и кадеты трех корпусов старших классов, чьи здания располагались в Лефортово.

С начала противостояния сторон предполагалось, что руководить силами, верными Временному правительству, должен будет командующий Московским военным округом полковник К.И. Рябцев. Но полноценного командующего «Белой гвардией» из него не получилось, ибо с самого начала вооруженного конфликта Рябцев принял весьма двусмысленную гражданскую позицию. Своими противо-

речивыми распоряжениями и приказами, отдаваемыми подчиненным, полковник Рябцев сковал всяческую инициативу, проявив при том колебания личной воли. Окружающим становилось все более очевидным, что он старался прийти к некоему соглашению с Военно-революционным комитетом Москвы, нежели просто разоружить и арестовать бунтовщиков. Своим поведением Рябцев не просто убедил ВРК в нерешительности военных покончить со смутой, но еще изрядно повредил собранной под его началом Белой гвардии, сделав ее на время беспомощной мишенью для беспрестанно атаковавших отрядов красногвардейцев. Но главная его вина состояла в том, что из-за промедления белых отрядов, скованных дисциплиной и приказом воздерживаться от открытия огня, произошла утрата инициативы в борьбе с очагами беспорядков, организованных городскими большевиками.

В 1918 году Рябцев поспешил покинуть Москву и переехал в Харьков, где мирно проживал до 1919 года, до той самой поры, пока во время наступления Добровольческой армии город не был взят частями под командованием генерала В.З. Май-Маевского. Контрразведка добровольцев, занятая выявлением сторонников большевизма и предателей, произвела арест Рябцева, и дальше началось расследование его приснопамятного бездействия на посту командующего Московским военным округом поздней осенью 1917 года. Следователи военной прокуратуры Добровольческой армии вели дело к прямому обвинению Рябцева в должностном преступлении; ведь именно он отдал приказ о прекращении сопротивления силам ВРК в Москве, не используя в полной мере всех имевшихся в его распоряжении ресурсов и не считаясь с мнением подчиненных офицеров. Допрошенные в ходе следствия бывшие защитники Москвы из числа юнкеров и офицеров, служившие в то время в Добровольческой ар-

¹ Регельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917 — 1945. Париж: YMCA-Press, 1977.

мии, свидетельствовать о чем-либо, оправдывающем действия полковника Рябцева, отказались.

Полковник Рябцев был расстрелян по приговору в измине, но, справедливости ради, стоит сказать, что в роковые дни осени 1917 года, нашлись настоящие люди долга и чести. Полковник лейб-гвардии Волынского полка Леонид Николаевич Трескин отдал приказ своим юнкерам занять и держать оборону в Лефортово, в здании Алексеевского военного училища, не допуская туда бандитов и распаленную жаждой легкой поживы толпу. И лишь достоверно узнав о том, что большевики подтягивают артиллерию, чтобы быть по зданию училища прямой наводкой, полковник Трескин распорядился сложить оружие. В целом, в городе сопротивление большевистскому мятежу не угасало, постепенно охватывая центр Москвы. Слышалась стрельба на Спиридоновке и соседней с ней Малой Бронной, а в Гранатном переулке в это время шли бои пресненских рабочих отрядов с юнкерами. Большевики-пресненцы прицельным огнем с крыш вытеснили юнкеров с этих улиц, столь удобных для долговременной обороны, на открытое пространство площади, к Никитским воротам. Перестрелка усилилась возле кинотеатра «Унион», стоящего на пересечении Малой Никитской улицы и бульвара. Шел бой и возле другого белого бастиона, находившегося неподалеку от Волхонки, — казарм Александровского военного училища. Несколько лет тому назад московская вечерняя газета рассказала о случайно обнаруженном в бывшем здании училища на Волхонке тайнике, где с октября 1917 года оставались спрятанными некоторые личные вещи и оружие юнкеров.

Ввиду нарастающего численного превосходства большевиков, бои в городе стали затихать. Часть белых защитников Москвы, сдавшихся под честное слово ВРК, была расстреляна на территории воинских казарм в Лефортово.

Отзвуки перестрелок еще продолжали некоторое время доноситься с Остоженки, Пречистенки и из Хамовников. Обыватели испуганно жались к стенам зданий. Улицы быстро обезлюдели, и казалось, что обыкновенная жизнь города приостановилась. После упорных боев красногвардейцами был занят Брянский (ныне Белорусский) вокзал. Переправившись у Зарядья, они просочились в притихшее Замоскворечье. Положение дел изменила перешедшая к большевикам 1-я запасная артиллерийская бригада, предоставившая им для обстрела засевших на Тверской улице юнкеров свои батареи. В те дни удача лишь ненадолго улыбнулась оборонявшимся белогвардейцам, когда ими был отбит Брянский вокзал вечером 30 октября 1917 года. На него утром следующего дня прибыл с фронта «батальон смерти», присоединившийся к Белой гвардии и вместе с ней поведший успешное наступление на красногвардейцев, укрепившихся на всем протяжении Тверского бульвара. Красные дрогнули, откатываясь на Страстную площадь. Небольшая часть их в это время отбивалась от атак белогвардейцев у стен Зачатьевского монастыря на Остоженке.

Еще спустя сутки юнкеров вытеснили с Пресни. Красногвардейцами оказались заняты Провиантские склады. Постепенно они вернули себе господствующее положение на Страстной (ныне Пушкинской) площади и даже перешли в контратаку. Алексеевское военное училище было окружено красными и неистовавшей толпой, призывавшей к убийству всех засевших там юнкеров. Солдаты-дезертиры Двинского полка приступом взяли Малый театр; люмпены и городская чернь, подоспевшая из Сокольников, захватила почтамт. Артиллерийским огнем юнкеров вынудили отойти со Страстной площади, в то время как рабочие завода Михельсона перешли Москворецкий мост и закрепились на Москворецкой улице. В импровизированный штаб Белой гвардии пришло известие о том, что в Крутиц-

ких казармах сложили оружие юнкера. Затем прибежавшие юнкера сообщили, что видели белый флаг, выброшенный из окна Алексеевского училища. Борьба стихала, но не заканчивалась, и одной из причин все еще продолжающегося сопротивления стала изоляция юнкеров, окруженных в Кремле, не пожелавших сложить оружие и не ведавших о почти повсеместной победе Красной гвардии. Солдаты-артиллеристы получили приказ ВРК: «Штаб Военно-революционного комитета приказывает прекратить стрельбу по Никитским воротам и перенести огонь на Кремль. Член Военно-революционного штаба А. Аросев, секретарь — Самсонов. 1 ноября 1917 г.»

Согласно этому приказу по Кремлю был открыт огонь из 6-дюймовых орудий. Преступный приказ об обстреле, отданный Александром Яковлевичем Аросевым, был, увы, не единственным разрушительным документом, вышедшим из-под пера этого большевика. В стремлении захватить Кремль любой ценой Аросев не остановился ни перед какими средствами. Главной его задачей стало выбить еще сопротивлявшихся юнкеров прочь: «Занять позицию с левой стороны Бабьегородской плотины и обстрелять Кремлевскую стену, выходящую к Манежу. Пробить брешь у Троицких ворот. Занять позицию с правой стороны Бабьегородской плотины и обстрелять район Ленивки и подготовить артиллерийским огнем продвижение пехоты на Волхонку... Член В.Р.К.А. Аросев». Воздействие разрушительного огня на здания православных святынь, судя по тексту документа, не виделось ему чем-то кощунственным. Казалось, ничто, кроме своей драгоценной жизни и политики, не волновало этого «сына портного», как называют Аросева в официальной биографии, о котором простодушные советские историки с гордостью писали, что в юности он имел средства учиться «на философско-филологическом факультете Льежского университета и в Петроградс-

ком психоневрологическом институте», что было занятием отнюдь не дешевым. Обучение, на которое были затрачены немалые средства, не пошло ему впрок, и к идеям гуманизма, судя по его роли в расстреле кремлевских святынь, этот большевик остался вполне равнодушным.

Масштаб разрушений, произведенный артиллерией по приказу Аросева, оказался колоссален. Невольно задаешься вопросом, был ли он отдан в здравом уме образованным человеком? Образованным, но духовно слепым, равнодушным к российским святыням, ее гостем, но не сыном, Геростратом новейшей истории, в целом достойным сожаления и деянием своим обрекшим свою душу на вечные муки...

Снаряды не пощадили древний Успенский собор. В одну из его маковок угодил снаряд, разорвавшийся в ее середине, а разлетевшиеся во все стороны осколки изрядно подпортили соседний купол. В купольном барабане образовались опасные трещины, грозившие со временем дальнейшим его разрушением. Каким-то чудом уцелела срединная глава собора. Снаружи вся алтарная стена оказалась полностью испещренной выбоинами от пуль и осколков снарядов. Подобных следов на белокаменной оболочке храма очевидцы событий насчитали около 70. На северной его стене обнаружилось 54 пулевых отверстий. В зеркальных стеклах внутри этой церкви тоже остались следы обстрела. Внутри собора по полу лежали рассыпанные осколки разорвавшегося шестидюймового снаряда, глубоко вспахавшие стенопись и погнувшие даже тяжелые паникадила. Престол и алтарь были усеяны осыпавшимся стеклом. Древние стены Чудова монастыря были пробиты, судя по всему, шестью тяжелыми снарядами. То там, то здесь глубоко виднелись глубокие пробоины, а расплывавшиеся от них во все стороны трещины местами доходили до 2—3 аршин в диаметре.

Снарядами оказались повреждены и митрополичьи покои, занимаемые митрополитом Вениамином (Казанским). Священномученик вспоминал: «Целую неделю под выстрелами я провел в Кремле... Последние двое суток насельники Чудова монастыря спасались в подвале и подземной церкви святителя Еρμοгена, куда были перенесены и мощи святителя Алексия из соборного храма. Стену занимаемого мной помещения пробиты два снаряда тяжелой артиллерии, разорвались и произвели большое разрушение. Из своей комнаты я вышел за несколько минут перед этим. Ко всенощной и литургии под выстрелами через двор ходили в подземную церковь. Шла постоянная служба. Братия исповедалась, причащалась Святых Тайн: служащие и не служащие готовились к смерти»¹. Внутри митрополичьих покоев остались лишь неравномерные обломки мебели и груды камней. В одной из комнат снаряд пробил внушительной толщины оконный откос и разрушил вплоть до висевшей там иконы Богородицы стену, но сама икона со стеклом и мерцающей подле нее лампадой осталась невредимой.

На территории Кремля пострадала и колокольня Ивана Великого. Ее повредили попавшие снаряды, выпущенные из орудий, установленных с восточной и юго-восточной стороны. В алтарное окно Николо-Гостунского собора влетел шальной снаряд и разорвался в самом его алтаре. Старинное Евангелие, находившееся неподалеку от окна, взрывной волной было выброшено на пол, к престолу, при этом была разбита верхняя крышка книги и отбито барельефное изображение Воскресения Христова и евангелистов. На полу храма виднелись осколки снаряда, лежали куски разбитого кирпича и разорванные части богослужебных книг, а в углу находился погнутый жертвенник. Досталось

«заботами» товарища Аросева и Благовещенскому собору и знаменитому крыльцу Лождетты, с которого еще царь Иоанн Грозный любовался кометой. Оно было разрушено прямым попаданием снаряда.

Следы преступного обстрела Кремля остались почти на всех храмах, включая и Архангельский собор, и церковь Воскресения Словущего, Ризоположенскую церковь с часовой иконы Печерской Божьей Матери, и Предтеченскую церковь в Боровицкой башне. Пули в этой башне попадали в иконописные лики московских святителей и Казанской иконы Божьей Матери... От обстрела пострадала и Патриаршая ризница, где некоторые покровы были пробиты пулями, а от осколков пострадало Евангелие XII века великого князя Мстислава Владимировича. С верхней его позолоченной и серебряной крышки была сбита часть эмали, необыкновенно ценной по причине во многом неповторимости подобной работы. Пострадали патриаршие митры, поручи, витрины с патриаршими облачениями, но особенно разрушению подвергся Собор XII апостолов, на наружной стене которого оказалось 16 орудийных, 96 осколочных и сотни ружейных пробоин и выбоин. Несколько сквозных огромных пробоин обнаружилось и в Малом Николаевском дворце, принадлежавшем ранее Чудову монастырю. Снаряды разрушили Петропавловскую церковь в Николаевском дворце, шкафы в храме были разбиты, от многочисленных попаданий осколков его иконостас пришел в негодность. Шальной снаряд пробил даже купол знаменитого Екатерининского зала в здании Судебных установлений. Артиллерийский обстрел не пощадил и кремлевские башни — Беклемишевскую и Никольскую. Ружейная пуля угодила в расположенную на Троицких воротах икону Казанской Божьей Матери. Много пулевых выбоин осталось в Спасской башне. Знаменитые часы с музыкальным боем разбиты и остановились...

¹ Коняев Н. М. Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский. М. Благо, 2005

Все это увидел и описал в своих записях святитель Нестор Камчатский, опубликованных чуть позже, чье сердце было сокрушено печалью о покушении на православные святыни. Горькие свидетельства очевидца важны, но в данном случае зададимся вопросом, откликнулась ли на эти события православная церковь и был ли обращен ее призыв к одним лишь большевикам?

11 ноября 1917 года Священный собор Русской православной церкви отозвался полным скорби и гнева посланием к народу: «...В течение ряда дней русские пушки обстреливали величайшую святыню России — наш Кремль с древними его соборами, хранящими святыне чудотворные иконы, мощи св. угодников и древности российские. Пушечным снарядом пробита кровля дома Богородицы, нашего Успенского собора, поврежден образ Св. Николая, сохранившийся на Никольских воротах и во время 1812 года, произведено разрушение в Чудовом монастыре, хранящем мощи св. митрополита Алексия. С ужасом взирает православный народ на совершившиеся, с гневом и отвращением будут клеймить это злое дело потомки наши.

...Но чьими же руками совершено это ужасное деяние? Увы! Нашего русского воинства, того воинства, которое мы молитвенно чтим именованьем христолюбивого, которое еще недавно являло подвиги храбрости, смирения, благочестия. ...Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения — кровавая распря строителей, всего мира и братства народов — смешение языков и жесточенная ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затмение совести и разума. ...Давно уже... сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого. На этой почве обещают они создание всеобщего счастья на земле... Но не может никакое земное царство держаться на безбо-

жии: оно гибнет от внутренней распри и партийных раздоров. Посему и рушится Держава Российская от этого беснующегося безбожия. На наших глазах совершается праведный суд Божий над народом, утратившим святыню... Вместе с кремлевскими храмами начинает рушиться все мирское строение Державы Российской»¹.

13 ноября 1917 года там же, в московском храме Вознесения, прошли заупокойные службы по всем юнкерам, погибшим в ходе самого ожесточенного в Москве боя, завершившегося у Никитских ворот. Как известно, часть юнкеров и офицеров похоронили в ограде храма. О самих ноябрьских боях 1917 года и поныне напоминают мемориальные доски с соответствующими надписями, установленные в центре Москвы в годы советской власти. Их легко можно отыскать на стенах зданий бывшего штаба Московского военного округа на Остоженке, Провиантских складов на Садовом кольце, на гостинице «Метрополь», а также на здании Центральной телефонной станции на Большой Лубянке.

Важно напомнить читателю и о том, что часть погибших в столкновениях с московскими большевиками юнкеров была захоронена на Братском кладбище на территории бывшего села Всесвятского, еще в 1970-е годы остававшемся в виде небольшого клочка земли возле храма Всех Святых, в нескольких метрах от современной станции метро «Сокол». Это кладбище было основано в 1915 году. Сразу же на нем стали погребать нижних чинов и унтер-офицеров, казаков, сестер милосердия, офицеров, авиаторов от ран и болезней, скончавшихся в московских лазаретах. Там же хоронили чинов союзных армий и даже некоторых военнопленных. А вскоре после октябрьского переворота в

¹ Ретельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917 — 1945. Париж: YMCA-Press, 1977.

1918 году, через год, оно превратилось в место расстрела сотрудниками Московской чрезвычайной комиссии офицеров — участников неудавшегося заговора по спасению царской семьи, а также пойманных членов подпольной организации «Союз защиты родины и свободы». Кроме них там были расстреляны сотни взятых в качестве заложников лиц: чиновники, просто титулованные и нетитулованные дворяне, московские клирики и обыватели.

В российской прессе 1990-х годов приводились данные о том, что на Братском кладбище за три года Гражданской войны московскими чекистами было расстреляно свыше 10 тыс. человек. Газета «Вечерняя Москва» опубликовала в конце прошлого века пространные сведения о списках жертв расстрелов 1920-х годов, в их перечень были включены также и лица, убитые и захороненные на тайном кладбище на территории Яузской больницы. Среди них числились офицеры Императорской армии, те, кто вернулся из эмиграции на родину, и те, кто был схвачен ГПУ при попытке нелегального проникновения на территорию СССР. Разумеется, «справиться» своими силами в ходе массовых расстрелов МЧК не могла, но в те дни для этого недоброго дела нашлось немало добровольных помощников из числа горожан. Это можно объяснить отчасти общим стремительным распадом нравственного начала части народа, считавшей, что теперь любое зло в отношении державного прошлого России, которое так ненавидели большевики, будет поставлено им только в заслугу.

Усилия узурпаторов власти по разложению воли народной дали ужасающие всходы. Сам распад духовного уклада народа в те годы оказался столь скорым и необратимым, что вызвал потрясение даже у бывших приверженцев либеральных ценностей и так называемых «демократических принципов» государственного управления. Долгое время эти господа тешили свою гордыню член-

ством в тайных организациях и претендовали на монопольное обладание высшим знанием о путях оздоровления государственной жизни. В появлявшихся статьях не только литераторов, но и общественных деятелей того времени сквозь недоумение сквозит явная обреченность. Дневники Зинаиды Гиппиус, Александра Блока, Марины Цветаевой и записки Михаила Осоргина сохранили на своих страницах опыт произошедшего «просветления» духа, «открывшихся глаз» на большевизм и его сторонников, на беспощадную власть толпы и предчувствие грядущего хаоса. Горьким сарказмом наполнены строки мемуаристов, повествующих о небывалом кризисе всей российской жизни, всех, кто мог сколь бы то ни было связно изложить свои переживания на бумаге — бывших высших чиновников империи, аристократов, великих князей, их морганатических жен и представителей полусвета.

И даже когда на юге России затеплились первые очаги белой борьбы и исход этой борьбы еще не был так ясен ни одной из сторон, большевики не умили своего разрушительного пыла, продолжая губить российскую цивилизацию так, как только они могли это сделать.

В начале 1918 года в Петрограде и Москве в знак протеста против обнаружившихся преступлений большевизма начались забастовки служащих, врачей, учителей, инженеров транспорта и связи, чиновников государственных министерств и ведомств. В ответ на забастовки на практике стала претворяться большевистская концепция «принудительного труда» и последовавшая за ней «эпоха военного коммунизма», кстати, не имевшая конечной цели восстановления довоенного уровня экономики державы. Ведь впереди перед очами большевистских вождей маячила «перманентная революция» во всем мире, и России ими было уготовано быть лишь инструментом и временной базой для осуществления их глобальных замыслов.

Из-за отсутствия профессиональных кадров, желавших верой и правдой служить большевистскому интернационалу, из-за разрушительных последствий их деятельности во всех отраслях промышленности, объем производства в России начал неуклонно снижаться, составив к 1920 году всего лишь 20% от показателей 1913 года. Не прошло и года после того, как большевики взяли власть, а уже в разных частях России рабочие стали поднимать восстания и выступать против правящего режима. Власть большевизма, вплоть до своего формального распада в 1991 году, никогда не была безобидной формой управления страной. В основе ее деятельности постоянно присутствовал деструктивный метод в отношении к российской государственной традиции, исключаящий любую идею разумного созидания взамен разрушаемого ею «несовершенного прошлого».

В ноябре 1917 года был принят декрет «о рабочем контроле над производством», именуемый в тогдашней советской прессе «красногвардейской атакой на капитал». Он санкционировал конфискацию частных фабрик, заводов, иных производственных мощностей, включая даже небольшие предприятия. Конфискованные новой властью предприятия требовали средств, необходимых для оплаты эксплуатационных расходов, включая заработную плату рабочих, однако существовавшая банковская система, рухнувшая по милости большевиков почти моментально, унеся с собой не только средства учреждений, но и все вклады населения и предприятий в банках и сберегательных кассах. Золото и драгоценные металлы, которые сразу же стала конфисковать советская власть, использовались ею лишь на собственные нужды, призванные обеспечить и по возможности дольше продлить ее существование, а также гарантировать безбедное существование за границей, если большевикам не удастся удержаться в России. В отсутствие

годами сложившихся схем финансирования промышленности национализированные новой властью крупные и средние заводские предприятия и фабрики стали останавливаться один за другим. Это породило неизбежный скачок цен на промышленные товары; зарплата рабочим и служащим предприятий не выплачивалась, да и сами деньги стремительно обесценивались.

Обеспокоенное происходящим в промышленности кризисом, Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов в Петрограде 26 марта 1918 года сделало заявление, в котором, в частности, говорилось: «Мы, петроградские рабочие, в большинстве своем приняли этот переворот, совершенный от нашего имени и без нашего участия. ... Но прошло уже четыре месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными... Новая власть называет себя советской и рабочей, крестьянской. А на деле важнейшие вопросы государственной жизни решаются помимо советов»¹.

Движение рабочих уполномоченных, призванное отстаивать права той части населения, которая была занята в промышленном секторе, вскоре распространилось по многим российским городам, где так же, как и в столице, стали останавливаться заводы. 20 и 21 июля 1918 года стараниями промышленных рабочих был созван их первый Всероссийский съезд. Он принял ясную резолюцию о прекращении «опытов социализации и национализации фабрик и заводов». В ней было особо подчеркнуто, что «...пролетариат может и должен сообразовывать свою деятельность с усилиями других прогрессивных классов, заинтересованных в развитии производственных сил...». Достойны в нем внимания и такие недвусмысленные строки: «основная политическая задача рабочего класса ныне — борьба за низ-

¹ Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.

вержение советской власти и восстановление демократического строя...» После опубликования резолюции в печати все делегаты съезда были арестованы ВЧК, выделившей по случаю массового ареста свою «преторианскую гвардию» — латышских стрелков.

Развал промышленности страны, сопровождаемый нескончаемыми репрессиями и притеснением гражданских свобод, становился все более ощутимым и стал очевиден уже всем слоям населения России. Русская интеллигенция при всей своей либеральности воззрений была в значительной степени потрясена тем, какой оборот принимают еще недавно столь желанные ей перемены в государственном управлении и как постепенно рассыпаются в прах все ее мечты о «счастливом будущем».

В августе 1918 года в Ижевске и Воткинске рабочие свергли власть местного Совета и организовали Ижевскую народную армию, численность которой со временем достигла 70 тыс. человек. В течение трех с лишним месяцев Ижевская народная армия вела успешные бои против частей Красной армии. Уступая напору превосходящих сил противника, «ижевцы» отступили на восток, увозя с собой имущество и семьи, дабы там присоединиться к Сибирской армии адмирала Колчака. Именно в ней «ижевцам» суждено было стать одной из самых храбрых частей.

Месяц за месяцем на всей территории российской державы разрасталось сопротивление советской власти, последовавшее со стороны самого многочисленного класса в стране — крестьянства. Передел помещичьих, церковных и государственных земель давал не более четырех десятин на человека; цифра в 150 млн. десятин земли, часто встречающаяся в советских источниках, отражала лишь наличие площади существовавшей земли в России, но не объема, фактически используемого крестьянами земли. «Декрет о земле», выглядевший заманчивым лозунгом накануне

большевистского переворота, объявлял на деле всю землю «государственной собственностью», превращая тем самым крестьян лишь в арендаторов у Советов, которые фактически ею распоряжались. Развал и продажа иностранным концессионерам частей предприятий в различных отраслях промышленности отчетливо выразилось в острой нехватке потребительских товаров. Для крестьянства, везущего в город на продажу свою сельскохозяйственную продукцию в надежде приобрести на вырученные деньги промышленные товары, эта схема все более усложнялась, в каких-то случаях становясь невозможной из-за нарастающего дефицита товаров. Это, в свою очередь, привело к возникновению голода в городах из-за нехватки поставок продовольствия от крестьянства и других сельскохозяйственных производителей, не желающих сдавать за бесценок столь не просто дающиеся им «излишки» своей многотрудной деятельности.

В качестве ответной меры власти по отношению крестьянству в декабре 1917 года большевиками был открыт так называемый «хлебный фронт», целью которого было объявлено принудительное изъятие зерна у крестьянства. Центральной большевистской властью спешно создаются вооруженные формирования, объединенные к началу 1918 года в Продовольственно-реквизиционную армию. Ее численность уже к ноябрю того же года составила 42 тыс. человек. Декретами новой власти повсеместно на территориях, подконтрольной большевикам, была введена продразверстка, смысл которой состоял в принудительной сдаче крестьянами «излишков продовольствия», и одновременно с этим любая частная торговля была объявлена «преступлением» и каралась расстрелом.

Старый большевик Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич вспоминал: «Всюду стояли заставы, чтобы никто не мог ни пройти, ни проехать с какими-либо продуктами, — все

были посажены на паек». От Совнаркома, высшего органа большевистской государственной власти, «продотряды» получили самые широкие полномочия, дававшие им возможность беспрепятственно отбирать имущество тех из крестьян, кто откажется добровольно сдавать излишки зерна, брать в заложники их родственников и производить расстрел на месте всех сопротивляющихся этому.

В своих телеграммах к губернским уполномоченным Народного комиссариата продовольствия в Саратове и Пензе, «товарищам» Пайкису и Минкину, Ленин приказывал «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская *идиотской* волокиты». Большевистский вождь давал наставления следующего характера: «1. Повесить (непременно повесить!), дабы народ видел не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2. Опубликовать их имена. 3. Отнять у них весь хлеб. 4. Назначить заложников... Телеграфируйте получение и исполнение»¹.

Для оказания помощи продотрядам в июне 1918 года в селах и деревнях, находившихся под властью большевиков, директивно создаются комитеты бедноты. Их представителями нередко оказывались недавние изгои крестьянской общины — нерадивые работники, пьющие люди, сезонные работники «перекати-поле». Теперь они получили официальное право грабежа и власть над односельчанами. Первыми жертвами таковых становились имущие крестьяне, создававшие свои прочные хозяйства многолетним кропотливым трудом.

Тем временем под влиянием неудач на фронтах и угрозы продвижения деникинских войск к Москве в 1919 году большевистская власть, обещавшая солдатам-крестьянам мирную жизнь еще два года назад, призвала их к участию в ширящейся гражданской войне для защиты эфемерных для

сознания крестьянства «завоеваний революции». В подобных «завоеваниях», небывало ухудшивших крестьянскую жизнь и поколебавших их многовековой уклад, оно нуждалось менее всего. Ответом на призывы большевиков к мобилизации и принудительной сдаче продовольствия только лишь в 20 губерниях Центральной России стали 245 выступлений, официально зарегистрированных ВЧК.

С апреля 1918 года против большевизма восстала порабошенная ими область Войска Донского, а спустя восемь месяцев череда восстаний прокатилась по всему Поволжью. Большевики бросили войска для подавления этих очагов, но эти жестокие меры не оправдали себя. Стойкость повстанцев поражала даже их усмирителей. Так, в марте 1919 года одна бригада Красной армии отказывается подавлять крестьянское выступление в белорусском Полесье и полностью переходит на сторону восставших, захватывая города Гомель и Речицу.

В начале 1921 года, когда исход русской армии генерала Врангеля на Балканы еще не завершился и Гражданская война не была бесповоротно выиграна большевиками, крестьянские повстанцы в Сибири заняли Тобольск, Кокчетав, значительные части Челябинской, Омской и Тюменских губерний, осадили города Курган и Ишим. В Тамбовской губернии в описываемое время под руководством крестьянского вождя Антонова были созданы целых три крестьянских армии, общей численностью в 50 тыс. человек. Не было не только ни одной губернии, но и ни одного уезда, где бы ни возникали стихийные случаи сопротивления властям в ходе проводимой ими продразверстки. Крестьянством часто использовались лозунги «За Советы без большевиков!», что, разумеется, не подразумевало приятие крестьянством советской власти, а только выражало их понимание выборных органов, таких, какими для них прежде были земства и общины.

¹ Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.

На подавление крестьянских выступлений советской властью выдвигались все новые полководцы, прежде командовавшие не только регулярными частями Красной армии, но и карательными интернациональными частями. Части, состоявшие из бывших пленных подданных Австро-Венгерской монархии — чехов и венгров, а также из хорошо оплачиваемых китайских наемников, были безразличны к судьбам российского населения и даже печально «прославились» своими жестокими и беспощадными мерами усмирения русских крестьян. По мере ожесточения борьбы с крестьянством, одним из инструментов борьбы советских войск стал захват заложников из числа селян, содержание их в концентрационных лагерях (по предложению Ленина) и затем расстрелы при нападениях повстанцев.

В неравной борьбе с плохо вооруженными крестьянами большевиками в ход были пущены все новинки военной техники и даже применено химическое оружие. В Тамбовской губернии Тухачевским был отдан приказ о массовой химической атаке на повстанцев. Приказ был краток: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространилось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось»¹. Тухачевский старался использовать все имевшиеся в арсенале его частей технические средства, в том числе и аэропланы. То и дело сыпались бомбы, их обстреливали красные летчики на бреющем полете из авиационных пулеметов.

Разгоралась настоящая «внутренняя война», шедшая наряду с белой борьбой в других частях России. Несмотря на отдельные успехи крестьян, их борьба была заведомо

¹ Назаров М. В. Вождю Третьего Рима.

² Там же.

обречена на поражение, ибо не имела ни объединяющего руководства, ни общей цели, во многом выливаясь в протест доведенных до отчаяния сельских тружеников изъятием последних запасов продовольствия и бесчеловечным обращением представителей центральной власти. «Крестьяне озверели, с вилами, с кольями и ружьями в одиночку и толпами лезут на пулеметы, несмотря на груды трупов, их ярость не поддается описанию...»², — писал о борьбе с продотрядами эмигрантский историк и демограф М. С. Бернштам.

Жестокость усмирителей, проявленная в ходе подавления антоновского восстания, явилась не частностью, порожденной в условиях особого накала борьбы возмущенных крестьян с изымающими у них «излишками» представителями властей, но сразу же стала нормой на протяжении всего «строительства рая на земле». Политика, направленная на уничтожение крестьянства, доведение его до состояния нищеты, для того чтобы вызвать паралич воли к сопротивлению. Духовная основа жизни крестьянства должна была исчезнуть с прерыванием его связи с утратой веры и прерыванием связи с духовными наставниками.

Давление на крестьянство не прекращалось ни во время, ни после окончания Гражданской войны, со временем лишь усиливая нажим на слабо сопротивляющуюся его часть. Усердно изымаемые продотрядами «излишки» порой не оставляли у подобных крестьян даже семенного фонда для засеивания полей. Сильная засуха усугубила дело: в деревне начался настоящий голод. Православная церковь тотчас же основала Комитет помощи голодающим, начал сбор пожертвований и средств в том числе и ценного церковного имущества, кроме того, что употреблялось в богослужении. Большевики постарались перехватить инициа-

¹ Назаров М. В. Вождю Третьего Рима.

тиву у православных, запретив деятельность церковного комитета, и, поддержав директиву за подписью Михаила Ивановича Калинина о насильственном изъятии всех, имеющих ювелирную ценность, предметов из церквей и монастырей, невзирая на то, имеют ли эти предметы богослужебное назначение или нет.

Ленин в эти дни убеждал соратников: «...Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам расстрелять, тем лучше»¹. К тому времени, когда Ленин высказал этот вывод товарищам по партии, Гражданская война была почти окончена. Некому было прийти на помощь восставшему народу, бастовавшим рабочим. Русская армия генерала Врангеля находилась далеко, и средств, необходимых для «весеннего похода», у нее не было. На всей территории России надолго установился мрачный большевистский режим.

На VII партийной конференции, проходившей в Петрограде в сентябре 1918 года, один из демагогов правящей верхушки большевиков, известный более под именем Григорий Зиновьев, высказался следующим образом: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из 100 населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить». В эти 10 % населения, по его мнению, входила наиболее непокорная часть населения, не принимавшего ига Интернационала. По мере раскачивания маховика внутренних репрессий советская власть позаботится о придании максимальной законности идущим репрессиям, опираясь на принятую в 1918 году первую Советскую конституцию. В ней были поставлены вне закона и лишены политических прав так называемые «нетрудящиеся клас-

сы и политические группы». Поражения в гражданских войнах распространялись и на всех членов семьи представителей «нетрудящегося класса». Это обрекло их на лишение распределяемого большевиками продовольствия, а следовательно, и голодную смерть.

Первая Советская конституция отменила понятие личной вины индивидуума, перенесла ее на социальные «классы» и группы людей. Вне закона оказались не только существовавшие до сих пор люди, отнесенные большевиками к определенным «классам», но и те, кому не посчастливилось родиться в «трудящейся» семье в большевистском опрелелении. Против них, ставших изгоями советского общества, и был направлен в первую очередь разразившийся в 1918 году «красный террор», официально провозглашенный декретом Совета народных комиссаров от 5 сентября 1918 года. Декрет был обнародован спустя пять дней после убийства начальника петроградской ЧК Моисея Урицкого молодым человеком Леонидом Канегисером из побуждений личной мести за расстрелянного большевиками товарища. В ходе последовавшей за тем волны арестов и расстрелов без суда и следствия появилось письменное указание члена Коллегии ВЧК М. Лациса, предназначенное для сотрудников ЧК: «...Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против советской власти оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова профессия... Эти вопросы должны решить судьбу обвиняемого. В том смысл и суть красного террора»¹.

После того как населению Петрограда и Москвы был объявлен «красный террор», ВЧК ввела систему взятия заложников из лиц, произвольно причисляемых ее уполномо-

¹ Назаров М. В. Вождю Третьего Рима.

моченными к так называемой «буржуазии», которые подлежали расстрелу после убийства любого большевика в городе. Из-за интенсивности проводившихся арестов для концентрированного содержания лиц, взятых в заложники, перестало хватать мест во всех построенных до 1917 года тюрьмах. В короткий срок, с декабря 1917-го и до начала 1918 года, целая сеть «домов заключенных» буквально открыла московский центр. Наиболее крупными стали «домзак» в Кривом переулке, в Малом Трехсвятительском переулке, и на Селезневской улице. Мрачную известность приобрел «домзак» в 3-м Знаменском переулке. В истории он «отличился» тем, что в 1920—1921 годы в нем устраивались некие особые «механизированные расстрелы». Сретенский «домзак» со временем стал еще одной городской тюрьмой. Близость к Сретенскому монастырю вселяла в мысли многих заключенных надежду на то, что молитвы пастырей смогут облегчить их участь, однако присутствие священников даже по просьбам арестованных в домах заключенных не позволялось.

Клир при диктатуре большевиков потерял все свои права, был вынужден терпеть притеснения от властей в той же, если не большей степени, чем миряне, да и сама жизнь православной церкви, конечно же, была неотделима от жизни большинства населения страны. В дни испытаний, претерпеваемых всем народом, она и не могла быть иной. Ее существование в виде объединяющего духовного начала для народа было неприемлемо для большевизма. Могли ли вожди большевиков смириться с присутствием опасного для их власти института, такого, как Русская православная церковь? Они поспешили дать понять это весьма скоро.

5 сентября 1918 года, в первый день объявленного террора, мученическую кончину приняли епископ Селенгинский Ефрем (Кузнецов) и председатель Русского монархического союза протоиерей Иоанн Восторгов, в на-

чале того же года откликнувшийся на убийство митрополита Киевского Владимира: «Народ наш совершил грех, — а грех требует искупления и покаяния. А для искупления прегрешений народа и для побуждения его к покаянию всегда требуется жертва. А в жертву всегда избирается лучшее, а не худшее. Вот где тайна мученичества старца-митрополита»¹.

Во многом эти слова оказались справедливы и по отношению к произнесшему их протоиерею. Террор только начал набирать свою силу, и первоначально чекистами были расстреляны перевезенные из Петрограда узники — бывшие государственные деятели империи: председатель Государственного совета Иван Григорьевич Щегловитов, министр внутренних дел Николай Алексеевич Маклаков, министр внутренних дел Алексей Николаевич Хвостов и сенатор Степан Петрович Белецкий. Выбор ЧК не случайно пал на эту группу лиц, но это предмет для отдельного исследования, выходящего за рамки нашей книги. Кроме светских лиц МЧК приговорила к расстрелу и несколько духовных. В глубине парка расстреляли епископа Ефрема, иерея о. Дмитрия Корнеева и старосту Успенского собора Николая Николаевича Ремезова.

Первые массовые расстрелы, о которых подробно сообщалось во всех большевистских газетах, состоялись на Ходынском поле и в глубине соседнего с ним Петровского парка. На языке казнивших чекистов они именовались «отправкой в Иркутск». Месторасположение участка для массовых расстрелов на Ходынке подтверждается архивными документами современного нам Главного тюремного управления, где в числе учреждений, подведомственных тогдашнему Московскому управлению принудительных работ, существует и так называемая Ходынская «концентра-

¹ Ретельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917 — 1945.

ционная больница». Любопытного читателя мы отсылаем в Государственный архив Российской Федерации, к фонду 4042, описи 8. Для бесперебойного расстрела арестованных требовались все же постоянные помещения, и такое вскоре появилось у столичных чекистов. Для убийства заложников Московским советом им были отведены подвалы бывшей Военной коллегии и подвал будущих гаражей Автобазы НКВД № 1 в Варсонофьевском переулке. Расстрелы начались в нем с 1918 года. Очевидец свидетельствовал, что до расстрела палачи из Московской ЧК «высказывали глубокое удивление о. Иоанну Восторгову и Николаю Алексеевичу Маклакову, поразивших их своим хладнокровием пред страшною, ожидавшею их участью».

Террор, направленный против отдельных личностей, не решил бы всей проблемы подавления народного сопротивления безбожной власти. На место одного убитого подвижника незамедлительно вставал единомышленник и ученик, а на смену тому приходил другой. Необходимо было придумать систему осуществления массовых репрессий и охватить ими как можно большее количество недовольных среди народонаселения России. И такой способ был найден. Через некоторое время, после начала нового, 1918 года, по предложению Ленина в обиход карательной системы большевиков была введена новая форма общественных наказаний — «концентрационный лагерь», место, где содержались сотни и тысячи взятых в заложники граждан. Содержавшиеся в концентрационных лагерях люди были неправы, лишены связи с внешним миром и подлежали расстрелу в случае необходимости.

В своих распорядительных записках Ленин не давал расширенных рекомендаций по обхождению с заключенными. Подразумевалось, что читающие его строки товарищи по партии прекрасно понимали, что их вождь им предоставлялась возможность действовать на свое усмотрение:

«Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». В другом распоряжении, предназначенном для немедленного практического осуществления, Ленин настоятельно требовал от исполнителей своей воли: «Необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях».

Под территорию лагерей ВЧК отводились пустующие земли за городами, брошенные или конфискованные баржи, здания монастырей или заброшенные промышленные учреждения: заводы и т.п. В древнем Соловецком монастыре, еще при жизни Ленина, возник один из самых известных северных лагерей, будущий С. Л.О.Н. (Соловецкий лагерь особого назначения). Туда в течение короткого времени были отправлены и там замучены десятки архиереев и протоиереев, сотни монахов, священников, а потом и великое множество мирян, присылаемых на Соловецкие острова для «перевоспитания». Русский художник Михаил Васильевич Нестеров сказал как-то, обращаясь к своему сокамернику в день получения тем приговора: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко». Трагический смысл добродушного на первый взгляд названия лагеря сполна отразили условия содержания заключенных. Изошренные издевательства, пытки, физическое уничтожение тысяч людей придали самому слову — Соловки — зловещее звучание.

Спустя четыре года после «открытия» лагеря, в 1927 году, там содержалось уже 12 896 человек более чем 48 национальностей. Среди них помимо русских оказались евреи, белорусы, эстонцы, немцы и финны. Содержались там и венгры, персы, китайцы, греки, турки, афганцы, французы и итальянцы. Всего с 1923 по 1928 год число заключенных на Соловках возросло с 2,5 тыс. до 22 тыс. человек. На

протяжении почти двух десятилетий, до 1939 года, сотни тысяч заключенных плотно заполняли помещения кремля и отдаленных скитов. Осужденные проживали в старых землянках, душных бараках и едва отапливаемых монастырских зданиях.

Первыми на Соловки были сосланы политические противники большевиков — эсеры, меньшевики, анархисты, чины белых армий; попадали сюда и уголовники. Крупные воры и бандиты встречались на Соловках единицами. Поймать их было нелегко, при тогдашней организационной слабости ГПУ и УРО (уголовного розыска), а пойманные уголовники охотно принимались на службу в те же учреждения в качестве агентов, следователей, палачей, инспекторов. Например, начальником так называемого «бандотдела» Московского ГПУ служил некто Буль, в прошлом атаман крупной бандитской шайки, широко известный в уголовном мире как «мокрушник» (убийца); его помощник по кличке Шуба в недавнем прошлом — бывший бандит.

Политзаключенные пытались держаться сплоченно, требовали создания нормальных условий содержания. Однако администрация лагеря обычно с равнодушием относилась к протестам и постепенно ужесточала режим. До 1926 года «политические» жили отдельно, в Савватьевском скиту, в значительно лучших условиях, в работах не участвовали и даже пользовались помощью и покровительством представительницы Международного Красного Креста в СССР М. Ф. Андреевой, бывшей жены М. Горького. Крупные партийцы — социалисты-революционеры, меньшевики и сундовцы попадали в строго замкнутый Суздальский изолятор, на Соловки же шли рядовые, по большей части примкнувшие к одной из социалистических партий лишь во время октябрьского переворота.

В начале 1930-х годов на острова для «перековки» стали привозить раскулаченных крестьян, членов религиоз-

ных сект и даже советскую «творческую интеллигенцию». Пока еще не выявлены имена всех заключенных, но известно, что в лагере томились начальник Гидрометеорологического комитета А. Ф. Вангенгейм, выдающийся философ, математик, химик, иерей П. А. Флоренский. В списке заключенных можно отыскать имена историков В. П. Никольского, Н. П. Анциферова, В. В. Бахтина, М. О. Гордона; этнографов и краеведов Н. И. Виноградова, А. А. Евневича, П. К. Казаринова; поэтов и писателей Б. Н. Ширяева, Л. М. Могилянського, В. Камецкого, О. В. Волкова; художников О. Э. Браза, К. Н. Половцеву; профессора Московской консерватории Н. Я. Выгодского, а также исследователя древнерусской литературы Д. С. Лихачева. Человек-личность все быстрее отдалялся в прошлое. Его место занимала безликая «рабсила», робот-каторжник, «гражданин» эпохи победившего социализма.

Заклячая помимо прямой оппозиции огромное количество людей по сословному или профессиональному признаку в подобные лагеря, большевикам необходимо было подавить волю к сопротивлению оставшейся части населения России. А лучшим способом заставить сомневаться в правоте дела и в целях борьбы, думалось им, должно было стать сомнение в полноценности собственной исторической и философской позиции, возможности провести исторические параллели и усмотреть рецепт по преодолению смуты в собственной истории. С людьми, выросшими в годы расцвета империи, можно было совладать, лишь уничтожив или запугав их, но для нового поколения лучшим рецептом, с точки зрения большевистских идеологов, могло стать историческое и культурное беспамятство. В самом деле, во имя чего и с кем им бороться, если новая власть со временем обеспечит им все мыслимые блага земные, необходимые для удовольствия? Работа на новую власть и милостиво отпускаемые ею рабам поощрения

за их труд должны были полностью вытеснить из сознания молодых иные формы правления и жизни, духовной и светской.

У сильных этносов всегда оставалась регенерирующая способность возрождать свою культуру и определять ее роль и место в системе мировой цивилизации, у более слабых таковой не было, но в избытке присутствовала обида на собственное бессилие. И потому особое место у новой власти заняла деятельность, нацеленная на уничтожение духовной основы державы и размывание традиционных для большинства населения страны культурных ценностей, проходившая одновременно с поощрением крайних форм шовинизма на окраинных землях России.

Народы, населявшие некогда ее просторы от Хивы до Варшавы, сначала вовлекались большевиками в «борьбу за независимость», как «пострадавшие от русского царизма», а затем плавно призывались в различные национальные военизированные формирования для борьбы с бывшими «эксплуататорами» и притеснителями. Большевики не скрывали, что создание ими очагов напряженности на всей широте бывшей империи делалось ими «для сокрушения продолжавшегося сопротивления реакционного русского народа». Со временем в литературной и публицистической жизни страны под запретом оказалось слово «русский», употребляемое в печати в положительном значении. Судя по большевистской прессе и издаваемой в стране литературе, запрет негласно действовал до самого начала 1930-х годов.

Исторические названия населенных пунктов, казалось, не давали большевикам покоя. На всем просторе захваченной территории они занялись планомерной сменой названий городов, островов, проливов и земель. Ими проводилась кропотливая работа по переименованию изначально данных тому или иному городу или местности названия.

В картографических учреждениях в директивном порядке вносились исправления в издаваемые при большевиках карты. Старый каспийский городок Петровский Порт, в пределах которого еще в 1722 году останавливался Петр I во время своего Персидского похода, был переименован в Махачкалу, по имени «социально близкого» большевикам дагестанца Магомед-Али Дахадаева, более известного в определенных кругах под псевдонимом Махач. Старая Обдорская крепость — торговый пункт на пути через Урал на Обь и далее на восток, основанная русскими первопроходцами еще в 1595 году и долгое время бывшая волостным центром под названием Обдорск, превратилась в Салехард. Усть-Сысольск в Вологодской губернии стал именоваться Сыктывкар. Восточный российский рубеж форт Верный получил название Алма-Ата. Город, считающийся географическим центром Азии и основанный в 1914 году, бывший еще и конечным пунктом Усинского тракта у слияния рек Большой и Малый Енисей, Белоцарск стал сначала именоваться Хем-Белдыр, с 1926 года — Кызыл. Верхнеудинск стал Улан-Удэ. Смена названий населенных пунктов включала в себя и переименования по фамилиям большевистских лидеров. Вятка оказалась Троцком, Петроград — Ленинградом и т.п.

Любое учебное или научное заведение, любые архивные сведения, документы и просто изданные книги, рассказы, написанные о жизни, достижениях и открытиях разрушенной большевиками империи, должны были раз и навсегда исчезнуть с лица земли. На практике это осуществлялось таким образом. В начале 1921 года в высших учебных заведениях страны были повсеместно упразднены историко-филологические факультеты. Из всех библиотек согласно особому инструктивному письму, в составлении которого приняла деятельное участие супруга Ленина Надежда Константиновна Крупская, новыми цензорами изымались тома

сочинений Достоевского, Максимова, Лескова, объявленных Интернационалом «черносотенными авторами», к числу которых каким-то образом оказался причислен и античный Платон. Ленин поспешил заявить публично: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть!»

Что сделали большевики, чтобы борьба с их противниками протекала как можно более успешно? Учебные заведения лишались финансирования, профессура изгонялась, студенты, успевшие проучиться до октябрьского переворота, в большинстве случаев не восстанавливались в свои учебные заведения. В соответствии с «декретом о земле» большевиками были конфискованы все церковные земли, в том числе и те, что принадлежали монастырям и духовным организациям, дабы лишить их материальной составляющей и ускорить агонию церкви как общественного института.

Сделать это им было жизненно необходимо, но произвольно начать отъем церковных земель они пока опасались. Выручил, как это часто с ними бывало, случай. 18 января 1918 года в Петрограде произошел расстрел демонстрации в поддержку Учредительного собрания. А в ночь на 19 января произошел разгон и самого Учредительного собрания. Через четыре дня была расстреляна демонстрация в поддержку Учредительного собрания в Москве. Только «случайных» жертв этого расстрела насчитывалось 50 человек, раненых оказалось в четыре раза больше — 200 человек. Разумеется, церковь выступила с осуждением кровопролития.

19 января 1918 года патриарх Тихон направил Послание с анафемствованием участникам расправы над невинными людьми и гонителям церкви. Это явилось хорошим поводом для большевиков «ответить» православной церкви, поставив ее для начала «вне закона». Начиналась эта

грандиозная акция с обыкновенной журналистской статейки. 25 января 1918 года в «Известиях» появилась заметка большевика М. Рейснера о разделении церкви и государства. Мало кто из прочитавших ее мог предвидеть, что с публикацией невинных, казалось бы, статей большевики начинали многие свои удары по оппозиции. Это понимание появилось в народе к концу 1920-х годов, а пока что опубликованный 5 февраля 1918 года декрет об отделении церкви от государства, для многих, в том числе и среди иерархов православной церкви, грянул как гром среди ясного неба.

Содержание декрета недвусмысленно давало понять, что отныне церковь в России лишалась всех прав юридического лица. А как следствие, и всего имущества, созданного и собранного поколениями народа и стараниями православных деятелей за века ее существования. Главное наполнение любой церковной жизни составляют все же ее служители, клир и миряне. Снижение до минимума физического количества священнослужителей как потенциальных духовных лидеров в России понималась большевиками как первоочередная задача. По стране прокатилась череда жестоких убийств. Мартиролог можно условно открыть со дня гибели священномучеников новой эпохи. В первые месяцы после октябрьского переворота жертвой большевизма пал протоиерей о. Иоанн Кочуров, прославившийся своей проповеднической деятельностью в Северной Америке. Почти следом за ним погиб иерей о. Петр Скипетров, попытавшийся воспрепятствовать проникновению отряда красногвардейцев в Александро-Невскую лавру для конфискации церковных ценностей.

В еще не загнанной в жесткие цензурные тиски российской печати появились несколько официальных выступлений инославного и иноверного духовенства по поводу событий в Александро-Невской лавре. Петроградский рав-

вин Кацнелебоген писал в эти дни: «С чувством особого волнения может говорить еврей о том, чему подвергается в настоящее время Православная Церковь. Только сам носивший кандалы, носивший их долго и бесконечно тяжело, может понять переживания того, кому хотят эти кандалы надеть. Мы знаем одно: религиозное чувство, в течение ряда веков бывшее единственным прибежищем миллионов людей, задето... Мы, только несколько месяцев тому назад освободившиеся от кошмара религиозного гнета, не можем высказать Православной Церкви и всем ее сынам нашего глубокого сочувствия, не можем отделаться от великой и искренней печали... Поэтому я считаю необходимым, чтобы евреи, своими долгими страданиями купившие себе право быть первыми в ответе на угнетения, выступили с решительным протестом против фактов, подобных имевшим место в Александро-Невской лавре»¹.

Магометанский имам Давлеканов откликнулся на эти события: «Мы, мусульмане, так бережно охраняющие заветы своей религии, относимся с громадным уважением к религиозному чувству инаковерующих и поэтому с особой грустью мы следим за терниями, выпавшими на долю Православной Церкви и ее прихожан»².

Даже самые убедительные призывы, исходящие из недр российского общества, от представителей его духовных составляющих были не в силах остановить гонения. 1918 год начался с убийства в Киеве городской чернью митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), старейшего на то время иерарха православной церкви. Когда убийцы вывели владыку из автомобиля, в котором привезли его на открытую площадку, митрополит спросил сопровождавших его матросов: «Вы здесь меня хотите расстрелять?»

¹ Регельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917 — 1945.

² Там же.

Один из них ответил: «А что ж, церемониться с тобой, что ли?» Тогда митрополит попросил у них разрешение помолиться Богу, на что последовал ответ: «Только поскорее». Воздев руки к небу, владыка молился вслух: «Господи, прости мои согрешения вольные и невольные и прими дух мой с миром!» Потом благословил крестообразно обеими руками своих убийц и сказал: «Господь вас да простит». Во время молитвы и благословения раздались выстрелы, и первосвященитель Киевской церкви упал на землю, обливаясь кровью. Затем убийцы попытались поднять бездыханное тело на штыки. Бездушные палачи не удовлетворились одним лишь расстрелом невинной жертвы — они вонзили еще в тело митрополита штыки и, наклоняясь, били святителя по лицу.

Забиравшие тело митрополита монахи из лавры обратили внимание на следы глумления над телом. Лицо владыки было проколото штыками в разных местах и простреляно. В груди убиенного зияло страшное кровавое отверстие от выстрела. Несколько ребер оказалось выбито, а в боках просматривались раны, нанесенные штыками и пулями. Затылок святителя был исколот штыковыми ударами. И хотя официальная большевистская власть сначала пыталась отстраниться от этого преступления, посредством публикаций в подвластной ей прессе утверждая, что иерарх был убит «неизвестными», но проникательные люди в церковной и мирской среде уловили в этом неминуемое «начало конца».

От террора против отдельных деятелей православной церкви новая власть распространила свои кары на всех, кто так или иначе участвовал в церковной жизни. В практику Чрезвычайных комиссий во многих городах вошли расстрелы из винтовок и пулеметов крестных ходов, а иногда и просто стрельба по прихожанам, оказавшимся рядом с храмом для выражения протеста «плановым» реквизициям церков-

ных ценностей. В 1918—1920 годах подобное стало твориться почти ежедневно во многих городах страны — в Туле и Харькове, Воронеже, Шухе и в городах Тамбовской губернии.

Наряду с этим не стихал и личный террор, направленный против иерархов православной церкви в различных уголках России. 29 июня 1918 года большевиками был утоплен с камнем на шее в реке епископ Тобольский и Сибирский Гермоген. В проповеди, обращенной к пастве, ставшей одновременно и его последним словом, Гермоген произнес: «Я никогда великое, святое дело учения Христа не положу к подножию той или иной политической партии. Я безбоязненно говорил святую правду бывшему самодержцу и не умолчу о ней перед самодержцами новыми. Знаю участь свою, но знаю также и то, что по кончании своей земной жизни предстану перед Страшным Престолом Судии живых и мертвых, и, когда буду вопрошаем Им, что скажу Ему?»¹ Участь архиерея разделила и делегация прихожан, прибывшая в местный совет с просьбой освободить архиерея.

Всего через полгода, 24 декабря 1918 года, были замучены епископ Соликамский и викарий Пермский Феофан (Ильинский) и архиерей Пермский Андроник (Никольский), которого большевики неоднократно опускали в прорубь на морозе, до полного оледенения. Епископ этот, до самого последнего дня перед арестом пребывал в уверенности, что большевики будут соблюдать все правила, принятые в цивилизованном обществе. Полагая, что мера наказания будет определена ему судом, и пребывая в этом наивном убеждении, епископ Андроник успел заготовить тезисы своей будущей речи на суде, который так и не состоялся. Синод направил архиепископа Черниговского Ва-

силия (Богоявленского) в Пермь для расследования обстоятельств гибели епископа Андроника, однако тот был убит «неизвестными», едва успев опросить случайных свидетелей гибели епископа-мученика. Пермь странным образом если не лидировала по части казней и гонений на духовенство, то довольно красноречиво свидетельствовала о масштабах большевистской войны с православным духовенством. Факты, приведенные «Пермскими епархиальными новостями», говорят о том, что большевиками и их добровольными помощниками в этом северном городе было убито 2 епископа, 51 священник, 36 монахов, 5 диаконов и 4 псаломщика.

В большевистских списках, ставших достоянием церковной общественности, касающихся арестованных духовных лиц, напротив каждого из имен погибших исполнителями, как правило, указывалась дальнейшая судьба арестанта. Она, как правило, повторялась. Каждый мученик оказывался либо «утоплен», либо «заколот штыками», либо «забит прикладами». Среди упомянутых жестокостей встречались — «задушен епитрахилью», «заморожен», «изрублен саблями». Но чаще всего в этих скорбных списках напротив фамилии погубленного духовного лица стояло краткое «расстрелян». Самарский епископ Исидор (Колоколов) был посажен большевиками на кол, Белгородский епископ Никодим (Кононов) забит чернью железным прутком, после чего местными комиссарами тело владыки красноармейцы стащили в выгребную яму. Подле нее была выставлена охрана из красноармейцев, чтобы не позволить прихожанам и мирянам извлечь останки и похоронить своего епископа. Большевики проявили себя необычайно жестоко с Ревельским епископом Платоном (Кульбушом). 14 января 1919 года они превратили этого архиерея в ледяной столб, поручив красноармейцам обливать связанного владыку водой. На территории «независимой» Эстонии, по

¹ Ретельсон Л. Трагедия русской церкви.

инициативе местного Совета и губернского комиссара вместе с их добровольными помощниками, было зарублено топорами (!) 17 православных священников в городе Юрьев (Тарту).

Перед тем как убить свои жертвы, большевики и их добровольные помощники обычно глумились над беспомощными людьми, отрезали им уши, носы и под собственное исполнение похабных припевок пытались заставить плясать. В отдельных случаях убийства священнослужителей принимали поистине языческую форму, так, например, в Херсонской губернии, где летом 1918 года большевиками были распяты три священника.

Определением Поместного собора от 18 апреля 1918 года установлен был и день поминания новомучеников российских. Этим днем стало воскресенье, ближайшее к 25 января по старому стилю (день убиения митрополита Киевского Владимира (Богоявленского). *Авт.*). Несмотря на видимые успехи в физическом уничтожении православного клира, большевики не переставали задумываться о том, как им нанести наиболее ощутимый и болезненный удар церкви, и в один прекрасный день, кого-то из их добровольных советников посетила кощунственная мысль: направить усилия на поругание почитаемых народом святынь и святых мощей. Сделать это было необходимо для того, чтобы подорвать веру или хотя бы заронить зерно сомнения в их чудесные свойства, а заодно показать народу его «невежество».

Как же происходили эти бесовские действия? Об этом сохранилось немало свидетельств очевидцев. Обычно их изымали из мест захоронений и раки для обыкновенного уничтожения или передачи в краеведческие музеи, а также в различные музеи от археологии до атеизма включительно. Участь эта не миновала и святых мощей святого благоверного князя Александра Невского, святителя Иосафа

Белгородского, святителя Митрофана Воронежского, праведного Симеона Верхотурского, особо чтимого в Приуралье, и преподобного Сергия Радонежского.

Впрочем, голову преподобного Сергия удалось спасти от поругания. В течение длительного времени ее сохранял в тайне от властей один из сотрудников Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры, граф Юрий Александрович Олсуфьев, вместе с о. Павлом Флоренским, жившим тогда в доме, который приобрели Олсуфьевы. Дабы большевики не заподозрили неладное, граф Олсуфьев подобрал в фамильной усыпальнице князей Трубецких в лавре сходную по времени голову и под покровом ночи произвел замену в Троицком соборе лавры, по благословению и с согласия наместника монастыря архимандрита Кронида. В раку святого был положен череп князя Трубецкого, а голова Сергия Радонежского была спрятана в графском доме. То, что большевикам не удалось поглумиться над святыми мощами, было обусловлено смелостью и жертвенностью миряно-подвижников и тем особым фактором особой общественной среды, волей исторических обстоятельств возникшей в Сергиевом Посаде после 1917 года.

В первые годы всеобщего лихолетья подмосковный Сергиев Посад превратился в некую духовную столицу России. Сюда, к преподобному Сергию, в сердце православия, потянулся еще не до конца истребленный большевизмом «цвет нации», представители ее славных семей, а среди них и писатели, живописцы и философы. Громкие имена обитателей небольшого городка, уютно расположившегося среди лесов всего в нескольких десятках верст от патриархальной Москвы, призваны были свидетельствовать об исторической преемственности традиций и приверженности православному духу: Голицыны, Дурново, Иловайские, Шаховские, Раевские, Нарышкины, Родзянко, Шереметевы! Там, на своих огородах и в обустрой-

стве собственного аскетичного, но надежного быта, трудились о. Георгий Фаворский, Василий Васильевич Розанов, художник Михаил Нестеров.

Одно время в Посаде существовал даже «Первый колхоз Сергиева Посада», председателем которого стал граф Юрий Александрович Олсуфьев, а «колхозниками» в нем оказались его соседи — титулованные особы. Сорванные вихрями переворота и террора с насиженных мест по всей стране, эти люди тянулись друг к другу в поисках единомыслия и защиты. Они пытались делать то, что можно назвать применением собственных личностей ко времени, укрывшись за неологизмами и заняв незаметное, но прочное место в новой социальной иерархии, дабы иметь возможность сохранить семьи и уберечь негасимую свечу собственной веры.

В 1918 году была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры во главе с о. Павлом Флоренским. В 1920 году, когда лавру закрыли, иноки монастыря и прилегающих скитов пошли работать в посадские музеи. Именно благодаря их подвижничеству сокровища лавры были сохранены тогда от разграбления и надругательства. Накануне Пасхи 1919 года по Сергиеву Посаду пошли слухи о том, что в Москве принято решение вскрыть мощи преподобного Сергия Радонежского прилюдно, дабы «разоблачить чудеса и положить конец церковному мракобесию».

О том, что произошло дальше, стало известно лишь в наши дни, а сведения об этом годами, поколениями собирались по крупицам, по разрозненным воспоминаниям причастных к событиям и их близких. Ходившие по Сергиеву Посаду слухи оправдались, и комиссары вкупе с окрестными безбожниками устроили в лавре давно планировавшийся шабаш. Настал день, когда рака с мощами преподобного была выставлена пособниками боль-

шевизма на глумление толпы. Хулителям казалось, что их действие должно было навсегда убить в праздной толпившейся вокруг публике веру в святыни и чудеса. Но чудо все же произошло. Глава преподобного Сергия, убереженная от надругательства, тайно хранилась в ризнице вплоть до окончательного закрытия лавры. В 1920 году Ю.А. Олсуфьев, поместив ее в дубовый ковчег, перенес в свой дом на улице Вальной в Посаде, ставшем Загорском. Ковчег был поставлен на пол, а сверху на него, для конспирации, была водружена объемная деревянная кадушка с пальмой.

В 1928 году стараниями ОГПУ разразилось знаменитое тогда «сергиево-посадское дело» и в городе начались массовые аресты. Ковчег со святыней к тому времени был уже вынесен из дома и безлунной ночью закопан в саду дома Олсуфьевых. Об этом знали немногие, но и эти немногие не проронили на допросах ни слова. В начале 1930-х годов накатилась новая волна репрессий, в ходе которых НКВД был арестован о. Павел Флоренский. В посадскую тайну Олсуфьевы посвятили своего знакомого, сына профессора Духовной академии, Павла Александровича Голубцова, ставшего позже архиепископом Новгородским и Старорусским Сергием. Он перенес ковчег со святыней из олсуфьевского сада и сокрыл его в окрестностях Николо-Угрешского монастыря под Люберцами. Вскоре П.А. Голубцов также был арестован, а из заключения попал на фронт, где всю войну прослужил в санитарном батальоне. После демобилизации он перенес дубовый ковчег в дом племянницы Олсуфьева княжны Е.П. Васильчиковой. Тогда, в 1930-е, юная княжна Васильчикова также проходила по «сергиево-посадскому делу», но благодаря заступничеству всесильной Е.П. Пешковой ей удалось избежать заключения в лагерь и стать последней хранительницей святыни. Екатерина Павловна жила с семьей в полуподвальном по-

мешении, в комнате с земляным полом, в одном коридоре с самыми разными людьми, среди которых порой попадались даже уголовники.

В эти страшные годы глава преподобного была вместе с народом. На Пасху, 21 апреля 1946 года, лавра была вновь открыта, а глава преподобного втайне заняла свое прежнее место в гробе преподобного. Мощи преподобного были возвращены церкви. Возвращен был и Успенский собор Троице-Сергиевой лавры. Троицкий же собор оставался в ведении музея. Там же оставалась и серебряная рака для мощей с сенью, возведенная в царствование императрицы Анны Иоанновны. Раку передали церкви после того, как кто-то из заезжих чужеземцев выразил недоумение, что рака и мощи находятся в разных соборах. Троицкий собор вернули церкви позже. И только тогда мощи преподобного заняли свое место.

Тайну спасенной главы преподобного хранил все годы заключения и лагерей священник Павел Флоренский. Там он жил двойной жизнью — земной, с ее подъемами и перекличками, с работой и кратким отдыхом, и другой — непостижимой нам, причастной миру горнему и иной ипостаси. В своей тайной жизни о. Павел не знал страха, уныния и отчаяния. Невзирая на трудности лагерной жизни, он мог общаться через молитву и Господне посредничество. «Я принимал... удары за вас, так хотел и так просил Высшую Волю», — написал о. Павел жене и детям 18 марта 1934 года. Но он нес страдания и за сохранение тайны, оберегая одну из немногих неоскверненных святынь России. В том и состояло церковное служение, возложенное на него в главном месте и в главный момент его земного пути.

Приведенный пример, к сожалению, был лишь одним из примеров, когда большевикам не удалось их кощунственные планы, но в целом их кампания по борьбе с пра-

вославием не замедлялась ни на минуту. Осквернение чувств православных верующих продолжалось в виде шутовских процессов-маскарадов, распоряжением советских начальников храмы отдавались под складские нужды, клубы или даже общественные уборные, постепенно обрекаясь на запустение и разграбление. Вместе с этим новая власть пыталась навязать населению свои «ценности», порой inferнального свойства, порой просто кощунственного.

Происходило ли это только в Петрограде или Москве? Едва ли. Любой небольшой город, в котором был хоть один храм, становился полигоном испытания чувств верующих и вызовом здравому смыслу. После того как в 1918 году в Свияжске были замучены настоятель Успенского монастыря и епископ Амвросий, в центре города установили памятник Иуде Искарйоту. Сначала хотели поставить на пьедестал сатану, но поскольку таким образом пришлось бы косвенно подтвердить идею существования Бога, выбор остановили на Иуде как «первом революционере». Инициатива, как нетрудно было догадаться, принадлежала большевистскому «интеллектуалу» Льву Троцкому. Он распорядился установить в пяти городах памятники Иуде и лично приехал на открытие памятника в древний Свияжск, сопровождавшееся торжественной церемонией и парадом двух полков Красной армии и чинов команды его бронепоезда.

Датский писатель Хенниг Келер, ставший невольным свидетелем церемонии открытия памятника, описывал это более походившее на бесовское действо в Свияжске: «Когда настал момент открытия памятника и покров упал к ногам присутствовавших, их взорам открылась буро-красная гипсовая фигура человека — больше натуральной величины с искаженным, обращенным к небу лицом, судорожно срывающим с шеи веревку». Протестовать местное население

ние не решалось, и со временем в городке исподволь возникли сначала учреждения ГУЛАГа, затем колония, а на закате советской власти открылась и психбольница, в которой, по словам знающих людей, держали противников режима. Все, что так или иначе было связано с inferнальными силами, магнетизировало и притягивало к себе большевистских вождей. Современник свидетельствовал: «Дьявол в лице советской власти безудержно измывается над Святой Русью. И зловещим символом природы советской власти явится воздвигаемая взамен креста на куполе Морского собора в Кронштадте бронзовая фигура Ленина»¹.

В день, когда по германским поверьям на горе Броккен ведьмы празднуют Вальпургиеву ночь, 1 мая 1919 года Ленин, как одержимый, настаивал, обращаясь к Феликсу Дзержинскому, что пора «как можно быстрее покончить с попами и религией». «Попов, — рекомендовал деятельный Председатель Совнаркома, — надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатать и превращать в склады»². Нетрудно догадаться, откуда черпал свое сатанинское вдохновение для борьбы с православием этот «революционер».

Захват церковных земель, убийства священнослужителей, изъятие богослужебных предметов и просто бесцеремонное отношение к православным святыням казалось большевикам недостаточно эффективными мерами воздействия на умы граждан. Ведь церковь оставалась живой, а ее паства не редела. Нужны были новые изобретательные пути отвращения людей от веры, и еще один выход был найден.

9 февраля 1918 года в Петрограде прошли публичные доклады помощника наркома образования Л. Шпицберга, в которых тот сообщал аудитории, что большевистским правительством готовятся декреты о запрещении церковного причастия, как «колдовского акта», об изъятии священных сосудов и готовящемся закрытии церквей, а также об объявлении всего духовенства «контрреволюционным». У слушавших доклады Шпицберга не возникало сомнений в достоверности готовящихся гонений на православную церковь, ибо докладчика нередко привлекали большевики в качестве «специалиста по церковным вопросам». Желавших сотрудничать с безбожной властью было немного, а про Шпицберга им было известно, что еще обер-прокурор Синода при Временном правительстве В.Н. Львов приглашал его в качестве члена одной из синодальных комиссий.

За годы гражданской войны, в ходе волны репрессий, связанных с изъятием церковных ценностей, погибли десятки тысяч духовных лиц. 19 января 1918 года на Всероссийском поместном соборе был избран Патриарх Московский и всея Руси Тихон. Ему принадлежало известное послание с провозглашением анафемы большевикам и призывом к сопротивлению им всего народа. Страстный, полный искреннего чувства патриарший призыв к противлению большевистской диктатуре был единодушно принят подавляющим большинством граждан России, вдохновив рабочих, военнослужащих, интеллигенцию и крестьян на активное сопротивление установленному режиму. Отклик народных масс на призыв Патриарха был единодушным. Тогда власть впервые поняла опасность этих обращений к народу, постаравшись изолировать Святейшего не только от архиереев и клира, но и прихожан, поместив его под «домашний арест» в Донском монастыре в мае 1922 года. Во время своего заточения Патриарх Тихон неоднократно подвергался допросам и шантажу приставлен-

¹ Назанский В.И. Крушение Великой России и Дома Романовых. Т. I

² Назаров М.В. Вождем Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.

ными к нему сотрудниками ВЧК. Некоторые из них, по заданию политического руководства страны, подступали к Патриарху с требованиями пойти на сотрудничество с советской властью и публично признать ее, иногда угрожая святейшему новыми расстрелами духовенства. Неизвестно, спас бы компромисс Патриарха и новой власти многих духовных лиц от грядущих преследований. Ведь ленинская борьба с «черносотенным духовенством» не прекращалась еще долгие годы после того, как Гражданская война завершилась.

В апреле — мае 1922 года состоялся ряд закрытых судебных процессов по делам арестованных православных священнослужителей в Москве и Петрограде. 13 августа 1922 года был приговорен к расстрелу и убит митрополит Петроградский Вениамин. «Чекистов к митрополиту привел его ученик, уже известный в городе проповедник о. Александр Введенский — будущий глава обновленческой церкви, поддержанной ГПУ для внесения раскола в православную среду. Несмотря на свою сомнительную роль, пишет протоиерей о. Михаил Ардов, Введенский приветствовал архиерея как положено и протянул руки, чтобы получить благословение. Владыка Вениамин благословения не дал и произнес: — “Оставьте, отец Александр. Мы ведь не в Гефсиманском саду...”»¹.

Трудно поверить, что в среде духовенства, в дни жестоких гонений, появились коллаборационисты из собственной среды, однако, как правило, ими не были достойные люди, с устойчивым психическим здоровьем и истинной верой. Кто же из священников той поры шел на прямое или секретное сотрудничество с большевиками? Достаточно и беглого взгляда на портрет о. Александра Введенского, на-

¹ Ардов М. Мелочи архи-, прото- и просто иерейской жизни. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2001.

чертанный современниками, чтобы убедиться, что эта персона представляла собой весьма распространенный в то время тип дегенеративного церковного нигилиста: «Несуразный, развинченный весь, нервно подергивающееся лицо. Едва заметна крохотная остренькая бородка и черные квадратики на месте усов. Волосы кокетливо взбиты сбоку... В нужные моменты он подпускает слезу, порой доходит до истерики... Порой долго-долго молчит, закатывая глаза, прикрывая лоб рукою»¹. Даже в описании стремящегося сохранить объективность околоцерковного мемуариста прошлого века образ о. Введенского не становится более привлекательным: «Темная и очень некрасивая роль, граничившая с предательством при аресте митрополита Вениамина... Белый клобук, мантия, окружение духовенства. И в кадильном дыму, под белым клобуком — актерски-бритое лицо... отвислая нижняя губа... Он стоял, закрыв глаза, нижняя челюсть отвисла еще больше, левая рука быстро-быстро, нервно перебирала белые, перламутровые четки»². Согласимся, образ получается совсем неблагоприятный.

...Гражданская война и сопротивление лучшей части народа, представителей императорского флота и армии только лишь отодвинули во времени сроки повсеместного воцарения большевиков, но не предотвратили его. Достойные люди Отечества нашего в эти годы отдали свои жизни, принеся тем самым искупительную жертву за легкомыслие прежних правителей державы. О них, в скорбный час выступивших против врагов державы нашей, рассеянных по всей России, от южных ее рубежей до Охотского моря, и будет наш рассказ.

¹ Коняев Н.М. Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский. М.: Благо, 2005.

² Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы. 1925 — 1941. Париж: YMCA-Press, 1977.

Глава первая

КРАХ ИМПЕРИИ И ФЛОТА

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда...
...Все неминуемой беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда.

Ф. И. Тютчев

Февральская революция, грянувшая в нашем Отечестве в 1917 году, не только ввергла русскую армию в губительную неразбериху, полную противоречивых приказов командования и растерянных попыток Временного правительства с достоинством продолжить Великую войну, но и заложила небывалый по своей сокрушительной мощи подрывной механизм у основания русского флота. К тому времени он уже успел покрыть себя громкой славой морских побед и географических открытий. На всем протяжении XIX века русские мореплаватели не переставали вызывать восхищение всего мира своими дерзновенными планами и смелым вызовами арктическим просторам. В начале нового, XX века летопись географических подвигов пополнили новые имена — Седов, Колчак, Вилькицкий...

Морской корпус, ведущий свое начало от учрежденной Петром I Московской навигацкой школы, не переставал поставлять все новые имена, украшавшие морскую историю России. Заставляя русских учиться мореходным наукам, царь Петр преследовал конечно же политическую цель, достигнуть которую было бы невозможно без сильного флота, для управления которым и нужно было научить мореходным наукам. Если вспомнить историю тех времен, становится понятным и это стремление царя дать возможность России превратиться в могущественное государство

не без помощи флота. Ведь до воцарения Петра I страна не имела доступа к морям, кроме как только на северных своих границах, открывавшим выход к замерзающим портам Белого моря. Конечно, и в допетровской Руси государством предпринимались неоднократные попытки выйти к морским просторам, обустроить там надежные пристани, но, как известно, все эти попытки не увенчались успехом, так как у русских не было такого инструмента достижения этих целей, как полноценный военно-морской флот. В те времена лишь этим средством можно было достигнуть и утвердить свое присутствие на морях.

Так началась Северная война, длившаяся двадцать один год, о целях которой император говорил своим соратникам по созданию флота: «Господь Бог посредством оружия возвратил большую часть дедовского наследства, неправильно похищенного. Умножение флота имеет единственно целью обеспечение торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россией: во-первых, потому что они сначала ей принадлежали, во-вторых, потому что пристани необходимы для государства, ибо через сих артерий может здравее и прибыльнее сердце государственное быть». После неудач под Прутом, принужденный обстоятельствами отказаться от мысли выйти к Азовскому и Черному морям, всю свою энергию Петр обратил на овладение Финским заливом и Балтийским морем, где и решил создать основу будущего своего флота.

Заботой царя стало и обучение личного состава для флота, начавшееся еще в 1697 году, когда в Венецию из Москвы были отправлены три партии стольников, а четвертая выехала в Голландию и Англию. Возвратившись в Россию в 1699 году, они были испытаны в морских искусствах лично царем в Воронеже, где они производили на корабле, поставленном на якорь, «экзерцицию к великому удовольствию Его Величества и всех бояр». Впрочем, экза-

мен на знание всех морских наук, организованный самим государем, удовлетворительно выдержали только четверо. Вот почему из всех четырех партий направленных за границу на обучение «навигационным наукам», в русском флоте остались служить лишь немногие. Тех из стольников, кто, по мнению государя, оказался слабо подготовленным для службы по морской части, перевели служить по дипломатической части и они стали российскими представителями за границей. Немногочисленная часть вышла на военную службу и еще меньшая — в гражданские учреждения.

Более удачной в отношении результативности можно считать поездку самого Петра I в Голландию и Англию вместе с тремя десятками молодых людей для обучения кораблестроению и морскому искусству. Из числа этой молодежи многие стали впоследствии известными мореплавателями, а будущий адмирал Иван Сенявин покрыл себя неувядающей воинской славой. Из рядов их вышел и будущий талантливый русский кораблестроитель Феодосий Склаев. В ходе учения лично государь относился к изучению «навигационных наук» крайне серьезно и требовал того же ото всех, кто обучался с ним для будущей службы на флоте. Державный ученик вернулся мастером, и теперь в России все, до чего он доходил «ошупью», получило солидную теоретическую и практическую базу.

Искусство навигации так увлекло Петра, что вскоре стало его страстью. Для преподавания в Навигацкой школе, Петром были выписаны профессор Абердинского университета Фаверсон, бывший не только известным математиком и астрономом своего времени, но знавший в совершенстве и «морские науки». Вместе с ним в Россию приехали и еще двое английских носителей высших морских знаний — Ричард Грейс и Стивен Гвин. Вместе с англичанами молодым русским ученикам преподавал и один из образованнейших людей того времени — Леонтий Филиппович Магниц-

кий, написавший вскоре свою известную «Арифметику», третья часть которой была посвящена навигации и морской астрономии. По этому труду учились все первые русские моряки. Видя огромное практическое значение трудов Магницкого, Петр I был особенно милостив к нему, жаловал его деревнями, приказал выстроить ему дом в Москве и лично благословил образом на дальнейшие его исследования. Впрочем, на жалование приглашенных англичан Петр при этом не скупился, и оно превосходило многократно то, что получал «местный талант» Магницкий.

В ученики Навигацкой школы в те времена принимались все добровольцы, но из-за недобора многие боярские дети были даже отправлены туда на учебу «с принуждением». Под классы государь отвел в Москве Сухареву башню со всеми бывшими при ней строениями и землей, в соответствии с требованиями Фаверсона, указывавшего царю на то, что здание под школу должно находиться «в пристойном и высоком месте, где можно горизонт видеть, делать обсервацию и начертания и чертежи в светлых покоех». В этой школе преподавали ученикам арифметику, геометрию, тригонометрию, навигацию плоскую, навигацию меркаторскую, сферу, астрономию, математическую географию и ведение шханечного вахтенного журнала; кроме того, некоторые из учеников посещали классы по геодезии. Большинство учеников находилось на обучении в школе в среднем 5—6 лет, однако были и те, кто оканчивал курс за 4 года.

Своим вниманием ход подготовки будущих морских офицеров не оставлял ни сам Петр I, ни все последующие императоры и императрицы, а Павел I своим приказом основал в Петербурге шляхетский морской корпус, приказав перевести бывшее доселе учебное заведение из Кронштадта поближе к императорскому двору. За двести лет своего существования Морской корпус подготовил несколько по-

колений самых талантливых и способных морских офицеров и адмиралов, участников всех знаменитых флотских сражений того времени и даже первооткрывателей новых земель. А его выпускник Федор Федорович Ушаков за праведную жизнь и подвиги во славу Отечества был канонизирован и причислен к лику святых. Только с 1866 по 1901 год офицерский класс при Морском корпусе выпустил 225 человек. Из них 194 были кадеты корпуса, а остальные — из корпусов штурманов, корабельных инженеров, инженер-механиков и морской артиллерии. Из них 18 человек в продолжение своей службы на флоте участвовали в военных действиях, 3 человека получили орден Святого Георгия 4 степени за храбрость, 3 награждены золотыми морскими саблями «за храбрость» и 16 человек — орденами «с мечами». Из выпускников Морского корпуса за 35 лет 17 человек с успехом участвовали в гидрографических работах, а 4 были в кругосветном плавании.

Имена адмиралов Мордвинова, Шишкова, Лисянского, Лазарева и Беллинсгаузена, Карцева, Нахимова и Корнилова, Крузенштерна, Невельского, Истомина перешагнули рамки строго морской известности и стали украшением истории государства Российского. Флотские династии Перелешиных, Нахимовых и Римских-Корсаковых неотделимы от истории страны, ценен их вклад в развитие морской науки и управление флотом. Труд многих поколений этих морских тружеников обеспечил государству высокие позиции к началу Великой войны в 1914 году, в которую флот вступил в полной уверенности в несокрушимости своей мощи. И хотя к концу 1917 года потери Балтийского флота в возросли и в целом за три года Великой войны он потерял 40 судов, подорвавшихся на минах, погибших от артиллерийского огня, аэропланов атак или потопленных германскими подводными лодками, однако и тогда являл собой мощный боевой кулак России. А глав-

ное — был способным еще на многие и многие боевые операции и тем был страшен для тех, кто замышлял свержение самодержавия, ибо в любой момент мог стать для него надежной опорой. Недаром государь Александр III назидательно говорил наследнику цесаревичу о том, что у России есть лишь два союзника — ее армия и флот...

Падение монархии незамедлительно отозвалось чередой кровавых бунтов на флоте, вспыхнувших тотчас же в Гельсингфорсе, Ревеле, Кронштадте. Но это произошло со временем, а на первых порах объявленного Временным правительством мнимого «равноправия» всех чинов флота и армии матросы все чаще заводили разговоры с офицерами, которые едва ли позволили бы себе годом раньше, и тем более в «лучшие времена» Императорского флота, о которых теперь они старались не вспоминать.

Показателен диалог, приведенный мемуаристом, описывающим время накануне разразившейся вакханалии матросских насилий над своими командирами. «Д-да-а... Попили они нашей кровушки. — Кто «они», — спрашивал я. — Да вот эти великие князья да министры, что с нами плавали... — Как же они пили вашу кровь? — Да так, что и днем и ночью вахта и вахта... — Так ведь вахта на всех кораблях... — Воно на всех, но только у нас жара немыслимая в кочегарке... — Ну хорошо, — перебивал я, — а все-таки, кто же вашу кровь пил? — Кто? Вот вы постоите вахту в кочегарке, а тогда спросите... — Послушайте, но ведь во всякой жизни есть свои тягости, а в поле работать легко? — Там для себя... — А здесь для государства... — А на что государству этот флот? — А на что руки человеку? Чтобы обороняться... Так и флот... — Ну, одним словом, надоел этот режим... Теперь социализм будет, равенство, никто ни на ком не поедет верхом... — Да ведь необразованные начальники будут злее, чем образованные. — Никогда... — Ну, а почему Колчака выжили, разве он был плохой? — Для нас ничего худого не

делал, но только он был очень гордый. — В чем же эта гордость была? — Вобщем... Мало разговаривал...»¹

Вскоре от задиристых и бессмысленных разговоров матросы, подстрекаемые агитаторами, перешли к действиям, словно бы вымещая накопившееся недовольство на тех, под чьим началом еще совсем недавно они ходили в смертельные рейды и сражались с германцами. Гибель адмиралов и офицеров от рук матросов стала недвусмысленным предостережением о надвигающихся на страну трагических событий и великих испытаний. Кронштадт после Февральской революции стал воплощенной Голгофой Русского флота и его офицерства, а впоследствии и местом мученической кончины тысяч петербуржцев всех сословий: военных, духовенства, чиновников, дворян, купцов и мещан, просто верующих православных христиан, не признававших лжи революции и доставлявшихся сюда большевиками на расстрелы.

А началось все с восстания матросов, поддержанных главарями революции из Петроградского совета все в том же марте 1917-го. По ночам взбунтовавшиеся команды стали врывать в каюты офицеров на кораблях Балтфлота с вопросом, признают ли те Временное правительство? Отрицательный ответ гарантировал незамедлительный арест, а иногда, в зависимости от степени экзальтации толпы, и удар штыком. Одновременно дикие, разъяренные, сбившиеся в банды матросы, дезертиры-солдаты и городская чернь, еще недавно почти незаметная обывателю, теперь уже со зверскими лицами и жаждой крови, вооруженные, чем попало, наводнили город. Прежде всего, их усилиями была осаждена и разрушена городская тюрьма, на волю были выпущены арестанты, а после, присоединившись к

¹ Лазаревский Б. А. Начало конца // Морской сборник. Вып. IV. №4. Бизерта, 1921.

толпе, уголовники с удовольствием приняли участие в истреблении ненавистного «начальства».

Первой жертвой этой организованной сатанинской злобы пал адмирал Роберт Николаевич Вирен, главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта, человек по натуре прямой, властный и храбрый, при этом строгий и требовательный. Когда толпа приблизилась к дому, где проживал адмирал Вирен, то он, услышав за окнами нараставшие шум и крик, сам открыл входную дверь и, увидав матросов и каких-то странных субъектов в штатском, резко распахнул ее настежь. Звук хлопнувшей двери подстегнул первых, стоявших в двери людей, вцепившихся в пожилого адмирала с бесовской цепкостью. За их спинами, заревев, толпа бросилась к дверям адмирала, легко подхватив, стащила его вниз по ступенькам входной лестницы и поволокла по улице. Матросы, идущие рядом, улюлюкали и не жалели бранных слов. Подбегая к адмиралу Вирену, некоторые участники этого дикого шествия старались плюнуть в лицо поверженному и беспомощному человеку, а другие кричали проклятия своему недавнему командиру, перемежая их отборной площадной бранью.

Как свидетельствовали очевидцы, толпа бунтовщиков, волокущих адмирала по улице, была одета в самые фантастические костюмы: кто-то в вывернутых шерстью наружу полушубках шагал с трепетавшими на пронзительном весеннем ветру факелами. Кто-то в «конфискованных» офицерских пальто потрясал в воздухе саблями; часть заключенных, принимавших участие в расправе, так и не успела переменить свои арестантские халаты на другую одежду. Полуночное шествие при свете факелов имело жуткий вид, точно демоны справляли свой адский праздник. Редкие прохожие, завидев эту процессию, еще издали с ужасом шарахались в переулки. В свете факелов было отчетливо видно, как посреди этой воющей толпы, нетвердо ступая,

двигался адмирал. Лицо его было в крови. Искалеченный, но нашедший в себе силы, подняться с земли, он еле передвигал ноги, то и дело падая. Медленно двигался новомученик навстречу своей смерти. Из груди его не вырвалось ни одного стога, но это лишь распяляло толпу еще больше. Пресытившись терзаниями жертвы, революционная чернь окончательно добила ее штыковыми ударами на Якорной площади. Растерзанное тело адмирала было сброшено в один из ближайших оврагов. Там и лежало оно еще продолжительное время, так как палачи запретили его хоронить жене Надежде Францевне Вирен и дочери Надежде Робертовне Вирен. Обе они счастливо избежали расправы и вскоре покинули Россию, устремившись в Европу.

На другой день за отказ изменить присяге, данной государю у памятника адмиралу Макарову, матросами был расстрелян начальник штаба порта контр-адмирал Александр Григорьевич Бутаков. Его брату Алексею Григорьевичу, контр-адмиралу и командиру Петроградского порта, удалось избежать физической расправы большевиков. В том же году он лишь был отставлен от службы приказом Временного правительства и первоначально вышел в отставку, но уже в 1918 году поступил в Вооруженные силы Юга России, где и продолжал борьбу с большевизмом до самой эвакуации Русской армии Петра Николаевича Врангеля из Крыма в ноябре 1920 года. В ходе кровавой вакханалии в Кронштадте был зверски убит и командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор Николай Васильевич Стронский, командир учебного корабля «Император Александр II» капитан 1-го ранга Николай Иванович Повалишин. Старшего лейтенанта Николая Николаевича Ивкова, офицера учебного судна «Африка», его команда живым спустила под лед днем ранее. Всю ночь с 1 на 2 марта 1917 года убийцы рыскали по офицерским квартирам, грабили и вытаскивали чинов флота на улицы, чтобы там расправиться с ними.

В числе убитых в эти дни оказались капитаны 1-го ранга Константин Иванович Степанов и Георгий Петрович Печкарский. Был убит капитан 2-го ранга Александр Матвеевич Басов, брат генерал-майора военно-морского судебного ведомства Владимира Матвеевича Басова, воевавшего впоследствии в рядах Вооруженных сил Юга России и проделавшего долгий путь в составе чинов русской эскадры, пришедшей в 1920 году в тунисский городок Бизерту. Погиб и другой капитан 2-го ранга, Владимир Илларионович Сохачевский, старший офицер учебного судна «Океан». В организованных городских погромах в эти дни от рук распоясавшейся черни погибли капитан 2-го ранга Виктор Николаевич Буткевич, помощник главного минера Кронштадтского порта старший лейтенант Викентий Викентьевич Буткевич, инженер-механик старший лейтенант Валериан Константинович Баллас и мичман Борис Дмитриевич Висковатов, а также многие другие офицеры по Адмиралтейству, подпоручики и прапорщики.

По воспоминаниям очевидцев, «зверское избиение офицеров в Кронштадте сопровождалось тем, что людей обкладывали сеном и, облив керосином, сжигали; клали в гробы вместе с расстрелянными ранее людьми еще живого, убивали отцов на глазах у сыновей». Бунт матросов в Кронштадте распространился от казарм 1-го крепостного пехотного полка, находившихся на Павловской улице. Сначала сопротивление бунтовщикам оказали полицейские, жандармы, а также некоторые офицеры и даже юные воспитанники Морского инженерного училища императора Николая I, окна которого выходили на Поморскую улицу, по которой, крича, двигалась городская чернь попеременно с матросами, в поисках новых жертв. Они вместе с доблестными офицерами Русского флота отдали свои жизни за своего царя, Родину и веру...

В Кронштадте в эти дни погибло более 40 человек. Всего же за несколько недель февральской анархии в Кронш-

тадте и Гельсингфорсе подгулявшей «революционной массой» были растерзаны два адмирала и более 200 офицеров флота. Кровавые события в Гельсингфорсе и Кронштадте в начале марта 1917 года, унесшие жизни десятков морских офицеров (в том числе командующего флотом вице-адмирала Адриана Ивановича Непенина) привели к интенсивному перемещению командного состава Балтийского флота. В сложившейся по этой причине непростой обстановке политической борьбы матросы и солдаты не доверяли офицерам, многие из которых были известны им как сторонники военной диктатуры или монархисты. Офицеры в свою очередь не доверяли командам, где их «судовые комитеты» постоянно вмешивались в решение боевых и оперативных вопросов, а также в назначения лиц командного состава. Убийства в Гельсингфорсе и в Кронштадте остались безнаказанными, так же как и убийство четырех молодых офицеров на дредноуте «Петропавловск» во время августовского мятежа генерала Корнилова.

Маховик развала флота раскачивался дальше, а гибель Русского флота от рук большевиков продолжалась вплоть до середины 1918 года, когда во всю уже полыхал пожар Гражданской войны. Тем временем приближалось время октябрьского переворота. Прогнивший режим Керенского уступил место царству наглых и безжалостных авантюристов, ведомых внешними, враждебными России центрами. Наступал заключительный акт трагедии русской государственности. Именно с этой поры началась борьба патриотически настроенной части общества с преступной большевистской властью. На смену профессионалам Морского ведомства пришли даже не дилетанты — подлинные представители военно-морского «дна» — баталерский юнга с «Гангута» Павел Дыбенко и самозванный мичман Федор Раскольников. Эти личности не имели ни малейшего понятия об управлении сложным военно-морским организ-

мом страны, но они требовались Интернационалу не в качестве созидającego начала, а исключительно как разрушители флота.

Не утратившие сознания чести и чувства долга, офицеры Морского ведомства сочли невозможным для себя пребывать на службе у большевиков, что было преступлением перед Отечеством и собственной совестью. Первым его покинул под предлогом болезни министр, назначенный еще Временным правительством на этот пост, адмирал Дмитрий Николаевич Вердеревский. Цепь случайных обстоятельств позволила ему не только избежать ареста, но и выбраться за границу, где в Париже он мирно скончался после Второй мировой войны, в 1947 году. Следом за ним свой пост покинул начальник Морского Генерального штаба, капитан 1-го ранга граф Алексей Павлович Капнист. Его жизненный путь завершился в Пятигорске год спустя, когда граф был расстрелян местными чекистами. Вместе с ним службу оставил и помощник морского министра, капитан 2-го ранга Сергей Андреевич Кукель. Оба офицера открыто отказались служить большевикам и тотчас же оказались арестованными, но вскоре отпущенными. Сергей Андреевич Кукуль пережил своего коллегу на одиннадцать лет, оставшись в России и затем работая в СССР.

В середине ноября 1917 года со своего поста ушел популярный на флоте Александр Владимирович Развозов. Большевики пытались уговорить его оставаться на службе в качестве командующего Балтийским флотом, но адмирал был непреклонен, за что был даже посажен в тюрьму ЧК, где формально согласился с предложением отправиться служить в РККА. Скорое согласие адмирала пойти на службу в Красную армию показалось подозрительным чекистам. Ими был установлен негласный надзор за Развозовым, и вскоре стало известно, что адмирал участвует в под-

польной организации, объединяющей в своих рядах бывших офицеров Императорской армии и флота. Он был схвачен и в 1919 году убит на допросе в Петроградской тюрьме «Кресты».

Отток высших офицеров флота с занимаемых должностей заставил задуматься не только большевиков, но и тех, кто еще продолжал служить по инерции, не ясно представляя себе, что же делать дальше. У начальника обороны Моонзунда и старшего в районе военных действий адмирала Михаила Коронатовича Бахирева на его «Чайке» было созвано собрание флагманов. Адмирал сообщил офицерам, что в свете ухода адмирала Развозова по сходным мотивам и сам он готовится оставить службу. Его решение было поддержано адмиралами: князем Михаилом Борисовичем Черкасским, Николаем Ивановичем Патоном, Юрием Карловичем Старком, Михаилом Андреевичем Беренсом и Александром Ивановичем Тимиревым. К ним присоединились адмиралы Клавдий Валентинович Шевелев и Владимир Константинович Пилкин, будущий сподвижник бесславного в годы Гражданской войны генерала Юденича. Нашлись среди адмиралов и те, которые считали, что бросать службу не обязательно, а следует исправно послужить новой власти. Таковых оказалось большинство.

Глава вторая

ЗА КЕМ ПОШЛА ВОЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ?

В Морском собрании усилиями молодых офицеров было созван съезд флотских офицеров, находившихся в Гельсингфорсе. В собрании участвовало 200 человек, обсуждавших будущее русского флота и место офицера в связи с произошедшим переворотом. Собрание вынесло еди-

нодушную резолюцию — вступить на путь борьбы с большевиками, но так как это решение не было зафиксировано в письменном виде, многие из его участников впоследствии отказались от участия в вооруженной борьбе, оправдывая свой отказ желанием остаться на формальной службе, участвовать в подпольной антибольшевистской борьбе. Некоторые из офицеров так вошли в роль глубоко законспирированных подпольщиков, что прослужили советской власти, не обнаруживая себя все последующие десятилетия. Впрочем, решение бороться с большевиками было вначале вполне искренним. Еще с дней Временного правительства многие здравомыслящие офицеры, гардемарины и кадеты воочию убедились в губительности политического курса как либералов, так и большевиков для России, а разразившиеся столкновения революционной толпы и многих учащих военно-морских учебных заведений в Петрограде в ноябре-декабре 1917 года взывали к новым и смелым решениям. Морская молодежь была настроена решительно и прямолинейно — драться.

Мысль о создании военно-морской организации для защиты Отечества от рук либералов впервые зародилась в сознании гардемарин еще летом 1917 года. Развал флотов на Балтийском и Черном морях, недееспособность Тихоокеанского флота породили в среде флотских офицеров чувство растерянности. Была утрачена сама идея службы, чувствовалось, что упадок дисциплины на флоте невозможно исправить усилиями этих растерянных и подавленных людей. Многие из офицеров в поисках выхода обращались к своим командирам с вопросом: что же делать? И лишь немногие из адмиралов могли с точностью найти правильный ответ. С завершением развала Балтийского флота постепенно разрушался Черноморский. С первых же дней революции Черноморский флот страны шел к полному своему развалу и почти перестал существовать как та-

ковой к концу 1917 года. К этому времени Временным правительством и большевиками были уже уволены в запас опытные флотские специалисты, а остальные матросы и офицеры невольно окунулись в разрушительную стихию митингов, собраний и демонстраций. Командующим стал контр-адмирал А. В. Немитц, после его убийства — вице-адмирал Михаил Павлович Саблин.

Но вернемся к началу переворота и попробуем взглянуть на то, как русское общество в целом отнеслось к этому трагическому событию. Окинем мысленно взглядом все происходившее в нашем Отечестве и попытаемся понять происходящее. ...Всякая революция — драма для страны. В особенности, если она происходит в дни войны. Февральская революция была вторым ударом в спину российской государственности и предвестницей грядущего политического хаоса. Беспорядки, спровоцированные умелыми руками закулисных сил, вылились в революцию, она, в свою очередь, лишила державу ее главы, помазанника Божьего, присягнувшего перед ликом Всевышнего служить и защищать ее. Ком быстро сменяющих друг друга событий быстро покатился вниз, сметая все на своем пути с необыкновенной легкостью, которую невозможно было предположить еще какие-нибудь три года назад. Страна замерла. Низвержен был закон, которым столетиями жило Российское государство, прервана вековая традиция русского бытия, главный удар был направлен на армию и флот, еще могущих оказать неприятелю существенное сопротивление.

Не предвидя роковых последствий, многие подданные погибшей империи чувствовали какую-то вдруг открывающуюся перед всеми, темную и страшную бездну. Но даже смертельно раненная империя еще обладала достаточной мощью, чтобы бороться с внешним врагом, еще были живы все ее институты, цела ее государствообразующая система — иммунитет против развала и краха. Однако убийство

страны — не одномоментная трагедия, и проходило оно поэтапно. Оптимизм прессы, находившейся под контролем разрушительных сил, внушавший читателям мысль о «монархическом» составе Временного правительства с единственным социалистом Керенским, не был разделяем всеми теми из них, кто имел возможность поразмыслить. Настораживало то, что к власти рвались именно в тяжелую пору войны, не останавливаясь даже перед смещением монарха. Часть общества искренне полагала, что со временем все образуется, но события продолжали развиваться в самом неблагоприятном для государства виде. Временное правительство меняло свой состав, постепенно отходя от «правых» и включая в себя все более либеральных и одиозных членов. Красные банты, материя и полотнища все больше заполняли тыловую жизнь и даже на фронтах Великой войны полковые святыни — штандарты и знамена полков — «украшались» красными лентами. Куски красного материала были нашиты поверх монарших вензелей на знаменах. Некогда освященные и в торжестве врученные русским полкам, военные святыни оказались оскверненными. Государственный герб утратил свой былой смысл и величие — его двуглавый орел был лишен короны, скипетра и державы. Но армия продолжала противостоять неприятелю, даже утратившая эти святыне для себя символы.

Временное правительство обратило свой взор на армию, распорядившись «строить» ее жизнь на «демократических основах». В систему армии начали вводиться войсковые комитеты. В тылу возникли советы; их депутаты занимались в основном демагогическими прениями друг с другом и с оппозицией, выжидая сигнала от закулисных руководителей, чтобы продолжить свое пагубное дело и на фронте. «Погибят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию», — записал в своем дневнике генерал-майор Сергей Леонидович Марков 7—9 марта 1917 года. В Брянске в марте

1917 года этот молодой генерал вскоре чуть сам не стал жертвой революционной толпы, но спасся и даже был выбран в офицерский комитет штаба 10-й армии и брянского гарнизона. Назначение комитетской работы было неопределенно; в большей степени работа в комитете отнимала силы и не решала никаких серьезных задач, но сильно дезорганизовывала армию, отвлекая силы ее офицерства от их прямых задач — командования и участия в военных действиях. Вскоре и Марков осознал бесполезность работы в комитете. «Утром подал я заявление в оба комитета о своем отказе. Устал я...» — сделал он запись в своем дневнике.

А Временное правительство продолжало свою разрушительную работу на фронте и в тылу воюющей России. Дьявольский «приказ № 1» разрушил стержень, удерживавший святая святых любой военной организации — субординацию, и возвел в превосходную степень права армейских низов, словно бы открыв ящик Пандоры. Советы солдатских, матросских и рабочих депутатов начали прибирать к рукам всю жизнь страны благодаря попустительству и слабости Временного правительства. К маю 1917 года был создан Союз офицеров армии и флота, своего рода противовес безликим и малоэффективным, повсеместно возникшим мелким и крупным советам, а в Могилеве, при ставке Верховного главнокомандующего, был созван Съезд офицеров. Он исключал политические цели и был направлен на поиск путей для поднятия боевой мощи армии во имя спасения Отечества. Выступившие на этом съезде единодушно отмечали катастрофическое положение армии, беспощадно характеризуемое многими выступавшими как «развал». Попросивший слово генерал от инфантерии Михаил Алексеев, недавний участник военного заговора против законного монарха, восклицал: «Отечество в опасности! Мы слишком привыкли к этой фразе!» Далее, развивая мысль, он продолжал о необходимости создать Корпус рус-

ских офицеров, вдохнуть порыв в сердца защитников Отечества, переломить ход войны и навести порядок в тылу. На этом же съезде генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин произнес свои известные слова, обращаясь к присутствовавшим на нем солдатским делегатам: «Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессленно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть!».

Однако ни пламенный призыв Алексеева, ни открытое обращение Деникина к представителям солдатских масс не возымели решительно никакого действия — все продолжало оставаться как прежде. Процесс разложения, попускаемый Временным правительством, уже слишком далеко зашел и в жизни российской армии. Результатом призывов Алексеева спасти Отечество явилась отставка и замена его Временным правительством генералом Корниловым. Преемник Верховного главнокомандующего казался на первый взгляд вполне удобной фигурой, но главное, в чем ошибалось правительство, назначая Корнилова командовать почти погибшей армией, — убеждения генерала. «Старое рухнуло! — заявил Корнилов вскоре после отречения государя. — Народ строит новое здание свободы, и задача народной армии всемерно поддерживать новое правительство!» Далеко не все офицерство встретило подобные утверждения с восторгом, однако в данный момент пугающего безвластия для армии был необходим вождь, личность, умеющая сплотить и удержать ее от поражения в войне.

Очень быстро Корнилов пришел к убеждению в том, что опыты либеральных демократов над армией с февраля по июль 1917 года лишь ухудшили ее положение и практически уничтожили систему управления армией на всех уровнях. Некогда победоносное воинство постепенно таяло и превращалось в трудноуправляемую вооруженную массу, го-

товую идти за любым демагогом, потакающим ее шкурническим инстинктам. В своей работе Корнилов, прежде всего, нашел опору в офицерах и лучшей части солдат, а также в воинских организациях, которые возникли в последние пять месяцев, — таких как Союз армии и флота, Союз казачьих войск под руководством Алексея Максимовича Каледина и Союз Георгиевских кавалеров. Его активная деятельность на своем посту позволила достичь некоторых результатов — утихла буйная разнузданность солдатских масс; офицерами кое-как сдерживалась дисциплина, однако все это не остановило усиливающийся поток пораженческой пропаганды, которую вели законспирированные большевистские агитаторы и даже представители правительства, продолжавшие заигрывать с армейскими низами.

Наиболее активная часть офицерства пыталась предлагать Корнилову формирование особых частей, верных долгу, по наведению порядка в частях и преданию агитаторов суду по закону военного времени. Но обоснованные и четкие рапорты по какой-то странной причине не доходили до него. Предложения оставались нереализованными. Не было ясных директив у Корнилова и от правительства. Бездействие парализовало его благие начинания, и все оставалось как прежде, пока тем временем правительство не сочло его слишком опасным для революции и 7 сентября 1917 года предпочло изолировать наиболее активную и государственно-мыслящую часть генералитета, арестовав, а затем и отправив в Быховскую тюрьму около 20 человек, — самого Корнилова, Деникина, Маркова, Романовского и других. Одновременно с этим Временное правительство освободило большевиков, в том числе Троцкого, арестованных за попытку июльского переворота 1917 года.

На свободе оставался генерал Алексеев, пытавшийся соединить воедино лучшую часть офицерства, готовую в нуж-

ный момент поддержать выступление против Временного правительства и, возможно, участвовать в его свержении для установления прочной власти, ориентированной на интересы России. Алексеев был уволен из армии и проживал в Петрограде под надзором Совета депутатов и Временного правительства, однако, даже не сохранив формального положения в армии, Алексеев действовал в условиях полной конспирации, ведя сначала моральную обработку надежных офицеров путем личных встреч и даже публикациями в патриотически настроенной прессе. Кроме того, в Петрограде Алексеев являлся душой политической организации «Русская государственная карта». Она была создана бессарабским помещиком и депутатом Государственной думы Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем и стала объединяющим центром многих сил, готовых повоевать за интересы державы. На Алексеева возлагалась задача по координации довольно большой составляющей этой организации — объединение и связь с сохранившимися порядком и дисциплину воинскими частями. И хотя таковых к этому моменту оставалось не так уж и много — военные училища и школы прапорщиков, но все же координационная работа Алексеева была поистине титанической. В этих частях, не получавших уже давно никаких приказаний и директив из штабов и от командования, существовала тем не менее готовность выступить для установления и поддержания порядка, и в этом случае их связь с Алексеевым, как неким представителем осведомленной высшей власти, была важной для обеих сторон.

В Петрограде находилась и значительная часть офицерства, служившая в запасных частях, в военных школах или оказавшихся в столице по разнообразным причинам — от пребывания в госпитале до служебных командировок. Именно со многими из них Алексеев стремился поддерживать связь, пытаясь из разрозненных знакомств создать

сеть единомышленников, сообщить им устремленность к необходимости перемены власти, сформировать из единомышленников сначала подпольную офицерскую организацию, а затем в нужный момент развернуть на ее основе боевые воинские части. Для того чтобы не утратить людей, не имеющих жилья и возможности оставаться в Петрограде, Алексеев поручил полковнику лейб-гвардии Преображенского полка Петру Александровичу Веденяпину, одному из своих ближайших помощников, войти в состав некоммерческого общества борьбы с туберкулезом под названием «Капля молока» и направить деятельность общества в сторону открытия питательного пункта и своего рода подпольное управление «этапного коменданта».

Одним из стратегических замыслов Алексеева был пуск в ход нескольких бездействующих петроградских заводов, по согласованию с их владельцами, чтобы под видом рабочих разместить до переворота организованные офицерские группы. Эта деятельность генерала дала делу новое название — «Алексеевская организация»; ее филиал был открыт и в Москве. Однако Алексеев не торопился смещать власть вооруженным путем. Он ожидал нового правительственного кризиса, который неизбежно спровоцируют большевики, и тогда он был готов предложить правительству услуги по стабилизации обстановки силами своих офицерских отрядов при условии перемены политического курса — от леволиберального к умеренно-консервативному республиканскому правлению. О монархии речи быть не могло, ибо членство в военной масонской организации и личные убеждения Алексеева не позволяли ему способствовать восстановлению в России самодержавного строя правления.

Вместе с тем Алексеев допускал и иной ход развития событий, и даже временную победу большевизма. В этом случае, полагал генерал, члены его организации должны были

отступить на Дон, где уже существовала сепаратная донская власть, провозгласившая себя независимой, и где при помощи Алексея Максимовича Каледина можно было бы основать платформу для организации небольшой армии и продолжить борьбу за республиканский строй против большевизма. Республиканские убеждения владели и частью быховских узников. Корнилов приветствовал свержение самодержавия и даже хвастливо заявлял своим офицерам, что некогда сам «арестовывал царицу». Марков был иных убеждений и надеялся на изменения к лучшему, должны произойти с падением самодержавия. Романовский считался социалистом до конца своих дней, Лукомский принадлежал к военной масонской ложе. Деникин полагал, что монархия в России — уже отживший институт власти.

Как видно, никто из интернированных генералов не был опасен марионеточному правительству Керенского, однако наряду с их довольно поверхностными политическими убеждениями в глубине души каждый из генералов был выходцем из православно-державной среды и прожил добрую половину жизни в стабильном и сильном российском государстве, нынешнюю гибель которого они не могли безучастно наблюдать. Это было учтено правительством, и судьба узников со временем была бы решена в привычном для тех дней русле, окончившись либо поголовным расстрелом, либо цепью последующих заключений и интернирований, либо самосудом толпы, или убийством в тюремных казематах. Вокруг заключенных прессой нагнеталась волна истерии и немедленной расправы. Генералы вспоминали, что часто слышали рев озверевшей солдатской толпы, требующей выдать им на расправу «генералов-кровавийц», в тюремные окна летели камни, и часто рота юнкеров 3-й Житомирской роты прапорщиков под командой штабс-капитана Бейтлинга выстрелами в воздух охлаждала агрессивные намерения толпы.

Увиденное за окнами тюрьмы не добавляло оптимизма узникам. Генерал Марков записывал в унынии: «Зачем нас судят, когда участь наша предрешена! Пусть бы уж сразу расстреляли...» Мысли о крушении военной карьеры, наверное, были у многих генералов в Быховской тюрьме. Иные радовались, что «дотянули» до высокого звания, другие, говоря образно, и в заключении не утратили надежд на фельдмаршальские жезлы. Марков отчаянно заносил в дневник: «...теперь насмарку идет 39-летняя упорная работа. И в лучшем случае придется начинать сначала... Военное дело, которому целиком отдал себя, приняло формы, при которых остается лишь одно: взять винтовку и встать в ряды тех, кто готов еще умереть за родину».

Ситуация, в которой протекало заключение генералов в Быхове, благоприятствовала любым их конспиративным начинаниям. Охрану здесь осуществлял верный Корнилову Текинский конный полк, преданный своему «бояру», как текинцы называли Корнилова. Ответственный за охрану содержащихся в Быховской тюрьме лиц, генерал Духонин (служивший тогда начальником штаба Верховного главнокомандующего) не подвергал генералов полной изоляции от окружающего мира. Узникам разрешалось писать и передавать письма с верными людьми, к ним допускались посетители и разрешались свидания с ними без присутствия третьих лиц. Именно это и позволило Корнилову и остальным рассылать во все дружественные политические организации свое решение продолжить борьбу вместе с составленной политической программой, без указания авторов и места ее составления. Основными положениями ее оставались следующие:

1. Установление правительственной власти, независимой от безответственных организаций до того, как будет созвано Учредительное собрание. 2. Война в полном единении с союзниками, продолженная до заключения ско-

рейшего мира, который бы обеспечил достоинство и жизненные интересы России. 3. Создание боеспособной армии и организованного тыла без политики, вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной. 4. Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов будет прерогативой Учредительного собрания.

Путем налаженной переписки между донским атаманом Калединым, генералом Алексеевым в Петрограде и Корниловым в Быховской тюрьме было условлено, что в крайнем случае все ударные силы будут собраны на независимом Дону, откуда продолжат свою борьбу с развалом России. Однако политические события в стране развивались быстрее, чем могли предвидеть даже дальновидные военные стратеги. 25 октября 1917 года по старому стилю большевиками было поднято второе восстание в Петрограде, оказавшееся довольно успешным. Временное правительство, извещенное о нем, пассивно продолжало игнорировать опасность и оставалось в бездействии, проводя жесткую политику лишь против тех сил и лиц, кто своим участием лишь мог помешать большевикам взять политическую власть в государстве беспрепятственно. До последнего дня члены правительства бессмысленно оставались в Зимнем дворце, под охраной учащихся юнкерских училищ и женского ударного батальона, пока слабое и разрозненное сопротивление их не было подавлено большевиками.

Одновременно свой удар большевики нанесли по последним бастионам защиты российской государственности — военным учебным заведениям столицы. Военная учащаяся молодежь оказала достойное сопротивление взбуряемой толпе и городским низам, не сдавая стен своих учебных заведений в течение нескольких дней. Во время осады училищное начальство пыталось связаться с выше-

стоящим начальством, чтобы получить распоряжения относительно того, как поступить в дальнейшем, однако по какой-то странной закономерности начальство отсутствовало или бездействовало. Воля всех начальников военных училищ Петрограда как по мановению волшебной палочки оказалась парализована. На призывы отдельных офицеров-воспитателей и представителей юнкеров защитить порядок в городе оно безучастно взирало на происходящее. Особую активность желал проявить весь старший курс Константиновского артиллерийского училища, однако начальством ему было запрещено покидать пределы здания. Одно за другим училища объявляли о сдаче.

Глава третья

«ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ» ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Наступление на духовный уклад русского народа оказалось столь беспощадным и молниеносным, что вызвало возмущение и протесты даже у приверженцев либерализма и так называемых демократических принципов управления государством, долгое время тешивших свою гордную членством в тайных организациях и претендующих на монопольное обладание высшим знанием о путях оздоровления государственной жизни. Одним из таких был и Михаил Васильевич Алексеев, который теперь, когда большевиками была захвачена власть, пытался поднять на борьбу с интернационалистами-большевиками здоровую часть общества. Не обладая серьезной материальной базой, в условиях крайне стесненных, он обращался к состоятельным петроградцам и москвичам с призывом о финансировании его организации, однако, как известно, получил от них в совокупности лишь 400 рублей ассигнациями. Торгово-

промышленные круги, к которым Алексеев никогда особенно не был близок, обещали помочь, но не видели в этом особого смысла и поэтому лишь тянули время в надежде на положительные перемены, которые должны были произойти сами собой.

Личность Алексеева и его благие цели находили отклик в среде частных благотворительных организаций; от них алексеевцы нерегулярно получали скудные субсидии, ухаживавшие на выплату пособий офицерам, собиравшимся на Дон и зарегистрировавшимся в организации как потенциальные борцы с большевизмом. Количество зарегистрировавшихся лиц росло, вместе с ними росли и расходы на содержание самой организационной деятельности. Развивая свою деятельность, Алексеев снесся с генералом от инфантерии Дмитрием Григорьевичем Щербачевым, бывшим командиром лейб-гвардии Павловского полка, а теперь Главнокомандующим армиями Румынского фронта, многие из частей которого не были еще серьезно разложены пропагандистской деятельностью большевиков, однако у последнего не хватило воли отдать приказ о формировании добровольческих частей и начать антибольшевистскую борьбу с юго-западного направления. Для этого было немало и объективных причин, однако неуверенность в успехе оставалась основным препятствием к решительным действиям.

В ходе своей довольно обширной переписки с единомышленниками престарелый генерал Алексеев пытался привлечь к борьбе и тех генералов, кто по окончании Великой войны выехал «на воды», переместившись на Северный Кавказ и проживая на тамошних курортах. Генералы от инфантерии Рузский и Радко-Дмитриев охотно поддерживали Алексеева на словах, но даже не помышляли встать во главе каких-либо офицерских объединений. С немалым риском для себя и офицеров-добровольцев, вызвавшихся быть связными между Алексеевым и подпольными офи-

церскими группами на Северном Кавказе, в Петроград привозились сведения о готовности групп выступить против большевиков. Однако никакой координационной работы, для ведения которой как нельзя лучше подходили генералы и вообще люди с опытом организации крупных войсковых соединений, не велось, и отдельный энтузиазм старших офицеров не мог заменить наличия единовластного и решительного вождя, готового протянуть руку помощи Алексеевской организации. Лично Михаил Васильевич дважды совершал тайные поездки в Екатеринодар, находившийся под властью атамана Кубанской области, для обсуждения с ним возможности сформировать добровольческие отряды кубанцев, желающих бороться с большевиками, но, по отзывам сведущих людей, дело это на Кубани шло весьма туго. Атаман не желал ссориться с пусть большевистской, но все же центральной властью, а сами кубанские казаки неохотно собирались на новую войну.

В Москве, куда порой заезжал генерал Алексеев, он встречался с сочувствовавшим его идеям генералом от кавалерии Алексеем Брусиловым. Впрочем, последний недолго сохранял нейтралитет, избрав через несколько месяцев службу у большевиков. Все генералы, с которыми Алексеев встречался в Петрограде и Москве, оказывались на словах горячими сторонниками идеи опрокидывания большевистской власти вооруженным путем; немногие из них были готовы к решительным действиям включиться в формирование новой армии, еще меньше из них собиралось участвовать в начинаниях Алексева, а пошли за ним те немногие, кто в пору его энергичных поездок по стране оказался изолированным в Быховской тюрьме.

Получалось так, что вести все дела созданной подпольной организации Алексеву приходилось одному, имея в технических помощниках немногих верных офицеров-добровольцев. Старого генерала угнетало сознание того, как

мало людей из русской военной среды оказалось готовыми поддержать его в общем-то благие начинания, как близоруки были те, кто надеялся пересидеть и переждать дни большевистского ненастья! И все же он продолжал верить в успех своего дела, изо дня в день кропотливо трудясь над созданием первой ударной силы, призванной вернуть России ее бывшее величие — добровольческие части.

К 4 ноября 1917 года была создана первая Сводно-офицерская рота, пополнявшаяся почти ежедневно новыми добровольцами и к 15 ноября заполнившая собой уже почти весь лазарет на Барочной улице. Денежного оклада для добровольцев первое время не существовало. Все содержание сначала ограничивалось лишь пайком, затем стали выплачивать небольшие денежные суммы (в декабре офицерам платили по 100 руб. в месяц, в январе 1918 года — 150, в феврале — 270 руб.). В среднем в день приезжало и записывалось в ряды армии 75—80 добровольцев.

Первое время в приеме добровольцев играли заметную роль полковники: братья князья Хованские, а также бежавшие из Москвы К.К. Дорофеев и Матвеев, И.К. Кириенко и князь Л.С. Святополк-Мирский. Формирование роты проходило по заранее утвержденной схеме. Добровольцев сначала направляли в штаб (Барочная, 56), где распределяли по частям (этим руководил сначала полковник Шмидт, а затем полковник князь Хованский; определение на должности генералов и штаб-офицеров оставалось в руках начальника гарнизона Новочеркаска полковника Е. Булюбаша).

Первые добровольцы, прибывшие с генералом М.В. Алексеевым 2 ноября 1917 года, были поселены в лазарете № 2 в доме № 39 по Барочной улице, представлявшем собой замаскированное общежитие, который и стал колыбелью Добровольческой армии. В середине ноября (тогда имелось 180 добровольцев) была введена официальная запись

в Алексеевскую организацию. Все прибывшие регистрировались в Бюро записи, подписывая особые записки, свидетельствующие об их добровольном желании служить.

...Дом на Барочной, снега, сугробы,
Счастье, молодость, Степной поход...
А февраль снежит, поет...
Над детьми, над полушубком белым,
Над звездой чернильной на плече,
Над высоким, благородным, смелым,
Над словами в красном кумаче...

— вспоминал в эмиграции поэт Николай Евсеев, бывший в те дни среди первых добровольцев. Из переполненного лазарета на Барочной было решено выделить всех юнкеров, кадетов и учащуюся молодежь, переведя их в лазарет № 23, расположившийся на Грушевской улице. Эти молодые люди и положили начало созданию новой воинской части — Юнкерской роты, во главе которой был поставлен командовать штабс-капитан Парфенов. 1-й взвод Юнкерской роты был составлен из юнкеров пехотных училищ; его подавляющую часть составили юнкера Павловского пехотного училища. 2-й взвод состоял из юнкеров артиллерийских — Михайловского и Константиновского училищ. В 3-м взводе были гардемарины и кадеты морских училищ, а в 4-м — кадеты и учащаяся молодежь — гимназисты, ученики ремесленных училищ и даже семинаристы. В таком виде Юнкерская рота просуществовала все четыре дня, а потом, когда 19 ноября 1917 года в ряды добровольцев влились около 100 человек юнкеров артиллерийских училищ, 2-й взвод роты был пополнен и выделен в особую часть, именовавшуюся Свободная Михайловско-Константиновская батарея в честь представителей юнкерских училищ, ее составлявших.

Батарея быстро прирастала беспрестанно прибывающими юнкерами-добровольцами и достигла в скором времени численности около 250 человек. 190 человек из них составляли юнкера Константиновского артиллерийского училища. Командовать артиллеристами был поставлен капитан Шаколи, офицер курса Михайловского артиллерийского училища, единственный из преподавателей, последовавший за своими юнкерами и подтвердивший свою запись в Алексеевской организации делом. Батарею разместили в здании Платовской гимназии. Пополнились и ряды Юнкерской роты в целом. В течение нескольких дней ее численность составила уже 150 человек, и ее пришлось развернуть в Юнкерский батальон трехротного состава, из которого первые две роты были полностью юнкерские, а третью составляли кадеты и гимназисты. Сводно-офицерскую роту возглавил штабс-капитан Некрашевич.

Общее количество добровольцев в двух ротах и Сводной Михайловско-Константиновской батарее было немногим более 600 человек. Все они впоследствии, сведенные воедино, образовали Офицерскую дивизию, получившую со временем почетное шефство генерал-лейтенанта Сергея Леонидовича Маркова. Примерно в эти же дни в стадии формирования находилась и четвертая часть добровольческих сил — так называемая Георгиевская рота, состав которой насчитывал немногим более 50 с лишним человек, солдат и офицеров из числа Георгиевского полка, бывшего некогда при Ставке Верховного Главнокомандующего на фронте во время Великой войны. В ходе дальнейших переформирований, происходивших в Добровольческой армии, эта рота была влита в легендарный Корниловский полк.

Офицеры в первых добровольческих формированиях составили в 1917 году лишь треть, а солдат в них насчиты-

вались буквально единицы. Генерал Алексеев, создавая свою организацию, главной своей аудиторией считал, прежде всего, офицерство и генералитет. Обратив свой взор на солдат старый стратег не спешил. Та разнузданная и потерявшая образ русского солдата масса нижних чинов, потопом хлынувшая с фронтов в тыл, не вызывала в нем уверенности в том, что в ближайшем будущем из нее возможно будет создать сознательные боеспособные части. Его большевистские оппоненты думали иначе, постепенно набрасывая узду в лице института комиссаров и заградительных отрядов на шею пока еще опьяненного фальшивым лозунгом свободы дезертира с фронтов Великой войны. Вскоре солдатским массам, отрекшимся от веры и своего долга, придется стать тупым и разрушительным орудием в руках большевистских лидеров, направленным против горстки добровольческих частей.

Глава четвертая

СТАНОВЛЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Несмотря на немногочисленность, ряды добровольческих частей располагали составляющими успеха. У них была идея, видимая цель, полное признание своего лидера и абсолютная решимость на борьбу, а также сознание дисциплины и порядка. Авторитетность начальников, поставленных над формированиями, стояла высоко, и они не только поддерживали его, но и поднимали его умелой организацией дела и отношением к подчиненным. Они неустанно занимались военной подготовкой не только с учащимися гимназии и учениками духовых школ, но и преподавали пехотный строй и пулеметное дело в пехотном строю артиллеристам ввиду временного отсутствия орудий в бата-

реи. Сказывалась и нехватка винтовок. На 600 человек добровольцев было все лишь 100 винтовок, а пулеметы отсутствовали вообще. Просьбы генерала Алексеева, обращенные к донскому атаману Алексею Максимовичу Каледину, о выделении винтовок и патронов к ним остались без ответа. Атаман не мог пойти против решений Круга поддерживать нейтралитет в отношениях с петроградской властью. Кроме того, истекал разрешенный Калединым срок пребывания добровольцев на Дону — те две недели, за которые нужно было вооружить Алексеевские формирования и поставить им четкие боевые задачи.

Но куда могли двигаться безоружные части и какой успех ждал решительных, но незащищенных людей? У добровольческих помещений стояли безоружные дневальные, а внутри зданий велись занятия по боевой подготовке. Иногда генерал Алексеев считал, что уход добровольцев с Дона не нужен, что со временем большевики, жаждущие получить контроль над всей территорией Российской империи, постараются добраться и сюда, и именно здесь, на Донской земле, у добровольческих соединений будет вполне законный повод для совместного с казаками выступления против агрессора. Это могло бы сильно повлиять на боевой дух существующих частей и привлечь большее количество офицерства и русского населения вообще в ряды его армии. Однако даже мудрому стратегу было трудно предположить поведение казачества в складывающихся условиях. История показала в дальнейшем, что и сами донские атаманы порой не умели повлиять на изменчивую природу казачьих «высших соображений», попеременно толкавшие станичников то к нейтралитету с большевиками, а то и к откровенному отторжению идеи совместной с добровольцами борьбы в страхе потерять мнимую независимость.

Большевики пользовались существующим нейтралитетом казачества для того, чтобы выиграть время и подгото-

вить восстания в Донской области силами своих сторонников. Эти силы были найдены ими в лице чинов запасных полков тысячного состава, недурно вооруженных, а также большей части рабочего населения, чей исторический антагонизм с казачьим сословием оказался хорошей почвой для натравливания этих масс на «казачье сословие». Восстание сулило успех большевикам, так как при всей значительной атаманской власти Каледин едва мог надеяться на поддержку всех подчиненных ему частей. По существу, верными атаману оставались лишь его собственный конвой и юнкера военного училища.

Алексеев пытался нарисовать картину возможного краха атаманской власти в отсутствие необходимой для ее защиты вооруженной силы и почти убедил Каледина действовать немедленно. По сведениям Алексеева, восстание двух запасных частей, расположенных в новочеркасском пригороде Хотунок, могло оказаться детонатором для огромного социального взрыва на Дону вообще. Каледин согласился, и между генералами было решено, что потенциально ненадежные части должны быть разоружены силами сотни Новочеркасского военного училища, Юнкерским батальоном Добровольческой армии и одним взводом Юнкерской батареи. Так как алексеевские юнкера не были вооружены, Каледин распорядился выдать им небольшое количество винтовок и патронов. Вооружить всех атаман был не в силах. Любое его распоряжение о полном вооружении добровольцев могло в любой момент стать достоянием гласности и спровоцировать конфликт с большевиками и собственным Кругом, строго указывающим ему держаться нейтралитета и выжидать.

22 ноября 1917 года без единого выстрела все запасные полки были разоружены малыми силами добровольцев и сотней Новочеркасского военного училища. Захваченное оружие оказалось в руках добровольцев с одобрения донс-

ких властей. Помимо винтовок юнкера получили еще и некоторое количество ручных гранат и теперь представляли собой неизмеримо большую опасность для большевиков. Вскоре после этого в распоряжении Алексеева появились сведения о готовящемся массовом восстании большевиков во всех крупных донских городах, назначенном на 26 ноября 1917 года. Сил для успешного отпора бунтовщикам в распоряжении у Каледина и Алексеева было недостаточно, и потому оба генерала решили усилить бдительность хотя бы в столице Войска Донского — Новочеркасске. Алексеев привел в боевую готовность добровольцев, прибывших в расположение Сводно-офицерской роты.

Ночь прошла спокойно, а утром до Каледина дошли слухи об успешном большевистском восстании в Ростове, совершенном приплывшими на мелких речных судах «революционными матросами». Донской пластунский батальон, призванный защитить спокойствие города, сопротивления вторгнувшимся большевикам не оказал. Каледин был потрясен случившимся. Не опасаясь теперь критики донских сторонников нейтралитета с большевиками, он не замедлил официально обратиться к Алексееву за «военной помощью». Становилось очевидным, что бездействие донской власти лишь усугубит кризис власти и очень скоро может подвести Дон под большевистское иго. Каледин распорядился отправить в Ростов Донской пластунский батальон и сотню Новочеркасского военного училища. Алексеев добавил к ним свою Георгиевскую роту добровольцев и уже следующей ночью — отряд полковника Хованского, состоявший из Офицерского батальона и Юнкерской роты.

Сведения об отправке вооруженных частей через многочисленных шпионов быстро достигли Ростова. Высаживающиеся из вагонов чины отряда полковника Хованского были встречены массированным ружейным огнем на станции Нахичевань. Хованский распорядился о подчинении

себе донского пластунского батальона и отдал приказ развертывать высаживающиеся части в боевой порядок для наступления. Вдоль железной дороги под беспрестанным свистом пуль залегла Офицерская рота, а правее нее повел наступление на ростовское предместье Темерник Донской пластунский батальон. Слева от Офицерской роты расположились юнкера, а на дальнем левом фланге по матросам и вооруженной городской черни открывала ответный огонь рота кадетов и гимназистов.

С изумлением большевики обнаружили, что прибывшие части атакуют их, невзирая на плотный огонь. Первыми на окраину города ворвались Офицерский батальон и юнкера. Донской пластунский батальон вошел в предместье Питомник и остановился, утратив наступательную инициативу. Большевики зацепились за помещения городских казарм и упорно держали его, обороняя от наседавших его кадетов. Чтобы избежать контратаки на свои фланги, Хованский послал распоряжение в Офицерский батальон о приостановлении наступления. Из батальона Хованский выделили взвод и направил его донским пластунам, утратившим всяческую инициативу и теперь бессмысленно толпившимся на занятой позиции. Взвод едва подоспел подойти к Питомнику, как застал там начавшиеся переговоры между пластунами и прибывшими к ним из Темерника большевистскими парламентарями. Офицеры арестовали большевистских посланников и расстреляли на глазах у казаков.

Звуки донесшийся со стороны Питомника стрельбы послужили сигналом для большевиков о том, что их предложение отвергнуто. Всеми имевшимися у них силами они перешли в контрнаступление со стороны Темерника и казарм. Большевистские отряды сразу обрушились на левый фланг добровольцев, откуда их еще недавно пытались атаковать немногочисленные кадеты. Пластуны первыми ста-

ли покидать занятые позиции, отходя в беспорядке, напомиравшем стороннему наблюдателю повальное бегство. Гимназисты и кадеты отходили в боевом порядке, ведя арьергардный бой по всем правилам военного искусства. Хованский срочно приказывает отойти и Офицерскому батальону. Стремительное продвижение офицеров и юнкеров к городу оставило их почти без патронов, и в отсутствие резервов для контратаки, единственным остающимся выходом было отступление.

Атака большевиков столь неистова и стремительна, что одной из офицерских рот вот-вот грозит окружение. Ее командир штабс-капитан Некрашевич оставляет один из имеющихся в его распоряжении взводов для сдерживания большевистской атаки, а силами трех других пытается контратаковать превосходящие его силы противника. Ближайшие цепи большевиков опрокидываются контрударом во фланг, но за ними обнаруживаются новые силы и Некрашевич командует отход к железной дороге в Нахичевани, чтобы успеть погрузить остатки своей роты, но большевики, обогнавшие отходящую роту и ворвавшиеся на станцию, завязывают продолжительный бой, пытаясь остановить отступающих добровольцев и не дать им уйти живыми. Под сильнейшим обстрелом рота Некрашевича начинает погрузку в вагоны. Под перекрестным огнем состав медленно трогается с места и набирает скорость. Вслед ему несутся пулеметные очереди и не умолкает ружейная и револьверная стрельба, но наступившие сумерки не дают большевикам вести прицельный огонь.

Возле ближайшей станции состав останавливается для отдыха и подсчета потерь. Первый бой с большевиками унес 80 жизней. 20 офицеров погибли, прикрывая отход к железнодорожным путям. Добровольцы возмущены бездействием и позорным бегством донских пластунов, однако боевой дух их не сломен, и решимость выбить красных

из города еще более укрепились. Наутро, оставив Офицерскую роту в резерве, Хованский расположил Юнкерский батальон и оставшихся пластунов возле станции Кизитеринки и подле станицы Александровской. Большевицские части остановились неподалеку и в случае атаки могли достичь позиций добровольцев довольно скоро.

В Новочеркасск было послано донесение с просьбой о подкреплении, откуда незамедлительно выехала Михайловско-Константиновская батарея с пулеметами, а также приданная ей сотня казаков и Донской артиллерийский взвод. Машинисты, не желавшие вести состав с подкреплением, разбежались, и от Новочеркасска паровозом управляли сами юнкера, умевшие это делать. Михайловско-Константиновская батарея сменила на позиции Юнкерский батальон, а Офицерская рота вернулась с юнкерами в Новочеркасск, оставив на позиции один из своих взводов. Юнкера — михайловцы и константиновцы — проявили чудеса изобретательности, укрепив пригнанный ими поезд железнодорожными шпалами и вооружив его пулеметами. Едва комплектация новоявленного «бронепоезда» завершилась, большевики попробовали атаковать позиции добровольцев. Завидев приближающиеся красных, пластуны тут же затеяли отход, но Юнкерский батальон, подошедший из резерва на помощь казакам, отбросил первую волну атакующих.

С еще большей решимостью атака большевиков повторилась на следующее утро. Подошедшие со стороны Дона маломерные суда из установленных на них орудий открыли огонь по позициям добровольцев. В ответ на это оборонявшаяся молодежь открыла огонь из имеющихся в их распоряжении двух орудий, чем повергла нападавших большевиков в некоторую оторопь. Наступление захлебнулось, большевики спешно отходили на свои позиции. В бою михайловцы и константиновцы потеряли убитыми и ранеными 34 человека.

Просмотрев донесения с мест сражений, Алексей Максимович Каледин решил лично прибыть на театр военных действий и распорядился «укрепить» силы добровольцев взводом донских артиллеристов. Прибывшие орудия стали обслуживать юнкера-михайловцы и константиновцы, ибо казачья орудийная прислуга особым доверием не пользовалась. С легкой руки Каледина в добровольческом отряде оказались и два миномета, называемые в те времена «бомбометами». Юнкера-артиллеристы сразу же нашли минометам применение, облюбовав удобную позицию для обстрела середины реки Дон, куда в любой час могли снова подойти большевицские суда. Обе стороны — большевики и добровольцы — весь день вели перестрелку, однако порыв атаки у юнкеров сдерживался их начальством до прибытия донского атамана.

30 ноября 1917 года поездом на станцию Кизитеринку прибыл сам Алексей Максимович Каледин. Он сообщил офицерам-добровольцам, что намерен лично руководить операцией по взятию Ростова, атака на который будет принята с двух направлений — со стороны казачьей столицы Новочеркасска и со стороны Таганрога. Именно с таганрогского направления с фронта Великой войны возвращались многочисленные донские части. Связавшись с их командирами, Каледин предложил тем «расчистить» свой путь домой, пройдя через мятежный Ростов, и вскоре получил их согласие.

1 декабря 1917 года, после непродолжительного орудийного обстрела, совместный добровольческо-донской отряд перешел в наступление на большевицские позиции под прикрытием самодельного бронепоезда. Почувствовав неладное, большевики не пытались оказывать наступающим серьезного сопротивления. Быстро погрузившись в вагоны, красные отряды дали задний ход по направлению к Ростову. Прибыв в Ростов, недавние красногвардейцы в

спешном порядке рассеивались по городу, пряча оружие и срывая на ходу кумачовые ленты на головных уборах и банты с лацканов шинелей. В городском порту революционные матросы поспешно грузились на имевшиеся в их распоряжении суда и отчаливали, в бессильной злобе стреляя по удалявшемуся от них городу. Немногочисленные добровольческие и донские части входили в Ростов. Юнкерский батальон и взвод Офицерской роты расположились в районе городского вокзала, а через сутки, погрузившись в вагоны, отбыли назад, в Новочеркасск.

В центре Ростова до 6 декабря 1917 года еще оставались юнкера-артиллеристы, чье присутствие в городе внушало жителям уверенность в собственной безопасности. Благодарные жители преподнесли в подарок юнкерам 10 000 рублей, что было с признательностью принято безденежными добровольцами. Поутру 6 декабря юнкера погрузили оружие на платформы и также отбыли в Новочеркасск, оставив город на попечение донских частей. В ходе боев за Ростов добровольческие части, потеряв 40 человек убитыми и 110 ранеными, снискали себе неподдельное уважение населения и признание верховной донской властью.

Однако это лишь отчасти отвечало планам Алексева, ибо в отношениях с донским правительством оставалось одно условие, которое было неприемлемым для самой идеи добровольчества, как силы для защиты всей России: на Дону добровольческие соединения могли бы использоваться лишь для защиты донских интересов. В силу этого план по созданию «Всероссийской армии» держался Алексеевым в секрете, и потому прибытие на Дон генерала Корнилова хранилось добровольцами в полной тайне. Другие генералы, покинувшие Быховскую тюрьму, были вынуждены оставаться вне донской территории.

Через несколько дней после своего прибытия Корнилов вступил в негласное командование добровольческими

частями, а затем вызвал в Новочеркасск генералов Деникина, Маркова, Лукомского. Деникин был назначен начальником уже сформированных частей, Марков был поставлен начальником штаба у Деникина. Лукомский стал начальником штаба у Корнилова, но затем был отправлен в секретную командировку в Москву, где передал свои полномочия генералу Романовскому. На Кубань был послан генерал Эрдели, в обязанности которого входило формирование локальных воинских частей.

В Новочеркасске тем временем продолжалось переформирование добровольческих сил и вливание в их ряды свежего пополнения. Сводно-офицерский батальон был развернут в четыре роты, численностью по 60 человек каждая. Первой ротой в батальоне была так называемая Георгиевская. 3-я рота называлась Гвардейская, и в состав ее входили офицеры различных гвардейских частей. Формальное сведение всех четырех рот в батальон еще не произошло, но оставалось вопросом времени. 50 человек морских офицеров и матросов составили собой Морскую роту, а Юнкерский батальон ввиду понесенных потерь и перевода служивших в нем гардемарин в Морскую роту был преобразован в двухротный состав, одна из которых была юнкерской, а другая кадетской. Прибывающие в Добровольческую армию артиллеристы направлялись на формирование 2-й и 3-й батарей, которые вместе с 1-й юнкерской Михайловско-Константиновской ротой, оказались сведенными в единый артиллерийский дивизион.

И все же сил для большого похода у добровольческих соединений еще не хватало. В самом Новочеркасске продолжалась регистрация добровольцев, небольшими группами, а то и в одиночку просачивавшимися на Дон сквозь большевистские кордоны. В доме на улице Барочной № 36, у входа в который монолитом возвышались часовые, располагался штаб добровольцев. В вестибюле были вывеше-

ны объявления с условиями принятия в добровольческую организацию. Условия предлагались следующие — 4 месяца службы в Добровольческой армии, проживание в казарменном общем помещении, общее питание и офицерское жалование в 200 рублей. Рядовым предлагалось жалование существенно меньшее. После представления дежурному офицеру доброволец предъявлял документы, если таковые имелись, и рассказывал о своей прежней службе и пути на Дон. Каждому прибывшему предлагалась кружка чая и кусок хлеба в столовой. Наутро начинался прием в бюро записи в организацию и заполнение наспех сделанных анкет. Далее следовали назначения в подразделения. Вновь принятый офицер получал винтовку с пятью патронами.

Из числа вновь прибывших людей большое количество было настоящими фронтовыми офицерами, но были и случайно оказавшиеся в добровольческих рядах лица. Для нового воинского формирования, каковым являлся Первый офицерский батальон, была установлена общая форма одежды. В основу идеи новой формы были положены два символа — смерть и воскресение. Основным цветом форменной одежды стал черный, символизирующий смерть за родину, и белый — цвет воскресения Родины, говорящий о той конечной цели, которую будут стремиться достичь формирующиеся воинские подразделения. Разработкой, как сказали бы сейчас, «дизайна» формы занялась комиссия в лице командиров рот 1-го Офицерского батальона и адъютанта батальона поручика Полухина.

17 декабря 1917 года в распоряжение 1-го Офицерского батальона, как основной ударной силы добровольчества, приехали Антон Иванович Деникин и Сергей Леонидович Марков. Они обошли роты и ознакомились с условиями быта офицеров. Встреча офицеров-добровольцев с генералами Деникиным и Марковым произвела на них большое и радостное впечатление. Приезд авторитетных генералов,

решивших совместно с Алексеевым и Корниловым поддержать зарождающееся антибольшевистское движение офицерства и учащейся молодежи, приободрило добровольцев. Свидетели тех дней единодушно отмечают последовавший моральный подъем и появление надежды на скорый успех дела. Новость о том, что и генерал Корнилов находится в Новочеркасске, связывали с его предполагаемым участием в формировании новых воинских частей и наращиванием некогда подпольной военной организации в полнокровную армию. Многие добровольцы знали о той большой подготовительной работе, которую проделали офицерская организация и генерал Алексеев, чтобы создать фундамент будущих соединений и теперь, когда под началом Корнилова будут сформированы первые части будущей армии, командование ими примут такие популярные генералы, как Деникин и Марков.

Марков, выпускник Константиновского артиллерийского училища, не отказался от возможности встретиться с чинами Юнкерского батальона и даже успел прочитать им лекцию о том, как он понимает основу служения добровольцев идее возрождения России. Разумеется, патриотизм, по словам генерала Маркова, должен был стать основой идеологии будущей армии. Марков приводил слушателям многочисленные примеры из отечественной и зарубежной истории честного исполнения армейцами своего воинского долга, завершив свою лекцию словами: «Легко быть честным и смелым, но лучше смерть, чем прозябание в униженной и жалкой стране!»

Воодушевление добровольцев, однако, не могло заменить постоянную нехватку вооружения. Атаман Каледин, по-прежнему во многом зависимый от донской власти, не мог единолично решать вопросы вооружения «русского формирования» на территории Всевеликого Войска Донского, а власти считали это несвоевременным и даже опас-

ным для своего суверенитета. Опасаясь, что вооруженные отряды добровольцев станут играть слишком заметную роль в донской жизни, а при случае могут и попытаться захватить власть, если та будет со всей очевидностью продолжать свою политику, направленную на умиротворение большевиков, на выдачу любых вооружений добровольческим частям был наложен строгий запрет.

Выход из этого тупика для руководства добровольцев виделся лишь один — попытаться приобрести вооружение за границами Войска Донского. В частности, в Ставропольской губернии, по сведениям, полученным штабом Алексеева, квартировала 39-я пехотная дивизия с приданной ей артиллерийской батареей. Налет на дивизию и захват винтовок, а главное — орудий, был рассмотрен добровольческим руководством как один из наиболее подходящих. Небольшой отряд в количестве 25 офицеров и юнкеров Михайловского и Константиновских училищ, сопровождаемые юным вахмистром и княжной Черкасской, выдвинулся в направлении села Лежанка и в ночь на 7 декабря 1917 года, пользуясь беспечностью нарядов, захватил два орудия, 4 зарядных ящика и несколько подвод с 501 снарядом и амуницией. Под утро в дивизии обнаружили пропажу, пустились по следу погоню, и, не догнав, вернулись в село. 9 декабря 1917 года экспедиция вместе с трофеями при всеобщем ликовании вернулась в Новочеркасск.

Генерал Алексеев, в одно из своих посещений батареи, назначил ее командиром подполковника Миончинского, приказав тому произвести переформирование батареи с учетом двух захваченных из «экспедиции» орудий. Подполковник Миончинский, своей деятельной и энергичной натурой сразу же завоевавший симпатии юнкеров-артиллеристов, произвел новый расчет, исходя из пропорции два взвода на четыре орудия. Миончинским была сразу же сформирована команда разведчиков, команды телефони-

стов, подрывников и назначены так называемые хозяйственные чины. Те из юнкеров, которые не вошли в состав сугубо артиллерийских взводов, составили пеший взвод в количестве 50 человек. Он должен был служить прикрытием батареи на случай боевых действий, и при нем Миончинским был отдан приказ — сформировать небольшую пулеметную команду, силой в два пулемета.

По распоряжению Деникина вскоре был сформирован новый отряд из 40 офицеров, который должен был совершить марш-бросок в Таганрог, где попытаться захватить вооружения городского гарнизона, состоявшего из двух запасных полков. Командовать офицерским отрядом назначили штабс-капитана Папкова. Сводно-офицерский батальон выдал в отряд все имевшиеся в их распоряжении обоймы с патронами, оставив у себя немногим более сотни, но когда поезд с офицерским отрядом достиг железнодорожной станции Таганрога, слухи о приближении решительно настроенных офицеров заставили «революционный гарнизон» разбежаться еще до прибытия эшелона. Штабс-капитан Папков застал в городе лишь пустовавшие казармы с разбросанным повсюду оружием. Не покинул город лишь командир одного из запасных полков и чины канцелярии другого. Офицеры отряда Папкова начали погрузку доставшегося им вооружения, среди которого были станковые пулеметы, бомбометы, большое количество винтовок и патронов к ним и телеграфные аппараты Юрингсона. Отряд заночевал здесь же, в казармах, и, как и следовало ожидать, ночью был обстрелян местными большевиками, не решившимися, однако, на их штурм.

К моменту прибытия отряда штабс-капитана Папкова в Новочеркасск донские власти были оповещены о конфискации вооружений и под предлогом того, что они были захвачены добровольцами на «донской территории», были конфискованы, за исключением нескольких ящиков с пат-

ронами, которые офицеры таили от бдительных представителей всевозможных «комитетов», присланных наблюдать за изъятием оружия у добровольцев. Идея мифического нейтралитета в отношении центральной большевистской власти по-прежнему довлела над сознанием донской администрации, а кратковременность большевистской власти, угнездившейся одно время в Ростове, не дала офицерству и либеральной интеллигенции почувствовать реальную опасность для всего государства. Менталитет, в основе которого была идея «пересидеть» большевизм дома, был все еще присущ большому количеству недавних подданных государя-императора. Большевики многим виделись, несомненно, временной и не очень серьезной властью, чьи дни, как казалось тогда многим, почти сочтены.

Впрочем, для предупреждения большевистских провокаций в самом Ростове был сформирован офицерский отряд самообороны под командованием генерала Черепова. В задачи отряда входило несение службы по охране города и поддержанию в нем порядка. Большинство проживавших в городе офицеров охотно откликнулись на участие в отряде и с готовностью записались в его ряды. Сам Черепов всего через несколько дней после формирования своего отряда, отправился в Новочеркасск для доклада атаману Каледину о положении дел в Ростове, но Каледин адресовал генерала к Алексееву, сказав Черепову, что сам он ведает лишь казачьими делами, предоставив все армейские вопросы решать генералу.

Идея формирования отрядов офицерской самообороны понравилась Михаилу Васильевичу, принявшему Черепова с докладом. В Ростове было открыто Бюро записи добровольцев, однако большого притока желающих вступить в армию не оказалось, а многие из тех, что приходили, обычно спрашивали: «Что дает добровольческая организация?», на что не без иронии офицеры вербовочного

бюро отвечали: «Винтовку и пять патронов». Иногда прибывающим пытались объяснить, что не в большевистских интересах оставлять в живых представителей армии, представляющей для их власти наибольшую опасность, но те не верили, ибо в короткое время большевизма в Ростове соблюдавших нейтралитет офицеров не трогали. Многих такое положение вещей устраивало, и они не стремились «заниматься политикой», отмечаясь к тому же в некоей вооруженной организации.

Первые две недели работы вербовочного центра дали приток в ряды добровольцев не более 300 человек. Ростовское и нахичеванское офицерство открыто пренебрегало вступлением в армию, нередко посмеивалось над теми, кто записался «спасать Россию», не упуская случая задеть молодых добровольцев едким словом или насмешкой вроде «игры в солдатики». Атмосфера редкой беспечности, казалось, витала над городом. Кафе и рестораны были наполнены веселящимися людьми, среди которых немалую долю занимали и офицеры. Вскоре генерал Черепов снова поехал с докладом в Новочеркасск и был принят генералом Корниловым.

Ознакомившись со списками добровольческих формирований, бегло пролистав немногочисленные страницы доклада, Корнилов рассеянно спросил у Черепова: «...Это все офицеры, а где же солдаты?» Черепов сообщил, что солдаты и вовсе не стремятся записываться добровольцами и что члены офицерской самообороны главным образом лишь разоружают тех немногих солдат, шатающихся по городу безо всякого дела. «Солдат мне дайте! Офицер хорош на своем месте. Солдат дайте мне!» — снова потребовал у Черепова Корнилов, воодушевленный присутствием Деникина и Маркова, находившихся во время доклада с ним в одной комнате. Черепов отклонялся и убыл в Ростов в смешанных чувствах, главное из которых было сожаление.

нием о том, что Корнилов не желает мириться с реалиями жизни, идеалистически полагая, что народ в лице нижних чинов будет беззаветно участвовать в освободительном движении.

Все записавшиеся в Ростове офицеры не составили собой и полка. Едва бы полк был создан, объяви сейчас генерал Алексеев о всеобщей мобилизации. Формально его власть не простиралась далее преданных ему добровольцев, и большинство офицеров могло просто игнорировать призыв, руководствуясь собственными соображениями и видами на роль офицера в эпоху безвременья. Те из офицеров, кто все же вступил в Добровольческую армию стараниями вербовочного бюро, составили единственную воинскую часть — Ростовскую офицерскую роту, численностью до 200 человек. Командовать ею был назначен капитан Петров, и со временем она хорошо проявила себя в боях с большевиками за Ростов, потеряла треть своего состава, во главе с самим Петровым, и позднее была влита в Офицерский полк, сформированный после оставления Ростова отрядами добровольцев. Половина роты была распределена в начинавший формироваться Студенческий батальон и Техническую роту, а также во 2-ю Офицерскую, Гвардейскую и Морскую роты.

Сам Студенческий батальон являлся довольно интересной добровольческой частью. Идею создания батальона из учащихся старших классов средних учебных заведений и студентов в городе, традиционно считавшемся студенческим, предложил генералу Черепову допущенный к нему на аудиенцию еврейский студент по фамилии Черномордик. Схожие мысли бродили среди молодого офицерства, вчерашних студентов. Так один из выпускников университета, поручик Дончиков, обратился с рапортом на имя боевого генерала Боровского, известного своим бесстрашием во главе ударных частей Императорской армии еще в быт-

ность свою на Западном фронте. Поддержанный генералом Череповым, Боровский решил откликнуться на идею и приступил к формированию новой части.

Любопытно, что на призыв генерала откликнулось всего несколько человек, не считая немногих офицеров из недавних студентов. Учащиеся старших классов в Ростове еще находились под сильным влиянием семей, отрицательно в массе своей относившихся к вероятности того, что их дети призываются к боевым действиям. Часть офицеров нанесла визиты в коммерческие училища для призыва молодежи в ряды добровольцев, однако это не встретило должного понимания у педагогов и директоров, а также законоучителей — священников, считавших, что приехавшие офицеры будут призывать детей идти на убийство своих же соотечественников. Впрочем, результат встречи с учениками одного из реальных училищ не замедлил сказаться — три старших класса записались в добровольцы, а это было ни много ни мало 180 человек. Это оказался, пожалуй, самый массовый отклик молодых людей, ибо чуть позже, после публикации подобного призыва в журнале «Донская волна», на нее откликнулись всего 30 человек.

8 января 1918 года возникла эта новая часть, Студенческий батальон, командовал которым сам генерал Боровский. В помощники Боровскому был назначен полковник Назимов. Сам батальон состоял из двух рот, командирами их стали полковник Зотов и капитан Сасионков. Поручик Дончиков, приложивший на первом этапе создания этой боевой единицы немало усилий, был назначен адъютантом батальона. Общий состав Студенческого батальона равнялся 280 людям при 25 офицерах. Помещался батальон в так называемом Лазаретном городке. Батальонный уклад жизни был приближен к условиям бытования военных училищ, однако вначале испытывал затруднения в достаточном количестве одеял, подушек, простыней и посуды.

Ростовские предприниматели не спешили жертвовать все это даром, ожидая оплаты товаров и одновременно пытаясь разрушить с таким трудом созданную добровольческую единицу в надежде на то, что бытовые неудобства вынудят молодых людей разойтись по домам, однако решимость молодежи, среди которой были и дети ростовских буржуа, поразила даже их черствые сердца. Постепенно они стали передавать в Студенческий батальон все необходимое. С первых же дней создания батальона в нем начались занятия по строевой подготовке и общеобразовательным дисциплинам. Авторитет генерала Боровского был непоколебим, и сам Александр Александрович завоевал себе любовь и уважение своих подчиненных своей искренней и глубокой убежденностью в том, что его детище станет сплоченной боевой частью. Вскоре Студенческий батальон был привлечен к несению гарнизонной службы на территории Ростова, а после принял свое первое боевое крещение в схватке с большевиками.

Бывая с докладами у командующего Добровольческой армии, генерал-майор Александр Николаевич Черепов нередко замечал в ходе кратких бесед, что для будущего успешного формирования воинских частей у добровольцев отсутствовали технические специалисты, неизменно присутствовавшие в каждой уважающей себя армии, — телеграфисты, саперы, железнодорожники, авиаторы и специалисты по бронетехнике. И хотя до создания технических частей в рамках добровольческой организации было еще очень далеко, командование посоветовало Черепову направлять зарегистрировавшихся специалистов в особое объединение под названием Техническая рота. В начале добровольческого движения, в отсутствии бронев автомобилей, авиации и бронепоездов, чины Технической роты должны были по замыслу командования выполнять функцию обычной пехотной части. Реальность заставила направить

в первые же дни формирования роты части ее специалистов на обслуживание железнодорожных путей сообщения Ростова с внешним миром, ибо служащие и рабочие данного ведомства не нашли ничего лучшего, как откликнуться забастовкой на призыв добровольческого командования к сотрудничеству.

С каждым днем становилось ясно, что забастовками дело не ограничится и те путейцы, которых вынужденно в принудительном порядке привлекали к работе, отвечали добровольцам неприкрытым саботажем, а то и вредительством по наущению большевиков-подпольщиков. Из чиннов Технической роты Черепов приказал формировать железнодорожные бригады для управления паровозами и движением воинских эшелонов, а также группы офицеров инженерных войск для ремонта подвижного состава и содержания его в порядке. Другим начинанием Александра Николаевича Черепова, с согласия командования, стало формирование бригад бронепоездов и отряда бронев автомобилей. Офицеры саперных частей принялись за наладку телеграфных линий и ремонт железнодорожного полотна, мостов, узлов связи, укреплений. Из Таганрога в Ростов был доставлен первый неуклюжий аэроплан Добровольческой армии, оказавшийся на поверку не вполне готовым к полетам, но за него тотчас же взялись несколько авиаторов, своим терпением и старанием постепенно возвращавших боевую машину к ее изначальному назначению.

И все же людей не хватало, особенно для управления и работы с железнодорожным транспортом, и поэтому в железнодорожники брались все, кто хоть в малой степени был знаком с паровозным делом. Новички быстро осваивались и вскоре уже с энтузиазмом брались за работу. Несмотря на внешнюю неопытность железнодорожных подразделений, на транспорте за время их существования не было зафик-

сировано ни одной катастрофы или неисправности, выведшей из строя подвижной состав. Командовал паровозным депо прапорщик Шмидт, большой энтузиаст железнодорожного дела, человек огромной энергии и полностью преданный делу восстановления железной дороги. И когда над Добровольческой армией нависала угроза многократно превосходящего противника, чины Технической роты плечом к плечу с однополчанами вставали для отпора большевикам.

К началу «Ледяного похода» Техническая рота насчитывала 120 человек под командованием полковника Кандырина. Из ее рядов вышли многие офицеры, ставшие лучшими кадрами броневых и авиаотрядов, а в составе Вооруженных сил Юга России или (ВСЮР) на базе Технической роты были развернуты три другие — 1-я Инженерная, 1-я Телефонографная и 1-я Железнодорожная. Все три роты носили шефство Сергея Леонидовича Маркова. В Ростове усилиями многих военных подвижников были сформированы и знаменитый генерала Корнилова Партизанский отряд, и даже кавалерийская часть, составленные из офицеров, окольными путями пробравшихся на Дон с погибающих фронтов Великой войны. Благодаря постоянному притоку населения из станиц и хуторов, расположенных неподалеку от Ростова, Партизанский отряд быстро вырос в большую часть в количестве полутысячи человек, а кавалеристы, оказавшиеся в рядах добровольческой конницы, по-прежнему были немногочисленны.

Для формирования большого отряда кавалерии необходимы были лошади, однако приобрести их не хватало средств, а окрестные коневоды не спешили предоставить своих коней в кредит добровольцам. Впрочем, во второй половине декабря 1917 года ряды конницы Добровольческой армии все же пополнились за счет прихода в Ростов Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии

под командованием полковника Ширяева и его помощника ротмистра Дударева. Дивизион состоял всего из 80 всадников, то есть одной трети от его обычного состава, но и эти кавалеристы оказались нелишние.

Многие чины дивизиона были уроженцами Северного Кавказа, и немалая часть их проживала сравнительно недалеко, но покинуть ряды Добровольческой армии, пока не будет разгромлен большевизм, не изъявил желания ни один из них. Нехватка коней у многих чинов дивизиона не остудила, тем не менее, их горячей готовности восстановить порядок и спокойствие в государстве. Их преданность державной идее позволяла командованию Добровольческой армии использовать их как наиболее верные части, которым нередко поручали наиболее опасные и важные задания. Так, например, из ростовской тюрьмы ими были конвоированы все содержащиеся там заключенные на станцию Степная, удаленную от города, где все они были отпущены на все четыре стороны, избавив город от опасности своего присутствия на случай беспорядков, которые могут спровоцировать большевики-подпольщики. Позже, когда на железнодорожной линии Ростов — Матвеев Курган объявились банды красных партизан с намерением взорвать пути и перерезать эту важную магистраль, Ударный дивизион своим наскоком обратил их в бегство и рассеял по степи в считанные часы.

К концу января 1918 года Ударный кавалерийский дивизион насчитывал уже 120 человек. Для руководства в пешеходных боях дивизиону были приданы несколько боевых офицеров из 2-го Офицерского батальона. С середины декабря 1917 года начался перевод сформированных частей из Новочеркасска в Ростов для того, чтобы пополнить ими уже существующие части и развернуть их в более крупные соединения. 2-ю Офицерскую роту полковника Лавреньева пополнили офицеры-добровольцы, прибывающие с

Кавказского фронта. Их небольшой поток позволил переформировать роту в батальон, однако из четырех рот две самые многочисленные были забраны у Лаврентьева в январе 1918 года для ведения боевых действий.

Не лучшим образом обстояли дела и у 3-й Гвардейской роты, с трудом набравшей в свои ряды 70 офицеров гвардейских полков Императорской армии. В Ростове над гвардейцами был поставлен командовать последний командир лейб-гвардии Преображенского полка Александр Павлович Кутепов. С ним они и вступили в первые бои, где потеряли изрядное количество офицеров и позже были влиты на правах взвода в 3-ю роту Офицерского полка. Не набиралось достаточного количества штата и в Морской роте под командованием капитана Потемкина, ибо руководство Ростовского мореходного училища, на которое он возлагал определенные надежды как на будущий ресурс его роты, не соглашалось отпускать своих старших учеников в ряды Добровольческой армии, пытаясь сберечь их молодые жизни. Потеряв часть своего состава в январских боях, Морская рота вошла в состав Офицерского полка.

Неоткуда было ждать пополнения и Юнкерскому батальону, расквартированному в центре Ростова. Приток новых юнкеров и кадетов на Дон приостановился, а те, кто не вступил в него в самом городе, продолжали игнорировать эту возможность, оправдывая свои поступки бесперспективностью конфронтации с петроградской властью. Батальон так и остановился в своем развитии на изначальной двухротной основе. 120 юнкеров и кадетов составляли, соответственно, юнкерскую и кадетскую роты. Эти роты были использованы командованием Добровольческой армии для поддержания порядка в городе, в котором время от времени большевикам удавалось подстрекать толпу на выступления против добровольческих сил, внося смуту и беспорядки в мирную в общем-то жизнь города.

Донская власть попустительствовала митингам и не ограничивала их участников, под либерально-демократическими лозунгами которых скрывались тайные намерения destabilизировать установившийся порядок и спровоцировать беспорядки, расшатать саму атаманскую власть. На одном из подобных митингов офицер юнкерского батальона попросил толпу разойтись, предупредив, что после третьего предупреждения юнкера дадут предупредительный залп по толпе. Однако это лишь раззадорило городскую чернь и развращенных большевистской пропагандой рабочих. Атмосфера накалялась криками и бранью в адрес юнкеров и их командира. На помощь юнкерам пришел из казарм и взвод кадетов, вызвавший всплеск ненависти у подстрекателей, призывавших к расправе над молодыми добровольцами. Офицер скомандовал, и юнкера дали залп. Толпа мгновенно рассеялась, оставив лежать на мостовой четыре человека убитыми. Эта акция добровольцев возымела неожиданный эффект. На какое-то время провокационные выступления прекратились, а донская власть организовала пышные похороны участников уличного бунта и потворствовала нескончаемому потоку демагогии, пролившемуся на стихийном митинге, где большевистские ораторы взывали к отмщению и клялись бороться с добровольческими формированиями до последней капли крови.

Как и в Ростове, так и близлежащем Таганроге обстановка продолжала оставаться накаленной и тревожной. Большевики трудились, не покладая рук, пытаясь поднять городские низы и рабочих на выступления, раскачать стабильность городской жизни, организовать городские беспорядки. Именно в этих условиях они могли рассчитывать на то, что в общей неразберихе им удастся захватить власть и получить контроль над обширными донскими пространствами, затягивая в разрушительный хаос все новые области. Донской пластунский батальон, призванный охранять

спокойствие в Таганроге, постепенно разложился и потерял способность противостоять беспорядкам, за что был удален из города. А власть городского гарнизона простиралась лишь в небольшом радиусе собственной дислокации.

3-я Киевская школа прапорщиков, переведенная в Таганрог, продолжала поддерживать некоторый порядок в городе и на участке железной дороги Таганрог — Ростов, но и ее силы были весьма ограничены. Одна из рот школы расположилась повзводно на ряде станций. Силами юнкеров разоружались разбегающиеся по домам дезертиры, защищалось местное население от грабежей мелких банд и отдельных уголовников, а также отражались попытки вооруженных большевистских отрядов установить контроль над территориями. К февралю 1918 года школа прапорщиков понесла значительные потери в людской силе из-за беспрестанных стычек, как с бандами большевиков, так и с ежедневными схватками с уголовным элементом, поднимающим голову в силу общей нестабильности в городе. В Таганроге был открыт филиал бюро записи Добровольческой армии, но желающих оказалось всего 50 человек, влившихся в Добровольческую армию под названием Таганрогской офицерской роты под командованием капитана Щелканова. На вооружении «роты» состояло целых два пулемета.

В самом конце 1917 года руководство добровольческих сил распределило наконец обязанности и роли между собой. Генералу Алексееву вручалось гражданское управление, иностранные дела и главенство над финансовыми учреждениями. Полнота военной власти было отдана генералу Корнилову. Генералу Каледину передавалось управление Донской областью, а верховную власть на свободных от большевиков территориях получал триумвират этих трех генералов. Впрочем, Всевеликое Войско Донское ревностно оберегало свою свободу, считая ее одним из «завоеваний революции», и предпочитало иметь собственную армию.

Столь очевидно демонстрируемая отстраненность казачков от антибольшевистских сил на данном этапе жизни Дона заставила Алексеева и Корнилова переименовать 26 декабря 1917 года все разрозненные добровольческие силы в Добровольческую армию, главой которой становился генерал Корнилов. Отличительным знаком новой армии стал так называемый «угол», составленный из трех цветов русского национального флага — бело-сине-красный, нашиваемый на кители и шинели.

На следующий день после приказа о переименовании боевых единиц в армию Алексеев постарался обнародовать цели, которые ставились им перед армией в целом и каждым ее офицером в частности. Первой и главной целью создания армии было создание организованной военной силы, которая могла бы противостоять приближающейся анархии и германско-большевистскому нашествию. В данном случае Алексеев пытался провести ясную аналогию со Смутным временем, когда силы русского ополчения противостояли врагам внутренним и внешним, поднявшись на защиту оскверненных святынь и утраченных собственных прав и свобод. Первой и непосредственной задачей, которая ставилась командованием Добровольческой армии, была защита населения и территорий от близящегося вооруженного вторжения большевиков на юг и юго-восток России. Вместе с этим сильная армия должна была помочь гражданам России в деле последующего государственного строительства, чтобы народ нашего государства посредством созыва Учредительного собрания определил будущие формы державного правления в своей стране. Волю, выраженную самыми широкими массами представителей России, должны были принять все классы, партии и отдельные личности. Этому новому державному образованию и будет призвана служить новая же армия, и все участвующие в ее образовании станут беспрекословно подчиняться новой законной власти, избранной Учредительным собранием.

Изложенные в обращении генерала Алексеева идеи были восторженно восприняты чинами Добровольческой армии, увидевшими в них отражение и собственных чаяний. А главное, что сквозило в каждой строке Алексеевского послания, — устремление новой армии служить стабилизации российской жизни и ее ориентированности на ясные державные цели. Новый, 1918 год был встречен большинством добровольцев в атмосфере радужных надежд на скорое обуздание большевистского монстра и поворот к лучшему в жизни всей страны. Всеобщим было ожидание скорого конца большевистской власти в столице и других русских городах, и общим был стремительный порыв приблизить торжество правого дела. Эйфория легкой победы над чернью и большевизмом была присуща в одинаковой степени юным кадетам и юнкерам, а также умудренным жизнью генералам.

На празднование Нового года в юнкерскую батарею пришел и Сергей Леонидович Марков. Он принял самое деятельное участие в сервировке стола наравне со смущенными молодыми артиллеристами и произнес вдохновенные тосты за гибнущую Россию и за ее здравствующего императора, а отдельно — за Добровольческую армию, чем и предложил закончить официальную часть новогоднего вечера. Как бы между прочим генерал добавил, что в данный тяжелый отрезок русской истории, русское государство еще недостойно иметь царя, но когда наступит мир, он не может представить себе Россию республикой. Марков не идеализировал положение добровольцев, пророчески заметив, что у следующего новогоднего стола, возможно, не будет многих из тех, кто сидит сегодня рядом, и потому не стоит желать ничего личного, а нужно искренне пожелать, чтобы здравствовало Отечество наше, ибо его благополучие — конечная цель каждого из присутствующих. Произнеся эти слова, Марков попрощался и поспешил к семье —

жене и сыну, точно предчувствуя, что у него лично остается все меньше и меньше времени для простых человеческих радостей.

Юнкера задумались. Все сказанное генералом было верно по существу. Внутренне положение Дона было неопределенным, а власть — опереточной. Внешнее его положение было и того хуже — большевики объявили войну калединской «контрреволюции» и начали стягивать отряды Красной гвардии к донским границам, за которыми их ожидали подпольные боевые организации местных коммунистов, готовых в любой момент ударить в спину беспечной атаманской власти. Казачьи станицы безропотно переходили под власть просачивающихся мелких большевистских отрядов. Многие казаки добровольно потянулись в красную армию в надежде гарантировать неприкосновенность своего имущества и уклада жизни. В своей безграничной наивности они полагали, что большевистская власть вполне национальна и готова опереться на казачество, как опиралась на них некогда власть императорская в ходе строительства идеального демократического общества. Интернациональный, антирусский смысл большевистской власти разглядели тогда лишь немногие подготовленные люди, ответом которых на проникновение большевизма явились организации партизанских отрядов Семилетова, Чернецова и сотника Грекова. Партизаны сами добывали себе оружие, потому что донское правительство отказалось вооружать их, испугавшись навлечь на себя гнев коммунистов.

Постепенно Дон окружался сплошной стеной красных заградительных отрядов, уничтожавших каждого, кто попытался уйти за его пределы или, напротив, пробраться за их стену. У Донской армии, рассредоточенной по трем городам — Ростову, Новочеркасску и Таганрогу, почти не было кавалерии для успешной маневренной войны; ее

3000 казаков и офицеров имели на вооружении всего два артиллерийских орудия, что было до смешного мало в условиях близящейся схватки, и все же молодость продолжала дарить надежды на победу. Юнкера, студенты, кадеты и учащиеся ремесленных училищ в новогоднюю ночь как никогда были преисполнены боевого духа и были уверены в победе. Молодые офицеры, отгоняя невеселые мысли, надеялись на стратегический талант генералов, ставших у руля добровольческого движения. Для них очевидны были грядущие трудности, но высказать свои сомнения не решался никто, ибо это граничило бы с малодушием и утратой офицерской чести. Немногочисленные пока генералы и командующий добровольческими силами Корнилов верили в Промысел Божий, а на практике в их богатом армейском опыте были припасены пара-тройка удачных тактических приемов, способных вырвать инициативу у противника, слабо подготовленного к войне с профессионалами.

Генералы верили в успех не менее других, совершенно не ожидая будущего массового предательства их бывшими товарищами по оружию — штаб-офицерами и генералами Генерального штаба, пошедшими в услужение к большевистской власти и сформировавшими ей целые армии по всем канонам русского военного искусства. Схватки с себе равными, по знаниям и военному таланту, не могли предположить не только Корнилов, Каледин и Боровский, но и тонкий мастер политической интриги Алексеев, и в этом оказался его основной просчет. Мотивы поступков бывших генералов и офицеров Императорской армии, перешедших на службу большевикам, были разнообразны, как и люди, их совершавшие, но несомненным было и общее заблуждение, свойственное большинству населения. За популистскими лозунгами о братстве и равенстве, о справедливом перераспределении земли и излишков собственно-

ети, за ничего не значащими обещаниями мира, стоял извечный и коварный враг России, в лице своих ближайших сподвижников задумавший ее погибель и порабощение народов, ее населявших. В столь изощренные замыслы большинству было трудно поверить. Их продолжал привлекать запретный плод вседозволенности, возможности выдвинуться в столь уникальный исторический период, возможно даже построить новую жизнь, лучшую и светлую.

Именно на этом идеализме просвещенного русского человека, называвшего себя «интеллигенцией» в дореволюционной России, и сыграли его противники, лицемерно предложившие ему разрушить архаичное, по их лживым утверждениям, *миростроение* державы. Один из офицеров-добровольцев говорил, обращаясь к подчиненным из своей роты: «Эта война — это общее русское горе и общее русское страдание. Как мы смеем считать себя русскими, если не разделим эти страдания с русским народом. Поверьте мне, господа офицеры, что наша национальность определяется не нашими привычками и не теоретической любовью к отвлеченной России, а нашей неразрывной связью с судьбами ее, от чего мы не имеем права уклониться».

После новогодних праздников генерал Корнилов решил посетить Офицерский батальон, с тем чтобы напутствовать военнослужащих. Речь, обращенная к офицерам, была неожиданна по своей решимости, с какой произнес ее Главнокомандующий. «Вы скоро будете посланы в бой, — начал Корнилов — В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: *пленных не брать!* Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом беру на себя я. Но вы должны знать — за что я веду борьбу и во имя чего я призвал вас к этой борьбе, отдавая такой жестокий приказ». В нескольких сказанных затем словах Корнилову удалось почти невозможное. Свидетель его речи вспоминал

впоследствии: «Генерал Корнилов заставил нас предать забвению наши политические взгляды и суждения ради единственного и всеобъемлющего — за Россию!»

Настроение слушавших офицеров было боевое, но военный поход без достаточного количества нужных вооружений казался дикой бессмыслицей даже батальонным командирам. Корнилов попытался отправить особую команду численностью в 54 человека для получения орудий на Кубани, в ее столице Екатеринодаре. Миссия по доставке возлагалась на капитана Беньковского. Под его началом состояло 7 офицеров и 14 юнкеров 1-й батареи, вооруженных винтовками и одним станковым пулеметом «максим». К отряду были прикомандированы 33 офицера. До станции назначения отряд не доехал, будучи разоруженным на станции Тихорецкая советскими войсками, и все чины отряда были отправлены под усиленным конвоем в Новороссийск, где властями Черноморской советской республики были посажены в тюрьму и только чудом не погибли, освобожденные в день подхода из Севастополя германской морской эскадры для защиты Новороссийска по настоятельной просьбе адмирала Саблина.

После воцарения в Новороссийске полной анархии в связи с приходом немцев многим из офицеров удалось покинуть город и вернуться в Добровольческую армию. Тем временем на Дону атаман Каледин безуспешно пытался добиться разрешения у многочисленных комитетов вооружить добровольческие части. Оружие, оставленное оренбургскими казаками при их возвращении в родные пенаты на Дону, ибо большевики соглашались пропустить их лишь безоружными, Каледин захотел передать добровольцам, но местные донские комитеты спохватились и взяли заложников из числа юнкеров-артиллеристов, обещая возвратить их невредимыми лишь после возвращения оренбургского оружия на склады Донской армии. Что и было впоследствии сделано.

В Новочеркасске попытки добровольцев хитростью выманить у казаков орудия закончились полной готовностью вылиться в вооруженный конфликт между казаками и добровольцами. Для усмирения возмущенных казаков дважды приезжал сам Каледин, которому позвонил Алексеев, прося повлиять на станичников, дабы не допустить кровопролития. Казаки каждый раз восторженно принимали приезд атамана, крича «Умрем за тебя, Каледин!», однако стоило атаману скрыться из глаз, как они выкатывали пулеметы и готовились штурмовать помещения артиллеристов Добровольческой армии. Взбешенный атаман вернулся в третий раз, положив конец казачьему произволу, и два орудия остались в добровольческом артиллерийском дивизионе.

Отчаянные попытки добровольческих сил вооружаться были продиктованы еще и тем, что красная власть еще с конца декабря 1917 года начала сосредоточивать крупные силы к югу от Воронежа и в Донецком бассейне, наряду с этим не оставляя попыток пробиваться за границу с Доном мелкими отрядами и боевыми группами, с которыми более или менее успешно боролись такие же небольшие партизанские отряды Чернецова, Лазарева, Семилетова и Грекова, а также Донская офицерская дружина. Самым большим был партизанский отряд Чернецова, в котором насчитывалось 200 человек. Этот отряд успешно прикрывал Новочеркасск с севера, вдоль железной дороги на Воронеж, осуществляя прикрытие города и на северном, и на западном направления одновременно.

Сил в 200 человек, чтобы противостоять усиливавшимся нажиму красных у Чернецова уже не хватало. Он приезжал в Новочеркасск, пытаясь воздействовать на мнение казаков по мобилизации усилий для отпора большевикам, но неизменно встречал самое глухое непонимание и безучастность к происходящему, точно бы все описываемые со-

бытия, участником которых был он сам, происходили где-то на Марсе. Приехав во второй половине января 1918 года в последний раз и в очередной раз встретившись с казачьим равнодушием, он в сердцах бросил собравшимся: «Да, я погибну! Но также погибнете и вы! Разница между моей и вашей смертью будет в том, что я буду знать, за что я умираю, и умру с восторгом, а вы не будете знать, за что умираете, и погибнете в глухом подвале, с тупым молчанием, как овцы на бойне». Жизнь очень скоро подтвердила правоту слов есаула Чернецова. У Дона оставалась лишь одна возможность защитить себя, вооружив Добровольческую армию. Выступление ее против большевиков на суше и на море становилось неизбежным.

Раздел второй

БРЕМЯ ФЛОТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Глава пятая

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА

Установление советской власти в Севастополе оставило по себе недобрую память. Главная военно-морская база империи оказалась в руках странных военных формирований, более напоминающих банды, однако с более или менее четкой «политической программой». Разумеется, «бандиты» объявили охоту на «контрреволюционеров», большую часть которых революционные матросы и примкнувшие к ним городские люмпены и уголовные элементы свозили в городскую тюрьму. Очевидец вспоминал: «Подогреваемая кровожадными статьями выходящих тогда в Севастополе «интернациональных газет» «Таврическая правда» и «Путь борьбы» и кровожадными телеграммами Троцкого и других комиссаров, разнузданная, звериная банда матросов, «красы и гордости революции», от кото-

рых отшатнулось все светлое и чистое, собрала свой митинг и дала Ганнибалову клятву уничтожить всю интеллигенцию, офицерство и буржуазию...»¹

Основными узниками городской тюрьмы оказались офицеры флота, а также чиновники, чины полиции и стихийный лидер крымских татар, муфтий Челебиджан Челебиев, арестованный матросами как начальник враждебного им штаба крымско-татарских формирований. «Революционный трибунал», заседавший в городском Морском собрании, выносил не слишком разнообразные приговоры — многолетние сроки тюремного заключения и принудительных работ практически для всех заключенных. В это время на кораблях Черноморской эскадры непрерывно шли митинги, где большевистские представители вменяли в вину матросам отсутствие жесткого подхода к своим бывшим офицерам, «пившим их кровь при царском режиме». Наконец, ежедневные упреки и призывы к расправе сделали свое дело, усиленные телеграммой члена коллегии Наркомата по морским делам Федора Раскольников, адресованной Центральному комитету Черноморского флота. В ней Раскольников призывал искоренять заговоры против молодой советской республики и искать виновных в них, главным образом в среде морского офицерства.

В ночь на 27 февраля 1918 года с судов отчалили шлюпки с вооруженными матросами и взяли курс на редкие огоньки спящего города. На берегу, под предводительством комиссара, они отправились в тюрьму, где потребовали от прикомандированного к тюрьме комиссара выдать им «на расправу» пять заключенных. Комиссар запросил Совет, как следует поступить ему в ответ на просьбу взбодривших себя алкоголем и бряцающих оружием матросов. Из Сове-

та ответили предельно ясно: выдавать всех, кого потребуют матросы. Комиссар попросил список. Бумага не заставила себя ждать, подготовленная, по-видимому, еще на борту корабля. Предводитель матросов протянул бумагу, в которой в числе первостепенных жертв значились муфтий Челебиев, контр-адмирал Николай Георгиевич Львов, капитан 1-го ранга Федор Федорович Карказ, капитан 2-го ранга Иван Георгиевич Цвингман и старший городской сева-стопольской полиции Синица. Комиссар, не раздумывая, распорядился о передаче всех требуемых лиц в руки прибывших матросов.

Свидетель тех событий передавал рассказанное ему сокамерниками о мученической кончине первых обреченных: «...Им связали руки назад (вязали руки матросы и рабочих, плотничий мастерской Севастопольского порта Рогулин) ... Их повели... Никто из обреченных не просил пощады... Дорогой до места убийства, в Карантинной балке, как передавал потом рабочий Рогулин, их истязали: больного старика Карказа били прикладами и кулаками и в буквальном смысле волокли, т.к. он болел ногами и не мог идти, адмирала Львова дергали за бороду, Синицу кололи штыками и глумились над всеми... Перед расстрелом сняли с них верхнюю одежду и уже расстрелянных, мертвых били по головам камнями и прикладами»¹.

Однако избиение моряков и других заключенных на этом не закончилось. Расправившись с первой «партией», матросы, опьяненные безнаказанностью убийства, вернулись за остальными, кто, по мнению их комиссаров, представлял потенциальную угрозу для большевиков. Списка этих людей не существовало, и из камер в первую очередь выволакивали старших офицеров, а затем и тех, кто просто попадался пала-чам под руку. В тесных тюремных коридорах, вдоль стены

¹ Лидзарь В. А. Варфоломеева ночь в Севастополе 27 февраля 1918 года // Морской сборник. Вып. XI. № 4. Бизерта, 1922.

¹ Лидзарь В. А. Варфоломеева ночь в Севастополе 27 февраля 1918 года.

были расставлены все, кто был обречен стать следующими жертвами произвола. В тусклом свете коридорных ламп были видны бледные, но спокойные лица полковников по Адмиралтейству Черноморского флота Николая Адольфовича Шперлинга, Феодосия Григорьевича Яновского, капитана 2-го ранга гидрокрейсера «Принцесса Мария» Бориса Васильевича Вахтина, минного офицера эсминца «Счастливый» лейтенанта Георгия Константиновича Прокофьева, прапорщиков по Адмиралтейству Гаврилова и Кальбуса и вахтенного начальника блокшива № 9 Черноморской минной бригады поручика Ивана Несторовича Доценко.

Очевидец вспоминал: «Всем обреченным связали руки, хотя полковники Яновский и Шперлинг просили не вязать им руки: мы не убежим, говорили они... И эти пошли на свою Голгофу, не прося пощады у своих палачей, лишь у мичмана Целицо выкатились две слезинки — мальчик он еще был, вся жизнь у него еще была впереди, да прапорщик Гаврилов о чем-то объяснялся с бандитами... Их увели, а нам, оставшимся, сказали: мы еще придем за вами... Минут через 15—20 глухо долетел в камеру звук нестройного залпа, затем несколько одиночных выстрелов, и все смолкло... Мы ждем своей очереди... Мы лежим на койках, и глаза наши обращены то к иконам, то на окно, где за стеклом медленно-медленно приближается рассвет. Губы каждого невнятно шепчут: Господи, спаси, защити, ты единственный наш заступник, единственная наша надежда... Боже, как медленно, томительно приближается рассвет, минуты кажутся вечностью. Что пережито было за это время — не в силах описать ни одно перо... Послышались шаги и глухой говор... Звякнули ключи, провизжал отпираемый замок, и этот звук точно ножом кольнул в сердце... Они? Но нет, это отперли нашу камеру надзиратели. Началась проверка. Мы вышли в коридор. Пустые и мрачные стояли камеры, в которых еще вчера было так оживленно. Казалось, незримый дух убитых вита-

ет в них. В соседних камерах уцелело очень мало народу. Мы обнялись, расцеловались, мы плакали... Сколько в эту кошмарную ночь было перебито народу в Севастополе, никто не знает. Утром грузовые автомобили собирали трупы по улицам, на бульварах, за городом и свозили их на пристань. Доверху наполненные трупами баржи отводились в море и там, с привязанными балластами, сбрасывались в море... И неудивительно, если вы встретите севастопольца, преждевременно поседевшего, состарившегося, с расстроенным воображением, — никто не ждал этого. Никто не ожидал, что люди могут быть такими зверями...¹

Трагедия Севастополя на этом не завершилась, и следом за людьми печальная участь в скором времени ожидала и корабли. Еще 16 декабря 1917 года было заключено перемирие Германии с Россией, а 3 марта 1918 года подписан Брест-Литовский мир. 13 марта 1918 года Одессу, а 17 марта 1918 года русскую военно-морскую базу в городе Николаеве заняли германские и австрийские войска. В середине апреля того же года германцы повели наступление на Севастополь, где стоял почти весь Черноморский флот под командованием Саблина. Согласно Брест-Литовскому мирному договору, русские военные корабли надлежало разоружить представителями германской армии. Саблин с флотом намеревался остаться в Севастополе и там разоружить корабли, если германский главнокомандующий разрешит поднять украинский флаг, показывающий переход флота к дружественной германцам Украинской республике. Но делегация не была принята. 30 апреля 1918 года адмирал Саблин вышел в море с обоими новейшими дредноутами («Свободная Россия» и «Воля»), пятнадцатью современными эсминцами, десятью пароходами и ушел в Новороссийск. 2 мая 1918 года германский

¹ Лидзарь В. А. Варфоломеева ночь в Севастополе 27 февраля 1918 года.

линейный корабль «Гебен» без боя пришел в Севастополь, где стояли оставшиеся корабли Черноморского флота. На базе в Севастополе остались семь линкоров старого типа, крейсер «Очаков» («Кагул»), «Память Меркурия», несколько не готовых к выходу в море новейших эсминцев, миноносцы, 14 подводных лодок, вспомогательные и торговые суда, перевернутый дредноут «Императрица Мария» с взорванной носовой частью.

Германцы поставили «Гебен» в док. На позицию перед Новороссийском была послана германская подводная лодка, приславшая сообщение 3 июня о том, что у русских кораблей, стоявших в Цемесской бухте, на гафелях развеваются Андреевские флаги, а на фор-стенках — красные. Кроме того, с лодки доносили, что командует флотом Саблин. 13 июня 1918 года правительство кайзеровской Германии и большевики договорились о том, что русские корабли должны вернуться в Севастополь через 6—10 дней. Корабли признавались германской стороной собственностью России и должны были быть ей возвращены после заключения всеобщего мира. Большевистское правительство послало в Новороссийск приказ о переходе кораблей. Адмирал Саблин сложил с себя командование, его заменил капитан 1-го ранга Александр Иванович Тихменев. 3 июня 1918 года в Новороссийск приехал член учрежденной большевиками морской коллегии И.И. Вахrameев, бывший матрос подводного плавания, с документами чрезвычайной секретности об уничтожении судов Российского флота, подписанными адмиралом Беренсом. Этот документ был также подписан Лениным, Троцким и начальником Морского генерального штаба Альтфатером. Для приведения в исполнение приказа уничтожить суда прибыл член Морской коллегии Ф.Ф. Раскольников. 17 июня 1918 года линкор «Воля», шесть эсминцев, вспомогательный крейсер «Траян», яхта «Крита» под командой времен-

но командующего флотом капитана 1-го ранга Тихменева ушли в Севастополь, где до конца войны должны были быть интернированы немцами. После этого в Новороссийск прибыл Раскольников, который 24 июня совместно с Глебовым-Авиловым, Вахrameевым и старшим лейтенантом В.А. Кукелем, командиром эсминца «Керчь», руководили взрывами и потоплением оставшихся военных и гражданских судов. Линкор «Свободная Россия» на глубине 26 метров взорван минным залпом миноносца «Керчь», эсминцы в количестве десяти единиц топились на внешнем рейде на небольшой глубине через кингстоны. По настоянию своих консулов были утоплены иностранные пароходы, которые война застигла на Черном море.

27 июня 1918 года в Новороссийск победоносно вошел «Гебен» с эсминцами, чем ознаменовалось полное крушение бывшего русского Черноморского флота. Не зря еще в начале декабря 1917 года на Балтийском флоте контр-адмирал Михаил Александрович Беренс настоятельно советовал молодым энергичным офицерам отправляться на Дон, в Новочеркасск, чтобы принять участие в начинающейся военной организации для борьбы с большевиками.

Глава шестая

БЕГСТВО НА ДОН

Отток наиболее энергичных и пылких морских офицеров, гардемарин, мичманов и лейтенантов на юг особо усилился после того, как 22 июня 1918 года по обвинению в саботаже, по приговору «военно-революционного» трибунала и с санкции Троцкого, был расстрелян адмирал Алексей Михайлович Щастный. Ускоренное следствие по «делу» Щастного, проводимое В.Э. Кингисеппом, предья-

вило ему обвинение из одиннадцати пунктов, большинство из которых так и остались недоказанными. Тем не менее Щастный был предан суду Верховного революционного трибунала, который начался в Кремле. Обвинителем выступал Н.В. Крыленко, приложивший много усилий для фальсификации процесса. Адвокатом Щастного был опытный юрист В.Л. Жданов, в прошлом неоднократно защищавший известных революционеров. Несмотря на официальную отмену в республике смертной казни, Щастного приговорили к расстрелу. Кассационная жалоба адвоката в Президиум ВЦИК была отклонена Я.М. Свердловым в два часа ночи 21 июня. Через четыре часа Щастного расстреляли во дворе Александровского военного училища.

Большевики словно бы мгновенно позабыли, что еще недавно он организовал и провел знаменитый Ледовый переход Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт, спас от германцев 200 выпелов. Как известно, в связи с начавшимся после прекращения Брестских переговоров о мире наступлением германских войск, в Прибалтике возникла угроза захвата ими основных сил Балтийского флота, находившихся в Ревеле и Гельсингфорсе и скованных льдами. По указанию Ленина Коллегия Морского комиссариата передала 17 февраля директиву Центробалту — увести из Ревеля в Гельсингфорс все корабли. Несмотря на тяжелые условия, 19 февраля из Ревеля начали выходить отдельные корабли, а 22 февраля — отряды кораблей в сопровождении ледоколов. 25 февраля в Ревель вступили германские войска, но значительная часть оставшихся кораблей уже успела выйти на внешний рейд. К 5 марта все корабли, кроме одной подлодки, раздавленной льдами, достигли Гельсингфорса. Однако в Финляндии после восстания Свинхувуда — Маннергейма началась местная гражданская война, и Балтийский флот снова оказался под угрозой. 12 марта из Гельсингфорса вышел 1-й отряд с ле-

доколами «Ермак» и «Волынец». Форсируя тяжелые льды и пройдя 330 км, 17 марта отряд прибыл в Кронштадт. 21 марта финны все же захватили ледокол «Тармо», а 29-го — «Волынец» и заняли острова в Финском заливе. 3 апреля у Ганге (Ханко) высадился германский десант и германское командование предложило кораблям саморазоружиться. Из Петрограда в Гельсингфорс по железной дороге, отбиваясь от обстреливавших его германцев, прорвался эшелон с 500 моряками торгового флота. По прибытии в столицу они были распределены по кораблям.

5 апреля в Петроград выехал 2-й отряд. Через три дня он был встречен экипажами ледокола «Ермак» и крейсера «Рюрик» и уже 10 апреля вместе с ними достиг пределов Кронштадта. В течение пяти дней шла отправка 3-го отряда, который 22 апреля того же года прибыл в Кронштадт. 2 мая пришел туда и 4-й отряд, доселе находившийся в Котке. В мае из Гельсингфорса пришли остававшиеся там корабли. В итоге операции в Кронштадт было перебазировано 236 кораблей, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подлодок и др., которые послужили основой большевистского Балтийского флота, что сыграло большую роль в обороне Петрограда и действиях на других театрах Гражданской войны. Расправы большевиков над честными боевыми адмиралами и офицерами лишь укрепляли уверенность в правильности своего выбора тех, кто хотел постоять за честь Отечества, и поток офицеров, текущий к Черному и Каспийскому морям, в Мурманск и Архангельск, на Волгу, к Онежскому озеру и даже на далекие сибирские реки, лишь возрастал. Там, в этих конечных пунктах, формировались из ничего первые белые флотилии. Но самым основным пунктом сбора продолжал оставаться Новочеркасск, где росли ряды Добровольческой армии и где из прибывших гардемарин был сформирован 4-й взвод Юнкерского батальона. Морской взвод сразу включился в боевые

действия против большевиков, приняв свое «степное» крещение в новочеркасских просторах. Один из исторических очеркистов того времени писал об их участии в первых сражениях Гражданской войны: «Так, кровью морских кадетов и гардемарин, перемешанной с кровью других русских детей — кадетов сухопутных корпусов и гимназистов, обогрилась русская земля в первом бою, положившем основание Добровольческой армии и последовавшей затем многолетней упорной борьбе русских национальных сил против красных предателей»¹.

После того как Ростов-на-Дону был очищен от большевиков, там началось развертывание кадров возрождающейся армии. Генерал Алексеев поручил бывшему командиру эсминца капитану 2-го ранга Владимиру Николаевичу Потемкину сформировать Морскую роту, в которую бы входили продолжающие прибывать на Дон гардемарины и офицеры, а также ученики Ростовского мореходного училища. Отряд был сформирован быстро, а его первыми сестрами милосердия стали несколько учениц Ростовских гимназий. 30 января 1918 года Морская рота под командованием Потемкина вместе с Кавказским сводным дивизионом получила приказание отправляться в район Батайска для обеспечения защиты южных рубежей Ростова от наступающих большевистских частей под командованием Сорокина. Силы красных намного превосходили силы белых, как это часто бывало, к тому же наступление красновардейцев было поддержано бронепоездом. Бой оказался жестоким и кровопролитным. Морская рота начала нести потери. Почти сразу погибли мичман Петров и мичман Александр Никитич Мельников. Тяжело был ранен осколком разорвавшегося

снаряда мичман Черноморского флота Василий Тихомиров. В контратаках на противника нашли свою смерть лейтенанты Борис Евгеньевич Энвальд и Виктор Анатольевич Адамиди, увлекавшие за собой гардемарин и гимназистов, бегущих с винтовками с примкнутыми штыками наперевес на встречу наступающим красновардейцам. Пуля на излете ранила и самого Потемкина, повредив глаз.

Наступление красных увенчалось успехом. Невзирая на мужество оборонявших Ростов добровольцев, город был сдан. Капитан Потемкин остался в городе, скрываясь на квартире одной из сестер милосердия. Раненый мичман Тихомиров был укрыт в больнице в Новочеркасске вместе с раненым старшим лейтенантом Анатолием Петровичем Ваксмутом. Судьба Владимира Николаевича Потемкина поистине удивительна, но вполне естественна для времен Гражданской войны. Позже, с заданием командования Добровольческой армии, он с риском для жизни пробирается в Астрахань. Путь его пролегал через занятый большевиками Новочеркасск и Кисловодск, таким же путем он вернулся назад. Летом 1918 года Потемкина назначили командиром Новороссийского порта, а затем он на некоторое время возглавил команду бронепоезда «Князь Пожарский» в составе железнодорожных сил ВСЮР. В 1920 году Потемкин стал во главе дивизиона канонерских лодок Азовской флотилии, а во время крымской эвакуации, с учетом его большого организаторского таланта и умения добиваться результатов, был назначен комендантом Керчи уже в чине капитана 1-го ранга. Вместе с армией Петра Николаевича Врангеля Потемкин прибыл в Галлиполи и какое-то время командовал транспортом «Ялта». Его навыки и умение были отмечены командованием союзников, и вскоре капитан Потемкин получил предложение поступить на службу в военно-морские силы Французской республики. В их составе он и командовал 6-й группой кораблей еще долгое время, а затем вышел в отставку и вскоре

¹ Кадесников Н.З. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, на морях, озерах и реках России в 1917—1922 годах. М.: Центрполиграф, 2002. С.15.

скончался в Париже в 1938 году 53 лет от роду. Короткая и яркая жизнь русского морского офицера...

Не менее причудливой оказалась жизнь и Анатолия Петровича Ваксмута. По выздоровлении, совпавшем с изгнанием большевиков из Новочеркасска, он поступил служить на флот Донской флотилии, где командовал пароходом «Кубанец». В начале 1919 года он перешел на должность старшего офицера ледокола «Полезный», а летом того же года Ваксмут возглавил дивизион катеров Волжской флотилии, переместившись на восток страны. Осенью 1919 года Анатолий Петрович был назначен командиром вспомогательного крейсера «Америка» Каспийской флотилии, вывозил беженцев и части, оборонявшие Каспий от большевиков и горцев, побывал в лагере переселенцев в городке Басра в Месопотамии, короткое время являлся начальником штаба Сибирской флотилии. Когда в 1921 году эскадра адмирала Старка спасала людей, бегущих от большевизма, Анатолий Петрович стал командиром тральщика «Взрыватель», на котором он проделал всю невеселую одиссею эскадры, на пути из Гензана до Шанхая и из Шанхая на Филиппинские острова. После того как часть судов осталась на Филиппинах, Ваксмут избрал своим пристанищем сначала Китай, где проживал в Шанхае, а затем перебрался в Австралию, где в 1973 году скончался в Сиднее, окруженный детьми и внуками, оставив читающим и думающим людям свои воспоминания.

Глава седьмая

МОРСКИЕ РОТЫ

Славная Морская рота после кровопролитных боев у Батайска прекратила свое существование. Но отдельные чины ее продолжали борьбу. Так, в Первый Кубанский по-

ход под предводительством генерала Лавра Георгиевича Корнилова отправились лейтенанты Сергей Яковлевич и Борис Яковлевич Ильвовы и старший лейтенант Анатолий Владимирович Басов, погибший в знаменитом бою под Лежанкой 21 февраля 1918 года. Позже братья Ильвовы оказались на Восточном фронте. Служить на Каспийскую флотилию отправились старшие лейтенанты Борис Михайлович Елачич и Николай Владимирович Потолов.

Судьба Елачича также примечательна. Уехав в эмиграцию в Персию в 1918 году, он вскоре решил, что русский морской офицер не должен оставаться в стороне от событий, происходивших у него в Отечестве. Вернувшись в 1919 году, Борис Михайлович вновь поступил на службу в сухопутные войска Восточного фронта, был произведен в чин капитана 2-го ранга и поставлен начальником штаба знаменитых белых Алтайских отрядов. До начала 1921 года он фактически командовал всеми белыми отрядами на Алтае, получив следующий чин капитана 1-го ранга после того, как возглавил эти подразделения, когда погиб их командир капитан Сатунин. В 1921 году Елачич перебрался в Китай, где проживал в Харбине и погиб в самом начале 1930-х годов при невыясненных обстоятельствах. Его боевой товарищ Николай Владимирович Потолов после эвакуации из Владивостока остался на жительство в Японии, короткое время проживал в Шанхае, неся бремя службы на флоте Его Величества британского монарха на таможенной канонерской лодке, а затем перебрался в Ревель, откуда позже уехал во Францию, где и скончался в 1935 году. После рассеяния Морской роты ее остатки были влиты в Офицерский полк, в рядах которого большая часть моряков погибла в Первом Кубанском походе.

Морская рота как самостоятельное подразделение в рядах сухопутных войск возникла и на Восточном фронте. Основание воинской части было положено вице-адмира-

лом Колчаком, командовавшим российскими войсками в полосе отчуждения Китайской восточной железной дороге, его приказом за № 38 от 21 июня 1918 года. Целью создания морской части была борьба с большевистской речной флотилией в бассейне реки Амур: флотилия состояла из двух бронированных и трех небронированных канонерок Амурской речной флотилии под командованием «товарища» Ольгиви, бывшего капитана 1-го ранга. Конечной задачей было овладение базой флотилии в Хабаровске. 12 июня 1918 года приступили к формированию морской части, получившей наименование Отдельной морской роты. Рота формировалась по штатам пешей сотни: один ротный командир, четыре взводных, 12 отделенных, фельдфебелей и 160 рядовых. На службу в роту были приняты добровольцы на общих основаниях для всех лиц, поступающих в российские войска полосы отчуждения КВЖД.

При поступлении добровольцы давали подписку, своего рода присягу на верность. В роте полным ходом шел прием желающих поступить туда для борьбы с большевизмом. Принимались офицеры флотские и сухопутные, добровольцы — специалисты морского или речного дела или те, кто был знаком с этим делом, а также все желающие продолжать службу во флоте и в будущем. Считаясь с поставленной задачей — захватить канонерку внезапным налетом с малых судов, так как никаких других плавучих средств на Сунгари в распоряжении штаба войск не было, формирование роты шло в тайне, без рекламы или объявлений о приеме в роту. Необходимость соблюдения в тайне цели формирования стесняла его успех, а само существование в Харбине морской части в глазах многих казалось странным: высказывались взгляды, что Морская рота — это почетный караул при командующем — моряки назывались «колчаковцами». Однако приток добровольцев шел успешно, и в начале июля личный состав роты достиг

ста человек. Под помещение для роты была отведена одна из казарм, почти без инвентаря, расхищенного самым бесцеремонным образом китайскими войсками, занимавшими соседние казармы. Были разработаны штаты Отряда речных судов Российских войск. Схема управления намечалась следующая: начальник отряда, штаб; в подчинении начальника отряда — посыльное судно «Сретенск», дивизион сторожевых судов, отдельная морская рота.

Канонерки большевистской Амурской флотилии по-сменно несли сторожевую охранную службу на Амуре, против устья реки Сунгари. Первоначальной задачей, поставленной командованием Морской роте, был захват канонерки большевиков для того, чтобы выйти на ней в Амур. Там, на амурских просторах и должна была продолжиться борьба с остальными судами флотилии. 14 июля 1918 года на рассвете, выслав паровые катера вперед, рота выступила в поход из Харбина вниз по Сунгари на пароходе «Восьмой» КВЖД. Переход в 700 верст был сделан в двое суток. По приходе в местечко Тузаки в 12 верстах выше Лахасу-су, выяснилось, что канонерка накануне ушла в Хабаровск. Объект операции таким образом исчез. 16 июля на рассвете паровые катера «Рыболов» под командой старшего лейтенанта Сибирской флотилии Бориса Николаевича Рыбалтовского и «Талисман» под командой старшего лейтенанта Николая Сергеевича Харина вышли боковым рукавом на Амур и внезапно атаковали «Сретенск», пристав к его борту. После первых выстрелов большевики бежали по сходням на берег. Усилиями тридцати человек пароход с двумя баржами, таможенной брандвахтой и моторной шхуной «Де-Кастри» на буксире снялся с якоря и после переговоров с китайцами приведен в Лахасу-су. На пароходе и баржах было взято в плен около 20 большевиков и захвачено 25 винтовок с патронами. За лихое дело, завершившееся захватом у большевиков имущества более чем на милли-

он рублей, старший лейтенант Безуар произведен в капитана 2-го ранга, участникам дела объявлена благодарность, отличившимся даны награды. В начале сентября узнали о падении советской власти в Хабаровске. 8 сентября заведующий речными операциями на посыльном судне «Сретенск» вышел в устье Сунгари. По приходе в Лахасу-су моряки выяснили, что канонерка покинула свой пост на Амуре и ушла в Хабаровск. А старший лейтенант Павел Васильевич Шахов, оставленный в Фугдине для наблюдения за действиями большевиков, с сорока гардемаринами, паровым катером и брандвахтой находятся уже на Амуре, занимая на левом берегу его таможенные постройки.

С рассветом 21 сентября, когда «Сретенск» с баржей пришел на базу и вошел в затон, тотчас прибыли три японских офицера, расспросивших о целях прихода и предложивших старшему лейтенанту Николаю Сергеевичу Харину, будущему директору-распорядителю конторы Добровольческого флота в Харбине, отправиться в город в штаб генерала Оой, командующего союзными войсками в Хабаровске, для переговоров. Переговоры к положительным результатам не привели, и старшему лейтенанту Алексею Васильевичу Соловьеву в ультимативной форме было предложено покинуть базу. Японцы держали себя на базе как полные хозяева и, не желая вступать с ними в вооруженное столкновение, старший лейтенант Соловьев вышел со «Сретенском» из затона и встал на якорь перед городом. Теперь в условиях повсеместного доминирования японцев, когда действия Морской роты теряли свою эффективность в этом районе, постепенно ее чины были рассеяны по другим частям и отрядам Восточного фронта.

Так Алексей Васильевич Соловьев в мае 1921 года оказался в составе десантного белого отряда, взявшего Владивосток и освободившего его от большевиков, а после недолгое время даже возглавлял Сибирскую флотилию, дослужившись до звания капитана 1-го ранга.

После падения белой власти он активно участвовал в эвакуации войск атамана Семенова, будучи командиром 3-го дивизиона Сибирской флотилии. На вспомогательном крейсере «Лейтенант Дыдымов» он прошел часть пути в героическом походе эскадры адмирала Старка, вывезшей русских людей и часть войск с Дальнего Востока. Поход эскадры Старка спас многие сотни людей от неминуемой расправы большевиков, такой же, что и печально известная, проводимая примерно в это же время в Крыму, оставленном русской армией генерала Врангеля. Уже в декабре 1922 года, когда поход эскадры еще продолжался, Алексей Васильевич погиб вместе со своим крейсером и командой во время шторма в Восточно-Китайском море. Необычная, трагическая судьба, но у кого в те годы из русских моряков она была иной?

Глава восьмая

ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЮЖЕТАХ И ЛИЦАХ

Стоит немного остановиться на том, как в целом развивались события на Дону в 1918—1919 годы, когда приток морских офицеров и адмиралов туда удвоился, несмотря на то, что большого флота у Добровольческой армии не получилось. Существует довольно распространенное заблуждение относительно всемерной поддержки добровольческого движения на землях вольного Дона, а также относительно благополучного процесса формирования добровольческих отрядов на волне энтузиазма местного населения и горячего участия в этом офицерства, пребывавшего в то время на юге России в обстановке затишья и спокойствия. Однако на деле все было далеко не так гладко, а поддержка в формировании настоящей армии большинством офицерства

не только отсутствовала, но и считалась среди некоторых авантюрной затеей, заранее обреченной на поражение.

Само формирование армии, конечно, шло ударными темпами, ибо враг не ждал, пока русские люди организуют свои боевые дружины для отпора, как уже было в начале XVII века, и наращивал объемы людской силы и техники для крупномасштабного вторжения на Дон. Необходимо было торопиться, чтобы встретить большевиков во всеоружии, под командованием опытных стратегов, с полностью укомплектованной личным составом армией. Бои с большевиками пока носили эпизодический характер, но белое командование сознавало, что количество красных в скором времени перерастет в ту критическую массу, с которой будет трудно справиться даже хорошо подготовленным и обученным военным. И потому едва начался январь 1918 года, как в Ростов переехал генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Он прибыл для принятия командования над всеми частями Добровольческой армии, дислоцированными как в самом Ростове, так и в Таганроге.

Спустя две недели после этого в Ростов переехал и Корнилов со своим штабом. На общих совещаниях командиров Добровольческой армии, в ходе обсуждений и дебатов относительно дальнейшей борьбы и перспектив успеха в ней, вожди белой армии все более склонялись к мысли, что силами добровольцев и донцов удержать Новочеркасск и Ростов не представляется возможным. Остаться и биться в этих городах насмерть тоже не казалось лучшим исходом борьбы, ибо донское казачество, за которое предстояло сложить свои головы, по-прежнему не понимало ее необходимости. Красные продолжали медленный, но верный охват донских земель, формируя на донской территории новые ударные силы на всех стратегических направлениях, одним из которых был Ростов.

Оставить Ростов Корнилов не мог до тех пор, пока из всех существовавших боевых единиц и частей не будет окончательно сформирована полноценная армия. Задача по завершению формирования остающихся добровольческих частей легла на его начальника штаба, Сергея Леонидовича Маркова. Кроме того, Марков был обязан позаботиться и о том, чтобы все части армии были приведены в повышенную боевую готовность. В своей работе как начальник штаба он строго следил за тем, чтобы численность штабов была минимальной, их работа подчинена требованиям времени и особых обстоятельств, в которых находилась армия, и при этом соответствовала численности строевых частей. Штабные работники отнеслись к строгости Маркова по-разному, в целом одобряя его подход к снижению бюрократии и искоренению «канцелярщины», а в строевых частях почти единогласно признали в генерале близкого себе по духу человека. Однако и без эффективной штабной работы обойтись было невозможно. Без штабов действовали лишь партизаны, но их борьба была узконаправленной и носила характер действий пожарной команды, призванной тушить очаги возгорания по всей донской границе. Вопросами долговременной стратегии у партизан никто не занимался, а в тактических вопросах они полагались на удачливость командиров и на случай. По-прежнему среди казаков существовало заблуждение, что, если большевикам дать должный отпор, желание продолжать экспансию на казачьи земли у них исчезнет.

Время шло, и настойчивые попытки красных отрядов просачиваться на Дон поубавили сил даже в летучем отряде Чернецова. Есаул начал догадываться, что остановить расползающийся красный поток может только хорошо обученная регулярная армия, с чем и направился к Алексею Максимовичу Каледину. Атаман выслушал соображения партизана и порекомендовал ему дожидаться результатов

своей встречи с Корниловым, на которой Каледин официально попросил помощи у добровольческих формирований. Корнилов направил в распоряжение Чернецова 4-ю Офицерскую роту полковника Морозова численностью в 50 штыков, прибывшую 9 января 1918 года на станцию Звереву для обеспечения тыла партизанского отряда. Офицеры быстро заняли позиции вдоль железной дороги. Между тем в таганрогский район, начальником которого был назначен полковник Александр Павлович Кутепов, была направлена 1-я рота 2-го Офицерского батальона для моральной поддержки расквартированных в городе юнкеров.

В начале января юнкера и офицеры мощной атакой разбили небольшие красные отряды, гнали их сорок верст и даже заняли станцию Амвросиевка, но уже 7 января были вынуждены начать отход под давлением свежих сил красногвардейских отрядов. По некоторым данным, ими были передовые отряды группы Сиверса, насчитывавшей 10 000 штыков. Кутепов срочно распорядился перебросить на это направление немногочисленные добровольческие части — Морскую роту, подрывную команду 1-й батареи и 500 штыков Партизанского отряда имени генерала Корнилова. 11 января 1918 года красные атаковали станцию Матвеев Курган, поведя наступление широким фронтом, охватывая оборону добровольцев с обоих флангов. Станцию нужно было срочно оставлять. Подрывная команда, возглавляемая поручиком Ермолаевым, заложила взрывчатку, однако отойти оказалось невозможным из-за полного окружения ворвавшимися отрядами красных. Добровольцы произвели свой последний взрыв, подорвавшись сами и унеся с собой десятки ворвавшихся на станцию красногвардейцев и комиссаров.

Красным командованием была предпринята попытка вести наступление не только в южном направлении, но и на восточном. Конечным стратегическим пунктом был Ростов. Кутепов срочно бросил против большевиков две

роты, прикрывшие собой подступы к городу — Георгиевскую и Ростовские роты. У самого Кутепова оставались лишь Партизанский отряд имени генерала Корнилова и Морская рота. Такими силами сдерживать красных не представлялось возможным. На помощь Кутепову из Ростова выдвинулась Гвардейская рота в 60 штыков под командованием сослуживца Кутепова по лейб-гвардии Преображенскому полку полковника Михаила Николаевича Моллера. Перед отправкой рота получила напутствие Сергея Леонидовича Маркова: «Имейте в виду — враг чрезвычайно жестокий. Бейте его! Пленными загромождать наш тыл не надо!» Некоторые гвардейцы отмечали потом, что речь Маркова произвела на них тяжелое и неприятное впечатление. Им претил сам факт призыва к беспощадности и убийству пленных. В смешанных чувствах гвардейцы прибыли на станцию Ряженое. Едва выгрузившись, Гвардейская рота втянулась в бой с превосходящими силами противника. Большевики быстро разбили фронт Гвардейской роты, обходя ее с флангов, ворвались на станцию Ряженое, захватили состав, привезший гвардейцев, и обрушились на тех, кто оставался в нем. Машинисты, медицинский персонал, все те, кто был в вагонах с ранеными, были переколоты штыками и застрелены.

Такому безудержному потоку красных сил Кутепов не мог противостоять. За один лишь день к югу от станции Матвеев Курган красные продвинулись на 20 верст. Кутепов срочно требует прислать подкрепление, и вскоре из Таганрога к нему прибывает 1-я рота 2-го Офицерского батальона вместе с вошедшей в нее Таганрогской офицерской ротой, а из Ростова выдвигается 2-я рота этого же батальона. Обе боевые единицы, общим количеством в 280 штыков, заняли к утру станцию Неклиновка. Чуть правее станции расположились Гвардейская и Морская роты, поодаль — Партизанский отряд. На саму станцию грозно во-

шел так называемый «блиндированный поезд» с единственным орудием и броневым автомобилем. В двух офицерских ротах оставалось лишь по 50 патронов на каждую винтовку и малое количество пулеметных лент. Утром ожидалось новое наступление красных. Ранним утром 12 января 1918 года густые цепи красных появились на горизонте. В поддержку наступления заговорила большевистская артиллерия. Снаряды ложились почти рядом с редкими рядами офицерских рот. Белые залегли на снегу, ожидая, когда цепи красногвардейцев приблизятся на расстояние в двести шагов. Как только красные с криками «ура!» бросились в атаку, офицеры поднялись во весь рост и открыли огонь. Застучали белые пулеметы. В несколько минут стройные цепи красных были расстроены, а контратака офицеров обратила их в бегство. Штыки белогвардейских рот беспощадно кололи противника. Вырвавшись вперед, обгоняя бегущих офицеров, стрелял на ходу единственный броневый автомобиль. Красных преследовали некоторое время, и рассеяли их на многие версты вокруг.

Бегство столь сильного противника воодушевило малочисленные офицерские отряды, но присланный приказ говорил об отходе. Потери в двух ротах составили 50 человек. Офицеры возвращались по полю, усеянному телами погибших. Нужно было собрать патроны и оружие, оставшееся после боя, допросить пленных. Один из них, московский рабочий, глубокомысленно произнес перед расстрелом: «Да! В этой борьбе не может быть пощады». Офицеры были поражены выдержкой, хладнокровием и его убежденностью в правоте дела, которому он отдался всей душой. Ему разрешили написать последнее письмо своей матери и жене перед расстрелом, а потом один из офицеров опустил письмо в почтовый ящик в Неклиновке.

Силы красных были не только разбиты и деморализованы. Противник отошел к Матвееву Кургану и более не

предпринимал попыток наступления. Офицеры сделали вывод, что при достаточном количестве людей в рядах Добровольческой армии она смогла бы освободить всю Россию. Но в ночь на 14 января 1918 года подпольная группа большевиков подняла в Таганроге восстание. Красные бунтовщики взяли в плотное кольцо огня помещение, где находились юнкера, в то время как другая часть юнкеров попыталась овладеть обстановкой в городе и стабилизировать ситуацию. Один юнкерский взвод взял под свою охрану вокзал, другой — спиртовой завод и еще одна полурота под командованием полковника Мастыко — Балтийский завод. Бунтовщики начали атаку Таганрогского вокзала, пустив вперед себя паровоз, который был ими разогнан и пущен в здание вокзала. Врезавшийся в стену паровоз не причинил особого вреда юнкерам, и они смогли без труда отбить последовавшую атаку неплохо вооруженных подпольщиков. Юнкера связались с полковником Кутеповым, который снял с позиций у станции Неклиновка 1-ю Офицерскую роту и послал ее в Таганрог. Эта рота легко прорвала кольцо бунтовщиков на вокзале и соединилась с юнкерами, потерявшими к тому времени пять человек убитыми и десять человек ранеными. Красные засели в ближайших домах, и выбить их оттуда пока было невозможно.

Короткий зимний день истаял, и над замершим Таганрогом воцарилась холодная ночь. Пользуясь темнотой, подпольщики просочились на спиртовой завод и подожгли спиртохранилище. Охранявшие его юнкера не могли справиться с бушующим пламенем своими силами, а ворвавшиеся на заводскую территорию через предательски открытые рабочими ворота люмпены набросились на немногочисленных юнкеров, отлавливая их посреди пылающих цехов и тут же безжалостно убивая. Юнкера и офицерская рота, оставшиеся на вокзале, были блокированы со всех сторон большевиками. Кроме того, здание вокзала было

отключено от воды. Немного воды осажденным добровольцам удалось добыть из котла врезавшегося в здание паровоза и теперь безжизненно темнеющего на фоне разрушенной вокзальной стены.

Для офицеров становилось все более очевидным, что оставаться на удерживаемых позициях незачем, и командиры рот приняли решения пробиваться через плотное кольцо большевиков и выбираться из города прочь. Поутру 16 января 1918 года рота юнкеров с Балтийского завода сделала попытку вырваться в северо-восточном направлении, тут же вступив в бой с ожидавшими их большевиками. Последние открыли по юнкерам шквальный огонь, перебив сразу почти половину роты. Был ранен и сам полковник Мастыко. Юнкера попытались тащить своего начальника, но тот приказал оставить его. В отчаянье юнкера продолжали оставаться рядом с раненым. Шальные пули задевали склонившихся над полковником молодых людей, умолявших его разрешить нести его дальше, но тот хладнокровно вытащил револьвер и застрелился на глазах подчиненных, приказав им перед тем поскорее выбираться из города. Лишь после того юнкера оставили тело своего командира и начали отход. Большевики не стали преследовать их, и половина роты благополучно выбралась за пределы города. С вокзала отряд, состоявший из юнкеров и офицеров, забрал своих убитых и раненых и начал погрузку в эшелон, подошедший с севера и охраняемый 2-й Офицерской ротой, посланной для установления связи с добровольцами, удерживавшими вокзал. Красные расступились и пропустили поезд, дав ему покинуть пределы города.

Положение отряда Кутепова оставалось сложным, и только отсутствие точных данных о численности кутеповских сил не позволяло красным начать наступление. Александр Павлович посчитал, что в сложившейся ситуации

наиболее правильным будет отход всех сил добровольцев и сокращение фронта. Постепенно, часть за частью, добровольцы отбывали в Ростов: таганрогская Школа прапорщиков, Юнкерский батальон, Партизанский отряд имени генерала Корнилова и, наконец, Морская рота. К 27 января 1918 года Кутепову пришлось отойти еще дальше на 10 верст к востоку от станции Морская. Красные постоянно пытались обойти его с флангов. Стремительному охвату флангов отряда Кутепова способствовала появившаяся у большевиков кавалерия — части бывшей 4-й кавалерийской дивизии, мобилизованные на службу в Красную армию. Им противостояла сотня полковника лейб-гвардии Уланского Его Величества полка Василия Сергеевича Гершельмана в количестве 50 сабель.

В конце января красные не раз предпринимали наступления на отряд Кутепова. Их попытки были отбиты благодаря героизму роты Корниловского ударного полка. К 28 января 1918 года отряд Кутепова отошел еще на 20 верст, приблизившись к станции Хопры, где его сменил отряд полковника Александра Николаевича Черепова, общей численностью в 820 человек и при двух орудиях, поддержанный чинами отряда сотника Грекова. Своими дерзкими набегами на большевиков Греков был прозван Белым Дьяволом. Впрочем, помимо боевой славы, за казачьим сотником Грековым шла по пятам известность иного рода. Многие знали его и как непревзойденного мастера «реквизитий» у местного населения. Его ценили за его убеждения и открытый антибольшевизм, ибо часто атаман Каледин получал неутешительные новости, что по мере продвижения красных отрядов на Дон к ним стали присоединяться и многие казаки, часть из которых уходила к большевикам со своими орудиями. Такие добровольные вливания в ряды красных могли существенно осложнить положение белых партизан, не имевших собственной артиллерии, и Кале-

дин решил просить командование Добровольческой армии направить хотя бы одну батарею в поддержку чернецовских партизан.

Корнилов отдал распоряжение направить Чернецову 1-ю батарею Добровольческой армии, с которой отбыл и подполковник Дмитрий Тимофеевич Миончинский, решивший, что обязан сопровождать батарею с пешим взводом юнкеров-артиллеристов. Пеший взвод вышел на погрузку в эшелон, имея при себе несколько станковых пулеметов, призванных дать отпор большевикам, если те решатся атаковать поезд в степи. Орудия 1-й батареи были предусмотрительно размещены на открытых платформах, прицепленных к эшелону, чтобы в случае необходимости дать хороший залп по большевикам. Едва орудия были установлены, на перроне показались представители одного из казачьих комитетов, требуя вернуть им одно из орудий, позаимствованное у них накануне юнкерами под вполне благовидным предлогом. Опешивший Чернецов отчитал «комитетчиков» и сказал, что он прикажет открыть огонь, если казаки силой попытаются отнять орудие. Часть представителей казачьего комитета тут же отправилась в атаманский дворец, чтобы оказать посильный нажим на атамана и заставить его отдать распоряжение о возврате орудия. Чернецову удалось опередить депутацию и разогнать ее почти на пороге атаманского дворца. Зачем казачьему комитету понадобилась одна несчастная пушка из немногих орудий добровольцев именно в день отправки батареи на помощь партизанам, можно лишь догадываться. Основной версией причины столь странного на первый взгляд союза может выступать лишь налаженная взаимосвязь большевистского подполья и казачьих комитетов, чьи временные интересы могли совпадать на определенном этапе, а позже реализоваться в виде тайной борьбы против добровольцев.

С позиции исторической осведомленности наших дней, мы легко можем осудить подобное легкомыслие со стороны казачества. Однако не следует забывать, что большевизм всегда умел неплохо маскировать свои истинные намерения, играя на традиционных для народов, населявших Российскую империю, «слабых струнах» души. Такими уязвимыми местами у многих этносов было непомерно возросшее на волне безвластия 1917 года чувство их мнимой национальной исключительности, а также жажда возвыситься над падшим русским народом вкупе со всегда присутствующим соблазном юридического закрепления «независимости» ареала собственного обитания, получить которое можно было главным образом из рук новой власти. Все это было возможным лишь в результате самого тесного сотрудничества с теми, кто захватил власть в стране.

Итак, эшелон с добровольческой батареей отбыл с Новочеркасского вокзала в северном направлении, и с этой поры начался период лихорадочных передвижений двух противоборствующих сторон. Еще до подъезда на станцию Зверево Чернецову доложили, что большевиками захвачена станция Лихая. Есаул отдал приказ погрузить по прибытии в Зверево стоявшую там 4-ю Офицерскую роту и с ней вместе поспешил освобождать Лихую. Приблизившись к станции, батарея юнкеров получила приказ дать несколько залпов по месту предполагаемой дислокации противника. Первые же разрывы снарядов, которые легли неподалеку от красных застав, заставили их немедленно ретироваться, в панике неся с собой весть о подходящем бронепоезде. Большевистский отряд столь спешно стал отступать в сторону Зверева, что по инерции успел дать встречный бой оставленному там офицерскому взводу, вытеснив его далеко за пределы станции. А следом за отступившими красными уже несли эшелон Чернецова, и единственное орудие, оставленное на платформе, было

готово обстрелять дрогнувшие большевистские ряды. Стучат пулеметы, орудие стреляет, красные оставляют Звереву, а на нее снова возвращается поредевший офицерский взвод, героически оборонявший ее до подхода чернецовского эшелона. Тем временем есаулу снова несут донесения с мест. Сообщают, что на станцию Гуково прорвалась какая-то красногвардейская часть, разбить которую Чернецов посылает 1-й Офицерский батальон. Далее есаул совершает быстрый набег на станции Каменская и Северо-Донецкая, в то время как на станции Лихая вновь кипит бой. С запада на оставленный офицерский взвод наступают какие-то красные отряды, но, получив отпор, исчезают в необъятных степных пространствах. На следующий день, соединившись, разрозненные части большевистских отрядов собираются воедино и вновь атакуют Лихую.

4-я Офицерская рота была не в силах сдержать стремительный порыв большевистского наступления, и отступила, не успев вывезти своих раненых офицеров. На помощь истекавшей кровью роте бросился Чернецов со своими партизанами. В едином порыве они выбили красных со станции, однако радость легкой победы была омрачена открывшейся жуткой картиной добитых большевиками раненых офицеров-добровольцев. Пока инициатива оставалась у Чернецова, он решил атаковать следующую станцию под названием Глубокая, но неосведомленность о численности противника сильно подвела есаула, надеявшегося на удачный набег. Его ночная атака быстро выдохлась, а за плечами у легко смятых им большевистских застав оказались многочисленные части красных, принявших бой и заставившие Чернецова и его партизан спешно отступать из Глубокой. Отступление проходило с непрерывным боем; силы чернецовцев постепенно таяли, а враг продолжал свое преследование. К утру в небольшом хуторе, куда отступили партизаны и добровольцы, Чернецов увидел, что ряды

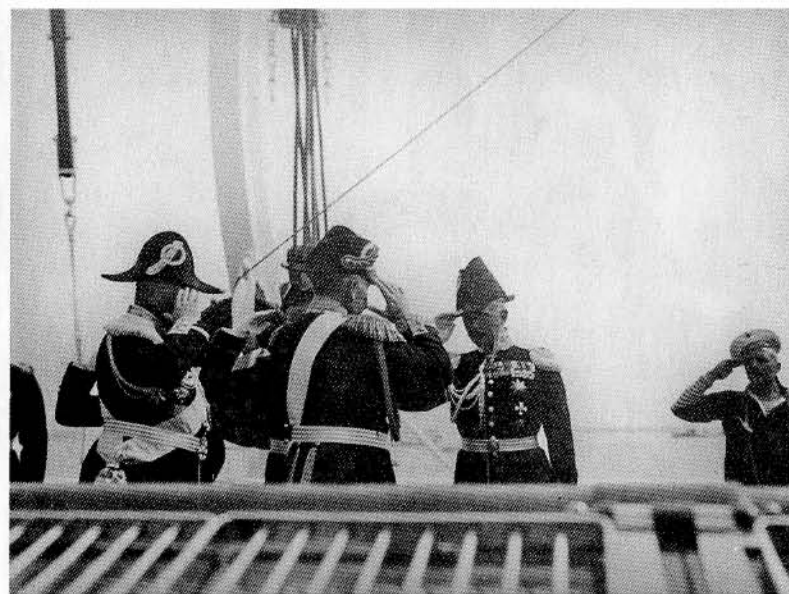
их значительно поредели, и теперь с ним оставалось не более сотни людей. Нужно было срочно уводить их в безопасное место, с тем чтобы по возможности переформировать оставшихся людей, сведя их в более или менее приемлемую по военным меркам боевую единицу, и на рассвете немногочисленные партизаны, офицеры и юнкера под командованием Чернецова тронулись в путь.

Неожиданно дорогу им преградил 27-й Донской казачий полк, на вооружении которого было не менее четырех орудий. Недолго думая, казаки атаковали чернецовский отряд, однако их первые две атаки споткнулись о стойкость защищавшихся. Чернецов скомандовал отход. Остатки его отряда отступали лощинами, оставив свое орудие и пулеметы из-за трудной проходимости здешних дорог, а 27-й полк продолжал свое преследование. Но и без пулеметов отступавшим удалось отбить еще одну атаку, плотным кольцом сомкнувшись вокруг своего командира. Меткими выстрелами юнкера косили налетающих на них казачьих всадников. «Поздравляю вас с производством в прапорщики!» — растроганно прокричал Чернецов своим молодым соратникам.

Бой продолжился, и вот уже более четверти окруженных партизан были выбиты из строя. Ранение получил и сам Чернецов, а кольцо казаков продолжало сужаться. Со стороны Каменской слышались орудийные залпы. Это пыталась помочь окруженным соратникам часть оставленных на станции добровольцев. Войсковой старшина Голубов обратился к Чернецову с предложением выпустить его с остатками отряда, если тот приостановит письменным приказом наступление части партизан, оставленной им на станции Каменская. В знак серьезности своих намерений, Голубов дал «слово офицера» не чинить препятствий чернецовцам, однако выпустить их из окружения с оружием наотрез отказался. Пытаясь сохранить жизни чинов своего

отряда, Чернецов принял предложение Голубова. Партизанское наступление со стороны Каменской приостановилось. Казаки Голубова разоружили окруженных чинов отряда Чернецова и попытались конвоировать их по направлению к станции Глубокая, где уже расположились большевистские части. Сам Голубов, приказав подхорунжему Подтелкову возглавить конвоирование пленных партизан во главе с Чернецовым, отбыл в распоряжение большевиков, опередив колонну с пленными. В отчаянии Чернецов без оружия набрасывается на конвоиров. То же проделывают чины его отряда. Конвой смят, с криками «ура!» чернецовцы разгоняют оставшихся казаков, а подхорунжий Подтелков с размаху рубит шашкой напавшего на него Чернецова. Темная южная ночь позволила части пленных бежать. Другие были настигнуты и зарублены казаками.

Бежавшие пленники глубокой ночью достигли расположения отряда Чернецова, где в его отсутствие командовал заместитель, есаул Роман Григорьевич Лазарев. Бежавший подполковник Миончинский сообщил тому о трагической судьбе отряда и гибели его командира. Ослепленный ненавистью и отчаянием, Лазарев поднял по тревоге свою сотню и 4-ю Офицерскую роту и бросился во главе ее на станцию Глубокая. Рейд Лазарева оказался бесполезным. Казаки Голубова уже разъехались по домам, а красные оставили станцию, погрузившись в вагоны и отбыв в неизвестном направлении. Подобрав своих убитых в степи и на станции, отряд Лазарева вернулся в Каменскую. Следующий день прошел в относительном бездействии. Лишь только усилиями штабс-капитана Александра Альфредовича Шперлинга орудие добровольцев, установленное на платформе и прицепленное к паровозу, делало смелые выезды в сторону расположения большевистских частей на станцию Глубокая, одиночными выстрелами тревожа покой красных.

Русские адмиралы на яхте «Штандарт»

Будни русского военного корабля

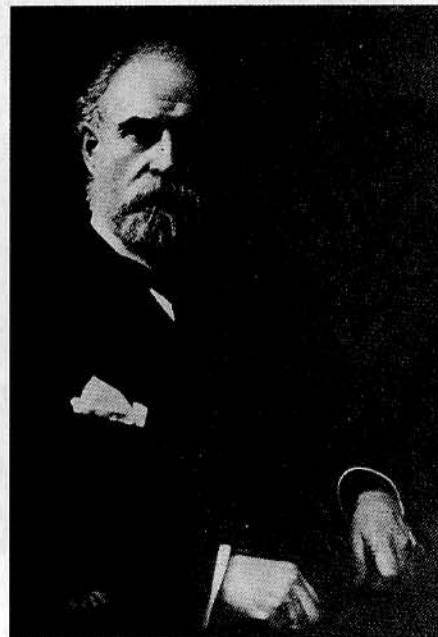
А.В. Колчак

М.В. Алексеев

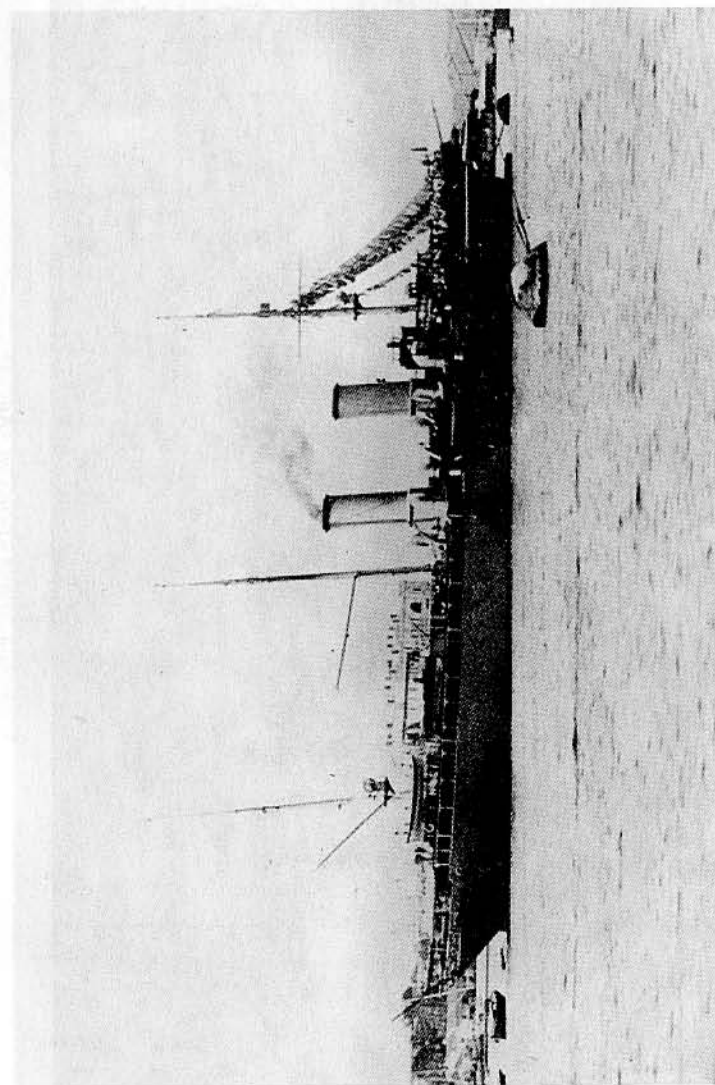
П.Н. Врангель

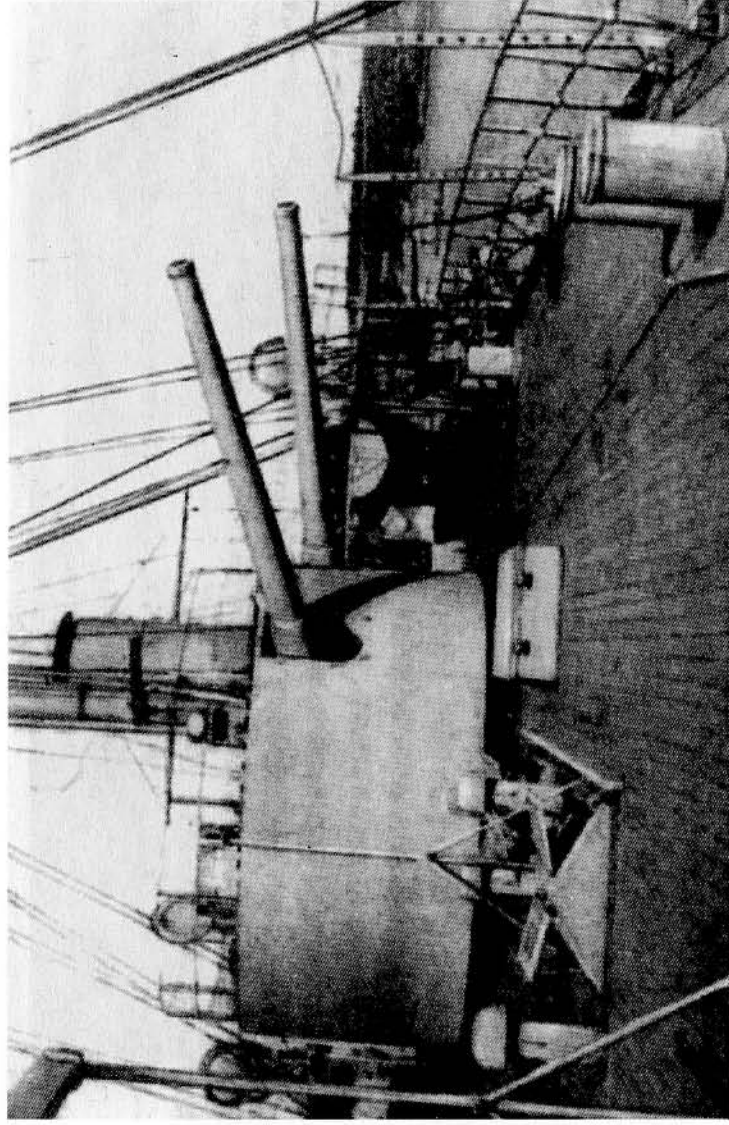
Н.В. Чайковский

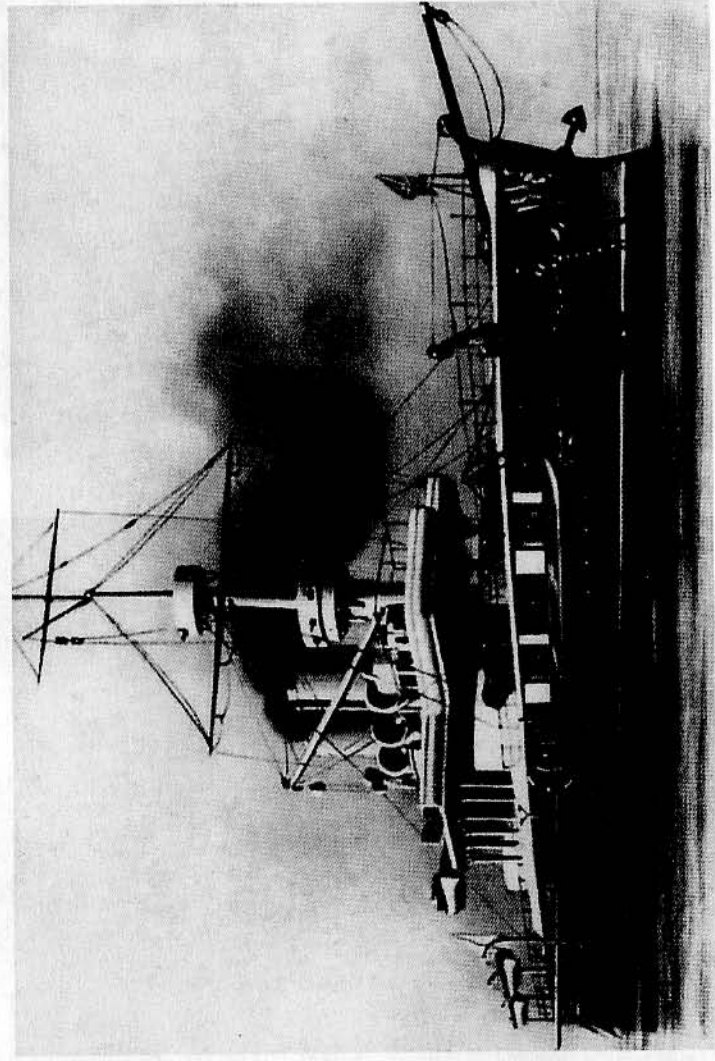
*Капитан 2-го ранга М.А. Кителин,
командир подводной лодки «Тюлень»*

Крейсер «Алмаз»

Кормовая башня крейсера «Касул»

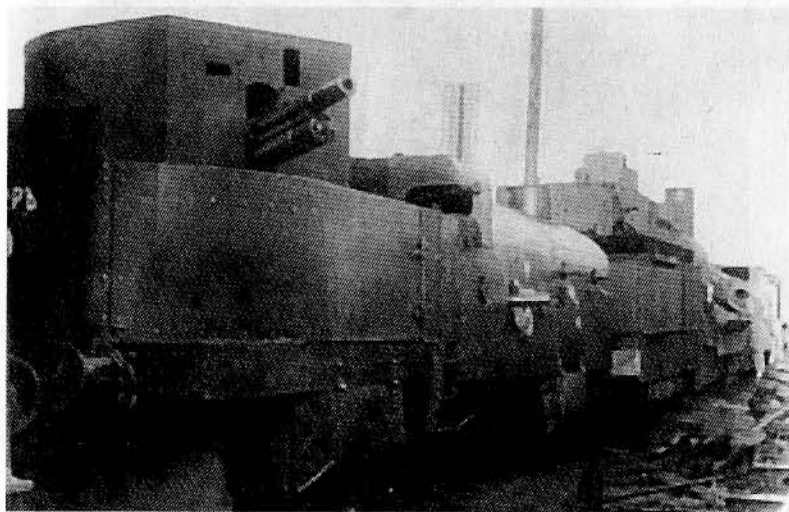

Линкор «Георгий Победоносец»

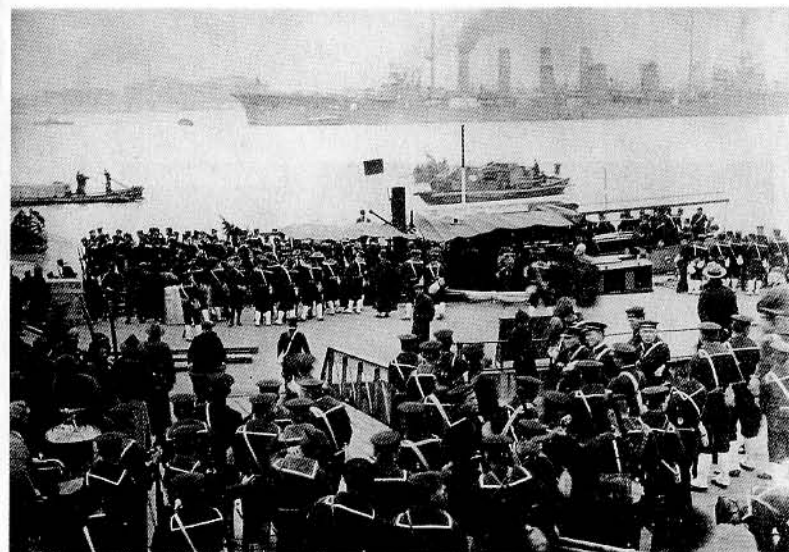

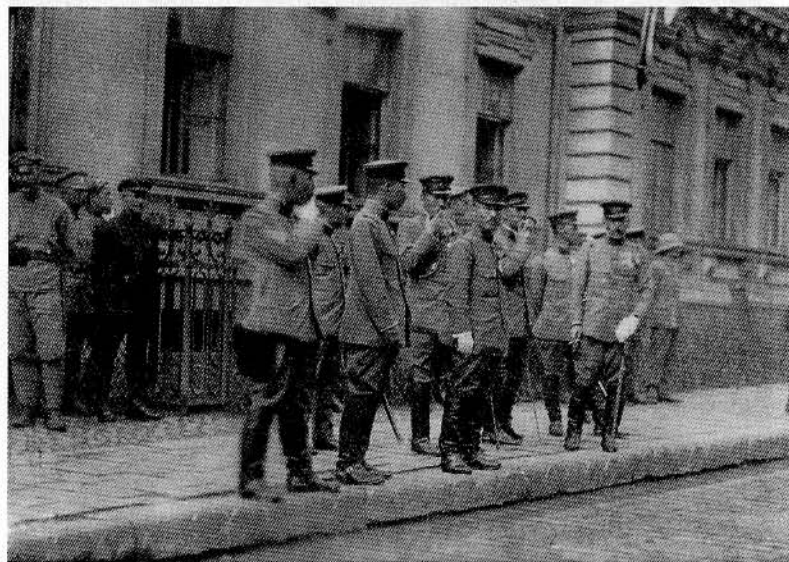
Бронепоезд «Единая Россия»

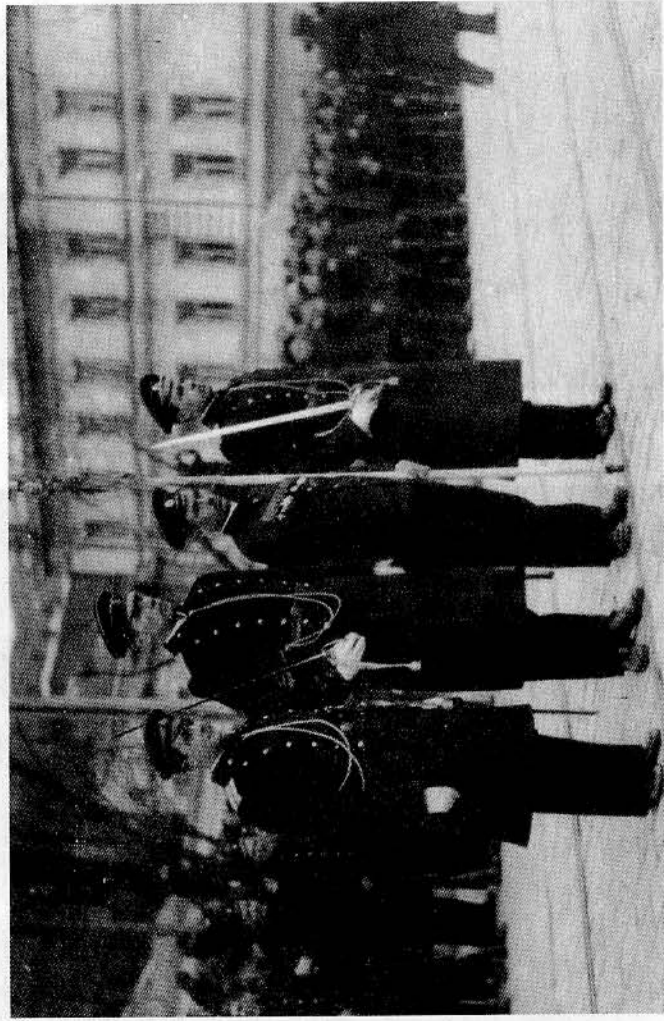
Бронепоезд «Офицер»

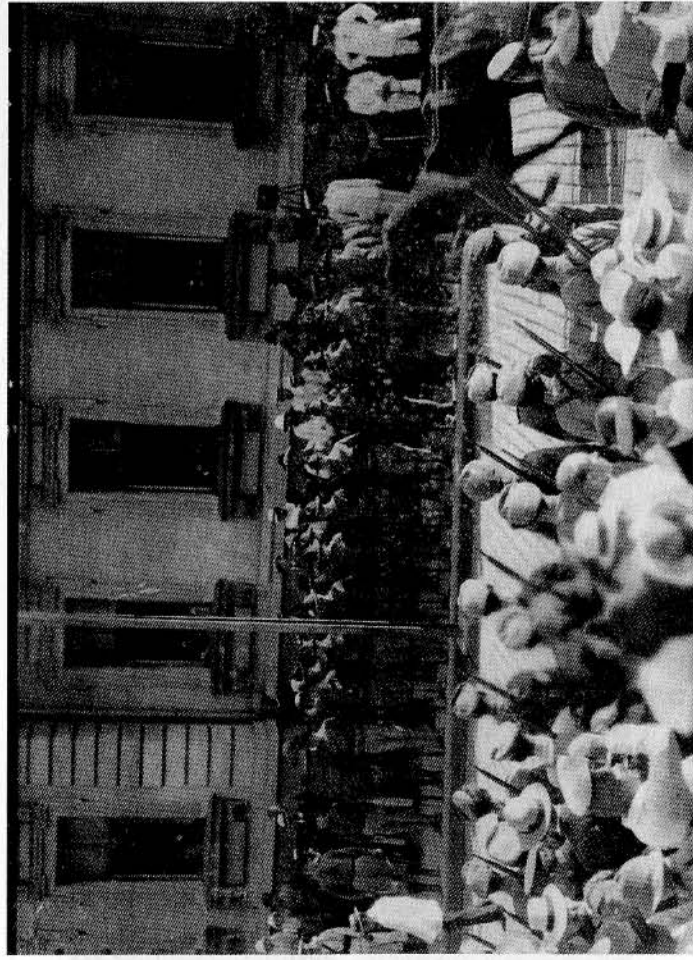
Японские войска в гавани Владивостока

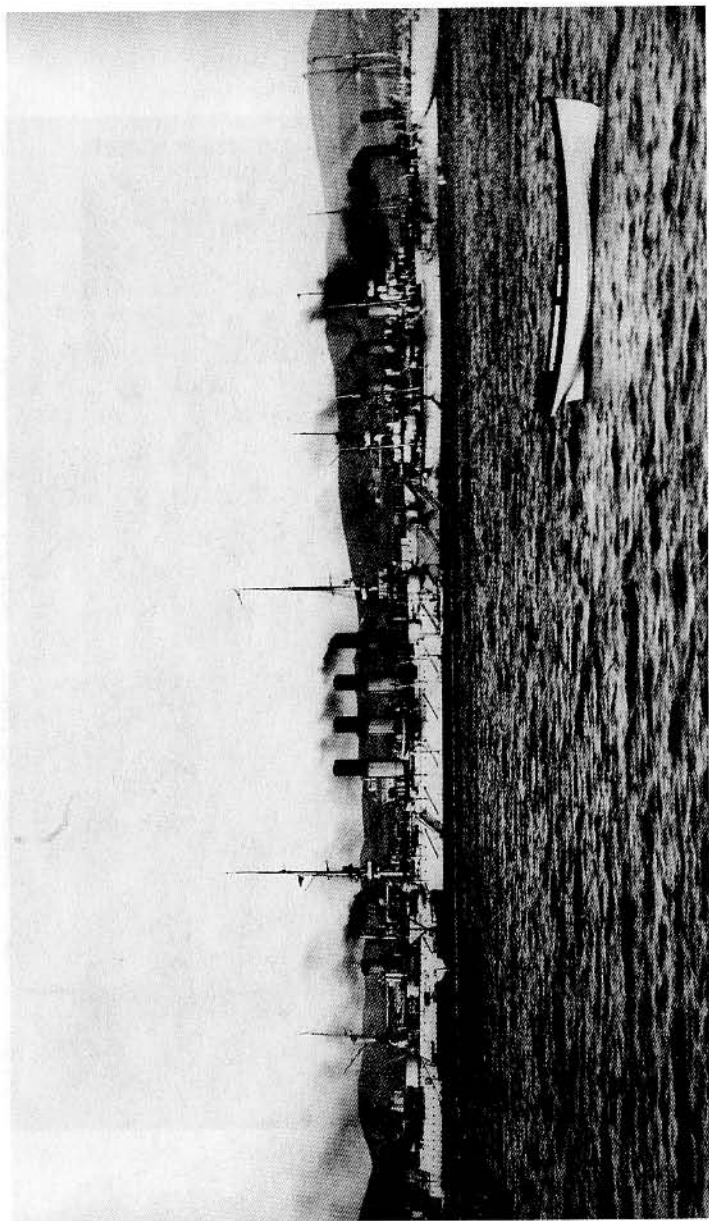
Японские офицеры во Владивостоке. 1921 г.

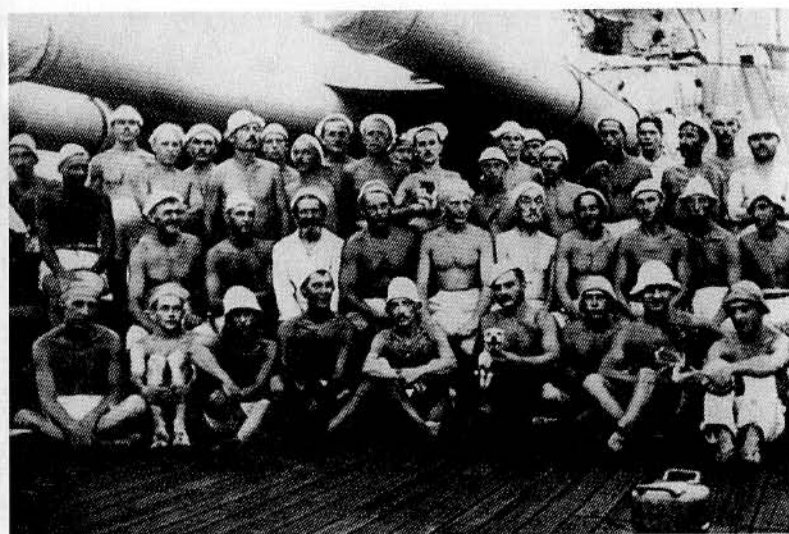
*Морские офицеры на параде во Владивостоке
в 1921 г. (до эвакуации)*

*Русские части и австралийские добровольцы
во Владивостоке в 1921 г.*

Уход русских военных кораблей из Евпатории в 1920 г.

*Команда линкора «Генерал Алексеев»
в Бизерте в 1921 г.*

Памятник русским морякам в Бизерте

Русская православная церковь в Бизерте

Ворота Русской православной церкви в Бизерте

Интерьер Русской православной церкви в Бизерте

Сыновья адмиралов мятежных флотов (слева направо): сын адмирала В. Развозова, сын контр-адмирала Ю. Старка Борис и сын адмирала А. Колчака Ростислав. Париж

Подполковнику Миончинскому донесли, что неподалеку от хутора Гусева, расположившегося рядом с железной дорогой, казаками были оставлены полдюжины орудий с зарядными ящиками, по два на каждое. Тотчас же от Каменской отошел добровольческий поезд, который прикрывало единственное орудие на платформе, следовавшее за составом. И эта мера предосторожности, как выяснилось, была не лишней. Со стороны станции Глубокой появилась точно же такая же платформа, на которой большевики также установили орудие, быстро переняв эту идею у белых. Прогремели первые выстрелы, и началась самая настоящая орудийная дуэль. В дыму разрывов и в полосе пыли и копоти добровольцы стали производить погрузку орудий и боеприпасов в свой состав. Видя, что стрельба одного орудия не в силах замедлить погрузки, большевики быстро сняли его с платформы, а саму ее, нагружив камнями, разогнали при помощи маневренного паровоза и пустили по направлению платформы, с которой продолжало стрелять орудие Шперлинга. Через несколько мгновений платформы столкнулись и орудие белых на время замолкло: платформа сошла с рельс, и теперь беспомощно осталась лежать в придорожной канаве. Красные не предпринимали новых атак, и поезд с добровольцами, груженный трофеями, медленно тронулся назад, а юнкера батареи Шперлинга, быстро поставив платформу на рельсы, вновь водрузили на нее орудие и приготовились прикрывать отход товарищей. Минувя Каменскую, состав с юнкерами-артиллеристами во главе с подполковником Дмитрием Тимофеевичем Миончинским проследовал в сторону Новочеркасска для формирования новой батареи. Еще несколько дней продолжалась борьба между охранявшими станцию Лихая добровольцами и партизанами Чернецова и накатывающими на них лавинами красновардейских отрядов.

Глава девятая

БОРЬБА РАЗГОРАЕТСЯ

За неполные три январские недели между добровольческими отрядами и красными прошло 16 боев, в ходе которых добровольческие и чернецовские отряды несли потери в людской силе, но благодаря усилиям командиров, выдвинувшихся за время этой кампании, не слишком большие. Потери могли бы быть много большими, не окажись во главе первых добровольческих отрядов полковника Морозова, командира стойкой 4-й роты, а также офицеров-артиллеристов Миончинского и Шперлинга.

В Новочеркасске Дмитрию Тимофеевичу пришлось сразу же заняться формированием четырех орудийной батареи, которая была собрана буквально по крупицам, учитывая нехватку артиллеристов, и направлена командованием в Ростов. Тем временем батарее удалось «догнать» на волах со станции боевое орудие Шперлинга. Его с трудом притащили оставшиеся в живых юнкера-артиллеристы, которые присоединились к батарее, следующей в Ростов. Тем временем есаул Лазарев просил новой поддержки у командования добровольцев, на этот раз для обеспечения тыла отряда, по-прежнему называвшегося «отрядом Чернецова». Большевики продолжили свое наступление с западного направления, от станции Гуково, угрожая тылу донских партизан. От 1-го Офицерского батальона был командирован взвод на узловую станцию Зверево. С ходу офицерский взвод атаковал красных и, бросившись в контратаку, захватил станцию. В этой контратаке взвод потерял одного офицера. Однако радость от столь скорой победы была преждевременной. Со станции Гуково, по сведениям разведчиков-добровольцев, в любую минуту можно было ожидать наступления больших сил противника.

Об этом было передано в Новочеркассск, откуда на помощь взводу решено было отправить весь 1-й Офицерский батальон. С первого раза погрузка в поезд и отправка на станцию Зверево не удалась — обслуга паровоза — машинист и его помощник, поспешили ретироваться в неизвестном направлении. Из рядов 1-го Офицерского батальона выдвинулись два человека, имевшие некоторое представление об управлении железнодорожным транспортом. После нескольких попыток запустить паровоз, состав, наконец, дернуло, и вот медленно, а затем все быстрее и быстрее он тронулся в сторону Зверево. В едином порыве достичь станции назначения как можно скорее офицеры разогнали паровоз до невероятной по тем временам скорости и за 66 минут покрыли расстояние в 95 верст, сделав лишь одномоментную остановку на промежуточной станции Сулин. Прибыв на станцию Зверево, батальон выгрузился и выставил охранение. Отделение офицеров было направлено проверить станционные пакгаузы, в которых вскоре были обнаружены полушубки, взрывчатка в виде пластин и даже два скорострельных пулемета Леха.

На утреннем совещании командир батальона решил произвести ночной налет на станцию Гуково и попытаться захватить ее, воспользовавшись эффектом внезапности. Задача была поручена 2-й роте. В три часа пополудни 19 января 1918 года рота во главе со штабс-капитаном Добронравовым выступила со станции Каменская под прикрытием сильно разыгравшейся метели и вскоре исчезла в непроницаемом снежном тумане. Через три часа после ухода роты выяснилось, что неизвестным предателем было отбито сообщение на станцию Гуково о выдвижении белого отряда. Довольно скоро выяснилось, что им оказался местный телеграфист, которого немедленно расстреляли. Следом за отрядом штабс-капитана Добро-

нравова были посланы юнкера с приказом, отменявшим ночную атаку, но было поздно. Рота как сквозь землю провалилась. После нескольких часов томительного ожидания на станцию Каменская вернулись семь офицеров, рассказавших о том, что при подходе к Гуково рота оказалась в ловушке, так как была окружена во всех сторон. Большевики не жалели пуль, и почти две трети роты осталось лежать в заснеженной степи. Добронравов приказал отходить, но сам был ранен. В метельной круговерти, отстреливаясь, отдельные офицеры пытались вынести своего командира с поля боя, но тот, бранясь, приказал им оставить себя и немедленно отходить. 28 человек, включая самого командира роты, погибли. Среди офицеров прошел глухой ропот: как можно было направить одну роту с подобным приказом, если численность противника, по сведениям, многократно превосходила численность всех вместе взятых добровольцев офицерского батальона и партизан Чернецова!

Утром 20 января полковник Борисов, командир батальона, получил известия, что в Гуково сосредоточились силы большевиков в количестве 2000 человек. Он по-прежнему не отказывался от идеи ночной атаки на противника, несмотря на гибель роты Добронравова. Борисов распорядился направить в новый ночной поход часть батальона, в количестве 94 человек с одним пулеметом Леха, с приказом: молниеносным броском захватить станцию и сокрушить большевистские силы. Командовать новым отрядом был назначен подполковник Плохинский. Ночью отряд покинул Каменскую и в сильный мороз отправился на захват станции. Около трех часов ночи отряд тихо подошел к станции и начал развертываться в боевой порядок. Высланный вперед офицерский дозор наткнулся на полусонного часового, чей истошный крик ужаса послужил началом атаки. Застава большевиков была быстро опрокинута,

сам подполковник Плохинский бросился на большевистского пулеметчика, метнувшегося к оружию, и заколол его штыком. Другой красногвардеец тут же упал от удара штыком ворвавшегося на позицию заставы следом за командиром отряда штабс-капитаном Згривцом. Большевики, не ожидавшие повторения ночной атаки, спокойно ночевали в поселке при станции и в трех составах, стоявших на станции. После криков и первых раздавшихся выстрелов большевики стали выскакивать из вагонов, на ходу пытались отстреливаться, но отряд Плохинского уже захватил станцию. Очевидец событий писал, что всего в несколько минут весь перрон Гуково был усеян телами застреленных большевиков. В панике красные разбежались, пытались спастись в двухэтажном вокзальном здании или забиться в вагоны, но тщетно. Меткие выстрелы офицеров косили их наповал. Некоторые большевики стреляли из окон привокзального здания, но ответный огонь с перрона загнал их внутрь, куда уже ворвались неистовые добровольцы со штыками наперевес. В короткой жестокой схватке почти все они были заколоты.

На перроне продолжали греметь выстрелы. Один из эшелонов, с набившимися в него большевиками, быстро отходит по свободному пути. Рядом с ним бегут офицеры, стреляя в двери теплушек на ходу. В дверном проеме одного из вагонов появляется большевик, в спешке срывающий кольцо гранаты; граната выскальзывает из его руки и падает на пол вагона. Крики ужаса, за которыми следует взрыв, и вагон на мгновение озаряется бело-желтым пламенем. Щепки, вагонное стекло и осколки гранат летят во все стороны. Поезд набирает путь и быстро удаляется от преследовавших его офицеров, еще некоторое время стрелявших ему вслед. Входящая в тыл станции Донская офицерская дружина дала несколько залпов по вырвавшемуся поезду, умножив потери большевиков. Два других состава застряли на стан-

ции. Ворвавшиеся на их паровозы офицеры ссадили машинистов и остановили готовые отойти составы. Красные начали сдаваться, поднимая руки и выходя из вагонов. Офицерский батальон потерял семь человек убитыми и 20 ранеными — четверть всего его состава. На станции было захвачено 13 пулеметов и неподдающееся учету количество патронов, а также довольно много винтовок. В эшелонах было найдено большое количество продовольствия: сахар, рис, сухофрукты. Там же располагались и походные кухни с уже готовой пищей, за которую принялись усталые и замерзшие добровольцы. Из допроса пленных красногвардейцев постепенно выяснилось место, где были зарыты погибшие накануне офицеры 2-й роты штабс-капитана Добронравова. Посланные с проверкой на место захоронений юнкера вернулись взволнованные и подавленные: тела погибших офицеров были найдены в ужасном виде, что подтверждало нечеловеческие пытки, которым они подверглись со стороны захвативших их большевиков. Судя по всему, сам раненый штабс-капитан Добронравов был закопан в землю еще живым. Это известие привело подполковника Плохинского в неопишемую ярость. Он приказал расстрелять всех захваченных пленных без исключения.

После этого станция Гуково была передана под контроль Донской офицерской дружины, основу которой составляли отнюдь не только офицеры, но и казаки преклонного возраста, а также донская учащаяся молодежь. Подполковник Плохинский скомандовал остаткам батальона грузить убитых и раненых вместе с трофеями на один из поездов и двинуться в сторону станции Каменская. У станции Зверево в эшелон сели оставшиеся бойцы Офицерского батальона во главе с полковником Борисовым, и добровольцы двинулись назад, в Новочеркасск, где их ждало новое назначение — в Ростов. На вокзале в Новочеркасске были выгружены тела погибших офицеров и юнкеров для

отдания им последних почестей, без промедления офицерский эшелон отправился в Ростов.

Заканчивался январь, и генерал Корнилов планировал завершить формирование своей армии. Некоторая поспешность в сборе сил диктовалась тревожными данными о готовящемся наступлении крупной группировки красных под командованием бывшего штаб-офицера Императорской армии Сиверса. Сам Корнилов планировал передоверить оборону Новочеркасска Донской армии, сосредоточившись на укреплении своей линии обороны Ростов—Таганрог. Отток добровольческих сил из Новочеркасска, казалось бы, должен был побудить правительство Дона задуматься о необходимости обороны казачьей столицы, однако никаких действий со стороны донцов не наблюдалось. На заседаниях, длинных и монотонных, робкие предложения одуматься и заняться организацией обороны области Всевеликого Войска Донского тонули в бесконечных речах и демагогии ораторов, не сознававших, а возможно и не желавших даже мысленно заглянуть в завтрашний день. По меткому замечанию Антона Ивановича Деникина, большевизм в те дни «начал проявляться в области обычными своими признаками: отрицанием краевой власти, упразднением станичной администрации и заменой ее советами, насилиями над офицерами, зажиточными казаками и буржуями, разбоями, социализациями, реквизициями и т.д.».

Впрочем, на фоне пассивного гражданского сопротивления грядущей большевистской власти в Ростове находилось немало авантюристов. Они пытались сыграть на чувствах начальства Добровольческой армии, отчаявшейся получить новых бойцов в свои ряды. Деникин вспоминал, что «Назревала мистификация и в более широком масштабе: из Екатеринодара приехал некто хан-Девлет-Гирей с предложением “поднять черкесский народ”, для чего потребовался аванс в 750 тыс. рублей и до 9 тыс. ружей. Толь-

ко пустая армейская казна остановила этот странный опыт, так неудачно повторенный впоследствии».

29 января 1918 года на совещании Донского правительства выступил Алексей Максимович Каледин. Нарисовав довольно безотрадную картину царящего вокруг саботажа и преступного бездействия как среди населения, так и среди донского чиновничества, в пучине которого тонули многие замечательные оборонные и политические атаманские инициативы, Каледин печально завершил свою речь: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но и настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войскового атамана я слагаю...» Выступление Каледина вызвало бурю возмущения среди членов правительства. Они упрекали его в предательстве казачьих интересов в непростое время, в умывании рук. Члены правительства продолжали подавать реплики с мест, прибегая к туманным метафорам, и их долгие, лишённые здравого смысла, монологи вывели, наконец, Каледина из себя. «Господа! — воскликнул он — Короче говорите. Время не ждёт. Ведь от болтовни Россия погибла!» И снова его призыв не возымел ровным счетом никакого действия на «заговорившееся» правительство. Бессмысленные монологи продолжились. Возвратившись с заседания правительства, Каледин написал письмо, и, затворившись в своей комнате, прилег на диван. Он поднес к виску пистолет и указательным пальцем нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел. Донской атаман Митрофан Петрович Богаевский отмечал в своих воспоминаниях: «застрелился... лежа на кровати, сняв тужурку и Георгиевский крест. Смерть, очевидно, была легкая. Успел и руки сложить. Так и лежал со скрещенными руками и вытянувшись во фронт».

Глава десятая

НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ

Собравшийся после смерти Каледина 4 февраля 1918 года Донской войсковой круг постановил организовать оборону Дона от большевиков, а еще избрал Войсковым атаманом генерал-майора Анатолия Михайловича Назарова, состоявшего некогда при Каледине Походным атаманом. Он сразу же объявил всеобщую мобилизацию, сознавая, что Новочеркасск был отрезан от Войска Донского. Но на призыв Назарова в город пришло лишь несколько небольших отрядов. Не могли подойти и добровольцы, и командование Добровольческой армии сокрушалось, что не сумело направить даже нескольких человек для выставления почётного караула у гроба Каледина. В течение нескольких часов караул несли лишь часовые из партизанского отряда сотника Грекова, верного своему атаману и после его смерти. Прибывшие казачьи отряды, увидев в Новочеркасске полную дезорганизацию управления, упадок боевого духа и, если угодно, безвластие, постепенно стали покидать город, возвращаясь в свои станицы. Прошло более полутора месяцев после гибели Каледина, прежде чем донское казачество решило восстать против большевизма. Антибольшевистское восстание началось с Урюпинской станицы, на севере Дона, но только 1-го апреля 1918 года казаки станиц Кривянской, Заплавской, Бесергеновской и Раздорской произвели налет на Новочеркасск, занятый к тому времени большевиками, однако уже 4 апреля были вынуждены покинуть город, теснимые превосходившими их силами красных.

Считается, что выстрел Каледина пробудил казачество и стал прологом к его последующей борьбе с большевизмом, однако и это, при ближайшем рассмотрении, оказывается

не совсем точным заключением. Самоубийство атамана было воспринято многими его земляками как отказ от дальнейшей борьбы и сопротивления донских казаков. Атаман Назаров попытался пробудить искру энтузиазма, распорядившись напечатать значительное количество листовок-призывов, пестревших призывами: «Помогите партизанам!», «Спасите честь Родины и старого Дона! Пушки гремят уже под Сулиным!», однако они не находили отклика в казачьих городах и станицах. Население равнодушно продолжало свою будничную жизнь, словно не замечая царящего вокруг политического хаоса. Корнилов не решался оставить Ростов, хотя и понимал, что к уличным боям его армия пока не готова. Кроме того, на оставление города требовалось и согласие атамана, бросить которого на произвол судьбы Корнилов не мог и не желал. Работа по подготовке Добровольческой армии к походу шла день и ночь. Генерал Алексеев стремился обеспечить добровольцев всем необходимым и, прежде всего, создать прочную финансовую основу, без которой любое благое начинание могло обернуться любительским спектаклем. Ростовская «буржуазия» неохотно выделила средства в количестве 2 млн рублей, при одном условии: издать приказ от имени командования добровольцев о принудительной сдаче денег, для того чтобы потом оправдаться перед большевиками.

Глава одиннадцатая

ВОЗЖИГАНИЕ СВЕТОЧА

5 февраля 1918 года в связи с принятым решением об отходе добровольцев из Ростова 1-му Офицерскому батальону была поручена эвакуация золота из Ростовского банка на вокзал, для дальнейшей отправки его в Новочеркасск

Донскому правительству. Миссия по изъятию золотого запаса Ростовского банка была возложена на штабс-капитана Крыжановского, оказавшегося в тот день начальником караула. Восемьдесят мешков с золотым песком, по пуду в каждом, были выданы на руки по два на человека. С этим драгоценным грузом, идя с интервалами 15 минут между каждым офицером, выходившим из банка, чтобы не привлечь постороннего внимания, добровольцы потянулись к вокзалу. После золота грузили серебро в ящиках. Эвакуация прошла быстро и на редкость эффективно, к вящему изумлению банковского чиновника, принимавшего ценности на вокзале. Ценности были перевезены в Новочеркасск и переданы членам Донского правительства. Однако когда в город вошли красные, Донской отряд, отступая, не успел захватить их с собой, а правительство равнодушно оставило их большевикам, разойдясь по домам и де факто признав над собой большевистскую власть.

Еще до исхода Добровольцев из Ростова командованием армии была предпринята последняя попытка привлечь ростовское офицерство в свои ряды. Было назначено общее собрание офицеров, о котором штаб Добровольческой армии постарался довольно широко оповестить всех военнослужащих города. Несмотря на значительное количество кадровых офицеров, проживавших в то время в Ростове, на собрание явилось лишь 200 человек. Устроителям собрания бросилось в глаза и то, что далеко не все офицеры прибыли на него, одетые по форме. Часть тех, кто считал себя русскими офицерами, пришла в штатском, а некоторые были одеты подчеркнуто «под пролетариев», в картузы и бушлаты, какие-то поношенные пальто и дырявые полушубки. Уже у регистрационной стойки многие из офицеров-«пролетариев» стали возмущаться самым фактом созыва их на собрание. В ответ на это устроители отвечали, что хотели зарегистрировать участников собрания,

рассказать им о целях и задачах созданной Добровольческой армии, однако возмущение электрической искрой уже пробежало по толпе прибывших. Начались выкрики о нелепости самой затеи организации Добровольческой армии, о том, что ни один из присутствовавших не пожелал бы вступить в ее ряды ради защиты чести отдельных генералов. Сказывалось отвращающее воздействие пьянящей атмосферы вседозволенности, появившейся в армии с конца 1916 года и достигшее своего апогея к марту 1917 года.

Накричавшись вволю, часть офицеров стала расходиться поодиночке, стараясь не попадаться на глаза случайным прохожим и поскорее исчезнуть в недрах большого города. Однако часть пришедших офицеров осталась и попросила записать их в ряды Добровольческой армии. Поведение части недобросовестного офицерства вызвало бурю возмущения у чинов 1-го Офицерского батальона. Полковником Борисовым был инициирован известный ультиматум, предъявленный офицерами-добровольцами оставшемуся в городе «неприкаянному» офицерству и опубликованный в ростовских газетах. Текст его гласил: «Вам объявляет 1-й Офицерский батальон: кто не с нами, тот против нас. В трехдневный срок предлагаем всем офицерам, находящимся в Ростове, или вступить в ряды армии, или покинуть Ростов». Ультиматум возымел должное действие. Часть офицерства стала покидать город, споров погоны и сняв с головных уборов кокарды. Кто-то подавался на север, в сторону большевиков, чтобы разведать возможности службы у них, а часть постаралась исчезнуть и растаять, прячась по частным ростовским квартирам. В добровольческом регистрационном бюро оказалось лишь несколько десятков офицеров.

«...Ну, вольному — воля, спасенному — рай и... к чертовой матери их! Мы без них не пропадем, а им плохо придется», — констатировал Сергей Леонидович Марков, наблюдая картину офицерского исхода. Командование арми-

ей назначило его начальником обороны города Ростова с южной стороны. Так в течение трех дней Ростов был более или менее очищен от потенциальных предателей. Оставшиеся и поступившие в армию офицеры удостоились уважительного упоминания Деникиным в своих очерках: «Сколько мужества, терпения и веры должны были иметь те “безумцы”, которые шли в армию, невзирая на все тяжкие условия ее зарождения и существования!»

В ночь на 2 февраля 1918 года красные начали наступление со стороны Батайска, однако ценой немалых усилий весь добровольческий Батайский отряд был благополучно выведен из-под удара и спасен, правда, не без потерь. Юнкерская артиллерийская батарея продолжала успешно отражать атаки большевиков, причем сам генерал Марков находился в это время вместе с юнкерами, что укрепляло их дух. В ночь на 3 февраля 1918 года Марков лично отвел Юнкерский батальон на новые позиции, расположенные еще ближе к Ростову. Здесь юнкерам-артиллеристам было приказано спустить орудия с железнодорожных платформ и установить их уже на новых позициях. Марков сам помогал в разгрузке и установке орудий, невзирая на пронизывающий ветер и час от часу падающую температуру воздуха. Спасения от холодов не было почти никакого. Часть юнкеров коротала ночи в речных барках или железнодорожных будках, но подавляющее большинство их оставалось в заснеженных окопах. Потери были не только и не столько от ранений, сколько от невыносимых холодов. Появились первые обмороженные и простудившиеся.

Марков решил произвести смену на позициях. Для этого он вызвал 2-й Офицерский батальон под командованием полковника Лаврентьева, состоявший из двух рот, которыми командовали полковники Семенов и Зудилин. Офицерам выдали по 150 патронов и по одному пулемету системы Льюис на роту. Марков обратился к прибывшим офицерам

со словами: «...я призвал вас сюда, чтобы сменить юнкеров; они не втянуты в боевую жизнь, им тяжело, да еще в такую погоду. По другую сторону моста стоят 5000 человек большевистской сволочи. Уверен, что вы с ними справитесь и удержите позиции. Полковник Лаврентьев, приступите к смене!» Все последующие дни с 5 по 8 февраля 1918 года офицеры 2-го Офицерского батальона отбивали ежедневные попытки наступления большевиков. На помощь им был командирован артиллерийский взвод, поддерживавший их в трудные моменты своим метким огнем. Стрельба по движущимся большевикам на открытой местности как нельзя лучше облегчала им эту задачу.

7 февраля 1918 года донской атаман генерал-майор Назаров информировал Корнилова, что не смеет более задерживать Добровольческую армию для удержания Ростова. Корнилов не возражал. В течение ближайших двух дней было необходимо произвести последние приготовления к выходу армии из города и отвести ее в иную местность для расквартирования и размышления о дальнейших ее действиях. В штабе Корнилова предполагался уход всей армии на Кубань, вдоль Владикавказской железной дороги, однако в складывавшихся обстоятельствах тотальной большевистской блокады всех железных дорог вокруг Ростова такой план казался трудновыполнимым. Одним из путей по-прежнему оставался исход в восточном направлении, в степь, форсируя Дон возле станицы Аксайской. Необходимо было так довести эти планы до армии, чтобы не посеять ненужную панику или подавленность из-за «бессмысленности ухода», не допустить чувства поражения или бегства от красных.

Противник тем временем продолжал наступление, прорвав оборону добровольцев у станицы Хопры. Отряд Александра Николаевича Черепова оказался под угрозой окружения. Казаки близлежащей станицы Гниловская, увидев тяжесть положения, решили разойтись по домам в надежде, что

большевики не тронут тех, кто не противостоит им. Для поддержки Черепова была выслана незаменимая Морская рота. Красные продолжали наступать и на следующий день, 8 февраля 1918 года, но их быстрое поначалу продвижение теряло свои темпы из-за успешного противостояния добровольцев.

В Ростове из находившихся там чехов и словаков, обретающихся в плену еще со времен Первой мировой войны, капитаном Немечиком был сформирован Чехословацкий батальон, а 35 пленных галичан добровольно вошли в Русско-галицкий взвод. Штаб Маркова располагался на вокзале. В течение всего дня 9 февраля штаб руководил обороной города. Вместе с тем, ввиду ясной перспективы оставления города, в нем разрабатывались меры по разведению железнодорожного моста, выслан ледокол для ломки донского льда, готовились к взрыву железнодорожное полотно, идущее из Батайска, и небольшой железнодорожный мост. С темнотой подрывная команда добровольцев заложила заряды и произвела намеченные взрывы. С рассвета 9 февраля 1918 года на всех подступах к Ростову шел бой, гудела артиллерийская канонада. Оборона города агонизировала. Жители прятались по домам, улицы Ростова быстро опустели. Только на вокзале возле штаба Добровольческой армии продолжала, как ни в чем не бывало, свою работу столовая. Пришедшие с позиций добровольцы заходили в нее подкрепить таявшие силы. Обслуживающие столовую дамы с состраданием смотрели на приходящих и нередко даже упрасивали их остаться и спрятаться, спороть погоны, чтобы не попасть в поле зрения большевистских соглядатаев. Их сердечно благодарили за пищу и... снова уходили в бой.

В воспоминаниях участников тех боев сохранился любопытный эпизод, произошедший во время боя у Темерника. К одной из добровольческих рот, сдерживавших натиск противника, присоединился огромного роста старик с бе-

лой седой бородой, наступавший вместе с цепью на красных. Время от времени он вскидывал винтовку, долго целился и затем прикладывал ладонь к глазам, будто проверяя меткость произведенного им выстрела. В те моменты, когда цепь залегала под ответным огнем большевиков, старик, презрев опасность, продолжал стоять во весь свой богатырский рост, временами так же вскидывая винтовку, прицеливаясь и присматриваясь к результату своего выстрела. Для добровольцев в цепи, людей военных и многое повидавших, была восхитительна неуязвимость этого нового соратника и его хладнокровие под градом большевистских пуль, однако в конце концов одна из них поразила этого седебородого героя. Старик упал навзничь и остался лежать недвижим на заснеженной земле, прижимая винтовку к груди.

Стрельба не утихла и к вечеру, а казалось, даже разгорелась с новой силой. По стенам городских зданий то и дело шелкали пули, взметая кирпичную крошку. Небо над Темерником озарилось заревом пожаров. Горели склады, подожженные попавшими в них большевистскими снарядами. Красная пехота продолжала приближаться к позициям добровольцев. В роты были разсланы разведчики с приказом из штаба Маркова об отходе к вокзалу. Вслед отходящим добровольцам яростно били пулеметные очереди. Три роты 1-го Офицерского батальона находились в районе вокзала, обеспечивая работу штаба и охранение по периметру вокзальной площади. Иногда, чаще с крыш близлежащих домов, по офицерам раздавались одиночные выстрелы — в городе поднимали голову подпольщики и сочувствующие. В направлении выстрелов уходили офицерские патрули. Пойманных с оружием в руках горожан, не щадя, вели к ближайшей стенке. С первыми сумерками проскакала в тыл 2-я артиллерийская батарея. За ней прошла Корниловская рота, а потом отряд сотника Грекова. Вскоре за партизанами отошла Морская рота с единствен-

ным бронеавтомобилем. 3-я рота Офицерского батальона продолжает сдерживать красных, лежа на заснеженном поле. Приказ об ее отходе в роту привез лично есаул Лазарев, сообщивший, что не в силах сдерживать наступления красных и принужден отходить в тыл.

В этот момент началась красногвардейская атака. Офицеры, сгруппировавшись, дали мощный отпор, и атака большевиков захлебнулась. И все же отход был неминуем. По немногочисленным офицерам роты и отходившим партизанам Лазарева был открыт шквальный орудийный огонь, в минуты перепавший позиции, с которых они едва успели сняться. Отход по рабочим кварталам был труден. Из домов по отходившим частям беспрестанно шелкали выстрелы. Так ростовские рабочие провожали добровольцев. Цепи роты огрызались ответным огнем, но нужно было спешить. По пятам за ними в Темерник вбегали красные, отчаянно паля вслед отступавшим. Погасли огни в домах и на железной дороге. Столовая при вокзале опустела. Разными дорогами небольшие подразделения Добровольческой армии покидали город.

Глава двенадцатая

ЛЕДЯНОЙ ПУТЬ

3-й Офицерский батальон получил приказание оставаться в Нахичевани и сдерживать противника впредь до получения другого приказа из штаба армии. Приказ пришел вечером, однако налетевшие красные попытались атаковать снимавшийся с позиций батальон. Они были встречены огнем Гвардейской роты, задержавшей и опрокинувшей их на железнодорожных путях. Гвардейцы потеряли в этой стычке 16 человек убитыми и ранеными.

2-й Офицерский батальон, расположившийся за Доном у станицы Заречная, отбивавший большевистские атаки в течение всего дня, приостановил их продвижение со стороны Батайска и полностью остановил наступление красных со стороны станицы Гниловская, где они оказались, перейдя по льду Дон. Ночью батальон получил приказ двигаться по левому берегу Дона в сторону станицы Ольгинская.

Командование Добровольческой армии наметило станицу Аксайскую местом сбора всей армии, выходящей из города. С запада станица была надежно прикрыта партизанским отрядом имени Корнилова и несколькими другими мелкими отрядами, которым помогало оружие, обслуживаемое юнкерами 1-й батареи. Утром 10 февраля из Аксайской должна была начаться переправа через Дон. Заблаговременно от станицы отошел эшелон, тяжело груженный боеприпасами и воинским имуществом. Следом за эшелоном походным порядком отбыла Техническая рота и Ударный дивизион, в чьи задачи входило наладить переправу через Дон и подготовить все для успешного ухода армии в степные пространства за рекой. Ушли в станицу и пять орудий из батареи подполковника Миончинского.

Итак, Ростов оставляла Добровольческая армия. Большевистские историки нередко указывали на то, что их противник был обращен в беспорядочное бегство, хотя и считали отход частью четкого маневра. И то, и другое утверждение является, по сути, беспочвенным, ибо цель исхода, направление движения Добровольческой армии, как это ни странно, не были четко обозначенными и едва ли хорошо известны ее командующим. Наиболее вероятно предположить, что впереди им ясно рисовалась зима в степях с ее морозами и внезапными оттепелями, бездорожьем, как следствием таких погодных перепадов. Вождям добровольцев было вполне очевидно и то, что враг не оставит армию в покое до ее полного уничтожения. А это значит, что впе-

реди ее ждет преследование, переходы от одного населенного пункта к другому для кратковременных передышек, возможно, что и жестокие арьергардные бои. Силы армии не были на исходе, но ее обозы наполняли сотни больных, раненых, прикованных к постели бойцов. И для них поход в замерзшую степь станет еще более изнурительным и тяжелым. Оставить их добровольцы не могли хотя бы потому, что со вступлением большевиков в город им всем грозила мучительная смерть. Впрочем, среди мирных жителей Ростова и его армянского предместья Нахичевани нашлись человеколюбивые и милосердные люди, взявшие некоторых из раненых и больных добровольцев, чтобы с немалым для себя риском укрыть их у себя дома. Остальных, в количестве двухсот человек, добровольцы забирали с собой.

В преддверии похода генерал Корнилов решил освободить от службы представителей учащейся молодежи, предупредив ее, что решение остаться в Ростове не только не будет сочтено за измену, но даже не будет поставлено в упрек. В частях это решение главнокомандующего было объявлено через начальников подразделений и соединений. Генерал Боровский, командир Студенческого батальона, обратился к подчиненным: «Предоставленной мне властью освобождаю вас от данного вами слова. Вы свой долг выполнили, охраняя Ставку и город. Кто из вас хочет остаться в батальоне, оставайтесь. Но... раньше, чем окончательно решить, вспомните еще раз о своих семьях... Мы уходим в тяжелый путь. Так решили наши вожди. Придется пробиваться про степям и горам... Нести жертвы... Быть может, на время мы уйдем далеко от ваших родных мест... Подумайте!». Тем, кто решил остаться дома, было предложено выйти из строя. Вышли единицы, но вечером того же дня все они снова вернулись в батальон. 200 человек, составлявших Студенческий батальон, снова были вместе.

Началась подготовка к походу. Генерал Алексеев наско-ро записал на бумаге несколько главных мыслей для письма о грядущем походе. Вот они. «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божия. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хотя бы одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...» Эти слова и стали воплощением той идеи, которая только и могла стать обоснованием для продолжения белой борьбы в тот трагический для Отечества момент. Об исходе Добровольческой армии должна была узнать вся Россия, и для того в Ростове оставлено несколько офицеров с поручением пробраться на север, в Петроград и Москву, и сообщить там о начавшейся миссии Добровольческой армии. Сами белые источники назовут этот поход «Ледяным», но объективно в истории у него было еще два названия — «Кубанский», потому что он главным образом был совершен по территории Кубанской области, и «Корниловским», оттого, что всю наступательную часть его Добровольческая армия совершила под командой генерала Корнилова. Название «Ледяной» поход получил лишь потому, что проходил в исключительно тяжелых климатических условиях.

Глава тринадцатая

РОСТОВ ОСТАВЛЕННЫЙ

Оставление Ростова, символического, да и во многом буквального центра возрождения белой борьбы, проходило организовано, насколько это могло быть в условиях стремительно наступающих сил противника. Генерал Марков лично присутствовал при подготовке к отходу, отдавая различные распоряжения. Так, он приказал сгрузить пулеметы с грузовиков, предвидя, что в непролазных широтах

степи эти машины очень скоро станут обузой для людей, и обратился к офицерам 1-го Офицерского батальона с просьбой перегрузить пулеметы на лошадей. Однако сделать это было нелегко. Каждая лошадь была задействована в ходе эвакуации. Недолго думая, Марков отправился к столбу с пожарным сигналом. Рукояткой нагайки разбил стекло, и на городской пожарной станции раздался вызов команды. Приехавший через четверть часа на тушение мнимого пожара бравый бренд-майор, был остановлен лично генералом, а превосходные лошади ростовской пожарной команды тотчас распряжены офицерами и переданы под перевозку вооружения на выюках. Марков приказал оставить и броневедомость, а чтобы красные не смогли воспользоваться им в военных целях, подготовить машину к взрыву. Имевшиеся под рукой пролетки были переоборудованы в «пулеметные двуколки» и включены в обоз.

Около десяти вечера колонна Добровольческой армии стала покидать город, выходя из Нахичевани. Вдоль колонны шли провожавшие своих близких матери, отцы, сестры, невесты и жены. Колонну замыкал арьергард 1-го Офицерского батальона. Ночную тишину, изредка прерываемую гулом далекой канонады, потряс мощный взрыв — подрывная команда уничтожила броневедомость. Офицеры вели под руки потрясенного и поникшего командира броневика, которого с трудом удалось вытащить из машины, так как он не желал покидать свое «детище». Колонна шла молча, печатая шаг. Темное небо над городом озарялось вспышками взрывов снарядов большевистской артиллерии, бившей по городу. Кто-то из добровольцев пристраивался к колонне, стараясь не отстать и уже за городом, когда снежные заносы и непроходимость дорог замедлили движение, в отчаянии пробирались через высокие сугробы, утопая в снегу по пояс, выбираясь на обледеневшую обочину и снова проваливаясь в снег. Тяжело приходилось

и коням. С ними рядом шли спешившиеся кавалеристы, помогая преодолевать непростой путь. Из города кто-то стрелял вслед уходящей колонне. Попаданий не было, но офицеры арьергарда, остановившись, дали на прощание дружный залп по темнеющим очертаниям домов городской окраины.

Стрельба затихла. Хвост колонны еще продолжал тянуться по кажушимся бесконечными улицам. Через город шли войска, тянулись батареи, повозки, пролетки, подводы, груженные фуражом, боеприпасами и ранеными. Последним из штабного флигеля вышел Корнилов. Было начало одиннадцатого. Несколько человек на лошадях отсалютовали главнокомандующему, и на морозном ветру взметнулся русский национальный флаг. «С Богом!», — Корнилов перекрестился и бодро зашагал по скрипящему под его сапогами снегу. Следом за ним двинулись Романовский и уже успевший сильно простудиться Деникин, Эльснер. За ними медленно потащилась коляска с престарелым Алексеевым, закутанным в островерхий башлык, прижимавшим к себе саквояж с казной Добровольческой армии. Генерал Боровский построил своих «студентов» на молитву перед дальней дорогой. Над занесенным метелью плацем разнеслось: «На молитву шапки долой!». Студенческий батальон стройной колонной вышел из города, но в бездорожье его строй был утерян и нарушен. Тяжесть груза, тащимого с собой, быстро дала о себе знать, и непривычная учащаяся молодежь едва передвигала ноги, стараясь поспеть за остальными колоннами.

В Аксайской станице всех их ждал краткий отдых и возможность обогреться в здании школы. Станица была запержена обозными повозками, орудиями, 3-й взвод прибывшего 1-го Офицерского батальона отправили в полевую заставу. Нелегко было отправляться в дозор сразу после тяжелого пути, но застава — вещь абсолютно необходимая

в походе, тем более когда каждую минуту ожидалось преследование большевиками. На аксайской станционной площади прибывающие части «приводились в порядок», подразделения распределялись на ночлег. Квартирьеры, не жалея сил, изыскивали приемлемое жилье, и, не торгуясь, договаривались об условиях с хозяевами.

Со стороны дороги в станицу еще продолжали тянуться отдельные повозки и немногочисленные группы людей, стремящихся не отстать от основных сил армии. Среди них доктора, чиновники, служащие ростовской полиции, журналисты и просто обыватели, не желающие испытывать на себе все прелести большевистской власти. У спуска к Дону вела работу Техническая рота, готовящая переправу для войск, которая должна была начаться с рассветом. С берега на лед устанавливали деревянный, наспех сколоченный, но прочный настил для артиллерии и обозов... Всадники Гершельмана должны были обеспечить безопасность армии с восточной стороны, а казаки Грекова — проследить, чтобы со стороны Батайска, с запада, не возникли разъезды красных.

К утру ветер утих и сквозь мглу пробился рассвет, неожиданно ясный, окрасивший облака в нежно-розовый цвет. Обозы и пехота начали переправу. Сам Корнилов со своим конвоем промчался по настилу, в мгновение ока оказавшись на другом берегу Дона, и остановил коня, салютуя проходящим мимо него добровольцам. Бодро прошел мимо Корнилова Студенческий батальон, начала переправу артиллерийская батарея. Сначала вели выпряженных лошадей, по одному перекатывались на другой берег орудия и переносились ящики со снарядами. За ними шли умеренно нагруженные подводы. Лед начал потрескивать под тяжестью грузов, и последнее орудие было переташено юнкерами-артиллеристами по команде «бегом марш!». Под юнкерскими сапогами на лед выплескивалась вода, угро-

жая поглотить оружие вместе с людьми. Однако переправа всех пяти орудий, передков и ящиков с боеприпасами прошла удачно. Последними реку переходили снятые заставы 1-го Офицерского батальона, наблюдавшие движение всей армии с противоположного берега. По гладкой белой степи под ярким зимним солнцем ползла из Аксая темная, казавшаяся бесконечной лента людей и повозок, направлявшихся в станицу Ольгинская. Следом за офицерскими заставами Дон перешли части партизан. Прогремели взрывы. Это Техническая рота подорвала железнодорожные пути, отрезая путь возможным преследователям.

В 11ч утра рота в полном составе переправилась через Дон. Над ними со стрекотом пронеслось два легких аэроплана, поднятых с ростовского аэродрома большевиками. Аэропланы сбросили несколько бомб, не причинивших переправлявшейся Технической роте никакого вреда, поскольку разорвались они далеко в степи, вздымая горы земли и снега. Солнце продолжало неистово светить, делая всю степь ослепительно белой. До Ольгинской оставалось каких-нибудь пять верст перехода, а красные пока и не думали преследовать добровольцев. Дорога на станицу была хорошо вытоптана прошедшими по ней войсками. После полудня 10 февраля 1918 года вся Добровольческая армия сосредоточилась, наконец, в конечном пункте своего похода. И здесь снова стоит поспорить с большевистскими «бытописателями» похода. Отношение к военным, оказавшимся незваными гостями, в Ольгинской тем не менее было самое радушное. Участники похода вспоминали, что хозяйева, где офицеры и юнкера оставались на ночлег, прежде всего кормили своих постояльцев досыта, предоставив им лучшие места в доме для отдыха. Эта станица осталась одним из самых добрых воспоминаний добровольцев о начавшемся походе. От красных их отделяли долгие версты, и вероятность их внезапного появления была невелика.

Глубокий снег, покрывавший землю, оказался лучшим союзником порядком уставших людей. Красная кавалерия не могла совершать стремительных рейдов по глубокому снегу, а любой отряд, рискнувший приблизиться к станице на расстояние нескольких верст, становился хорошо видимым на ровном белом пространстве степи. Степь вокруг станицы патрулировали казацки партизанские отряды, зорко всматриваясь в бесконечное степное пространство. Сон уставших добровольцев, как вспоминали они впоследствии, был «долгий, крепкий и спокойный».

11 февраля 1918 года красные подтащили несколько орудий и дали несколько залпов, однако то ли по причине некомпетентности стрелявших, то ли по какой-либо иной, снаряды разрывались с большим недолетом до сторожевых постов добровольцев. На партизан сотника Грекова попытался было напасть отряд красновардейцев, но был им нещадно бит и рассеян по степи. В этой стычке грековские партизаны потеряли одного казака убитым и трех ранеными. В тот день значительно потеплело. С утра в станице началась работа. Приводили в порядок оружие и снаряжение, кто-то подковывал коней, кто-то чистил винтовки под бдительным оком ротных фельдфебелей. В Ольгинской собралось, ни много ни мало, около 25 разрозненных строевых частей — батальонов, рот, отрядов. Там же находился и настоящий полк — ударный, Корниловский.

Глава четырнадцатая

ПЕРВОПОХОДЦЫ

В штабе самого Корнилова шла работа по сведению малых разрозненных соединений в более крупные. Перекраивались штаты, давались назначения, создавалась на ходу

новая организационная структура всей армии. В результате проделанной работы в состав ее вошли: Сводно-Офицерский полк, Корниловский ударный полк, Партизанский полк, Особый юнкерский батальон, Чехословацкий инженерный батальон вместе с Русско-галицким взводом, Техническая рота, — составившие в общем своем количестве три тысячи человек. Кроме них, в структуру армии вошли два дивизиона конницы, численностью до двухсот сабель каждый, один артиллерийский дивизион, состоявший из восьми орудий, и небольшая боевая единица текинцев — конвоя генерала Корнилова. Вместе с ними численность армии доходила до четырех тысяч человек.

12 февраля 1918 года началось физическое переформирование частей. К небольшой колонне офицеров 2-го Офицерского батальона прибавлялись новые люди; колонна росла на глазах. Наконец, когда на площади прекратилось всякое движение, раздалась команда к построению. Перед значительно выросшей колонной офицерского батальона выехали всадники. Впереди ехал сам генерал Корнилов, за ним казак, держащий в руках древко, на котором трепетал на морозном ветру трехцветный русский флаг. Генерал поздоровался с частями. Затем он слез с лошади, а за ним спешили и следовавшие за ним генералы, другие военачальники показали из-за выстроенных рядов добровольцев. Корнилов перебрался с собравшимися генералами несколькими фразами и отдал команду направиться к своим частям. Три сведенные воедино офицерские батальоны и офицеры так называемого Батайского отряда получили в качестве своего полкового командира генерала Маркова.

«Не много же вас здесь! — с оттенком легкой иронии обратился он к офицерам. — По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не отчаивайтесь! Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела, — продолжал Марков свою

речь: — «Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем — я все равно скажу, что идем мы к черту на рога, за синей птицей. Теперь скажу только, что приказом Верховного главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром Офицерского полка, который сводится из ваших трех батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона. (Известно, что Морская рота состояла из одного капитана 2-го ранга, четырех старших лейтенантов, семи лейтенантов, семи мичманов, четырех гардемарин и одного кадета, остальные были неуставленные на сегодняшний день моряки императорского флота, по зову сердца примкнувшие к добровольцам, чтобы сражаться против большевизма. — *Авт.*) Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры — на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь: здесь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешел на батальон...»

Короткую речь Маркова прервало нервное замечание ставшего вмиг бывшим командиром полка полковника Борисова: «Я считаю для себя невозможным с должности командира полка возвращаться в роту». Марков резко оборвал его: «Полковник, Вы мне не нужны!» — и тут же обратился к стоявшему на фланге подполковнику Плохинскому: «Назар Борисович, примите роту!» Затем, точно бы и не прерываясь на этот инцидент, Марков продолжил, сказав, что штаб его будет состоять отныне из него самого, его помощника полковника Тимановского и казначея, доктора Родичева. Оглядев первый ряд построения, Марков строго отметил: «Вижу, что у многих нет погон. Чтобы завтра же надели. Сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек!» На том его речь закончилась, а со временем все офицеры полка оценили выбор своего командира.

«Степаныч», как он ласково называл 29-летнего Тимановского, блестяще проявит себя во всех последующих кампаниях Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга

России, дослужится до генеральского чина и умрет по нелепой случайности от тифа уже в 1919 году. «Гаврилыч», как Марков величал доктора Родичева, в считанные недели наладит всю лечебную и санитарную деятельность полкового лазарета во главе со старшей сестрой милосердия Пелагеей Осиповной. В лазарете он сам работал наравне со всеми. Отдыхать принимались лишь тогда, когда помощь была оказана всем раненым и больным. На Родичеве лежала еще и казначейская часть полка. Он выдавал офицерам денежные авансы для уплаты за получаемые от населения продукты и оказываемые услуги. Деньги и сама отчетность, а также вся «походная канцелярия» полка умещались у доктора в ветхой сумке, носимой им через плечо, а менее значимые документы — за голенищами сапог...

...В тот же день был сформирован и Особый юнкерский батальон, составленный из чинов Студенческого батальона и школы прапорщиков, основной составляющей которых оставались юнкера. Генерал Корнилов лично произвел смотр новой боевой единицы. После смотра генерал поздравил всех юнкеров, назвав их прапорщиками, а кадетам старших классов присвоил новое звание «походных юнкеров». Тут же всем произведенным в офицеры прапорщикам были выданы погоны, приготовленные заранее еще в Ростове. Произведенные в новое звание кадеты получили право нашить на свои погоны по нижнему ранту трехцветные национальные ленточки. Корниловский приказ о производстве в прапорщики касался всех юнкеров, находившихся на тот момент в армии, в том числе и юнкеров-артиллеристов, чья батарея стала называться теперь 1-й Офицерской.

Генерал Корнилов задержал свою армию в Ольгинской не только потому, чтобы дать ей отдых и постараться переформировать ее в спокойной обстановке, но еще и потому, чтобы не оставлять на произвол судьбы все донские части, покидавшие Новочеркасск.

12 февраля 1918 года под давлением превосходящих сил противника донцы были принуждены оставить свою столицу, уйдя под командой своего походного атамана Павла Харитоновича Попова в степи. Отряд казаков, численностью в две тысячи шашек, сосредоточился в Старочеркасской станице, от которой было рукой подать до Ольгинской. Генерал Лукомский отметил в своих воспоминаниях, что 11 февраля он говорил с генералом Назаровым по телефону, советуя ему покинуть город с отходящими донскими частями. «Он мне сказал, что он решил, вместе с Войсковым кругом, не уезжать из Новочеркасска; что оставаясь, он спасет город от разграбления. Я ему советовал ехать в армию генерала Корнилова; сказал, что, оставаясь в Новочеркасске, он обрекает себя на гибель. Генерал Назаров ответил мне, — продолжает Лукомский, — что большевики не посмеют тронуть выборного атамана и войсковой круг; что, по его сведениям, первыми войдут в Новочеркасск присоединившиеся к большевикам донские казаки Голубова; что этот Голубов, хотя и мерзавец, убивший Чернецова, но его, Назарова, не тронет, так как он за него когда-то заступался и освободил из тюрьмы... Мои уговоры были напрасны; генерал Назаров еще раз сказал, что он убежден, что его не посмеют тронуть, а затем добавил, что если он ошибается и погибнет, то погибнет так, как завещал покойный Каледин, сказавший, что выборный атаман не смеет покидать свой пост». Захваченные в Новочеркасске атаман Назаров, члены донского правительства и Казачьего круга были незамедлительно посажены Голубовым в городскую тюрьму. В ночь на 13 февраля 1918 года Назаров был расстрелян.

Попов, на правах походного атамана, снесся с Корниловым и обсудил вероятность совместной борьбы. Расхождения в подходе, как и предполагалось, выявились еще на стадии упоминания географических названий. Попов и

слышать не хотел, чтобы оставить Дон и отправиться вслед за Добровольческой армией, воевать с большевиками повсеместно. Отказ от абстрактной идеи борьбы с большевизмом, где бы то ни было, в пользу весьма конкретной, в границах своей территории, представляется вполне разумным и объяснимым даже с позиции дня сегодняшнего. Как пишет Лукомский, Попов отвечал на предлагавшееся ему соединение отрядов, будто «он считает, что отряду лучше всего, прикрываясь с севера р. Донцом, который скоро станет трудно проходим, переждать события в районе зимовников, где много хлеба, фуража, лошадей, скота и повозок для обоза. Из этого района он мог бы развить партизанские действия в любом направлении...»

Воля Алексеева, с оговорками принимаемая Корниловым, была такова — двигаться на Екатеринодар, в надежде соединения с некими добровольческими отрядами, действующими на Кубани. Генерал Алексеев полагал, что поднять Кубанское войско против большевиков добровольцам не составит труда. Кроме того, согласно данным, Кубанский край был довольно богат, что в перспективе даст возможность пополнить запасы армии. Именно там армии можно будет попытаться атаковать большевиков, а если эта затея не удастся и армия не сможет добиться успеха, то, дойдя походным порядком до Кавказских гор, будет распущена. Обсуждение будущего похода не отличалось многообразием мнений. Лукомский выступал против прямого похода на Екатеринодар, видя в этом потенциальные трудности из-за обилия обозов и раненых. Генерал Романовский соглашался в мнении Лукомского. Корнилов ясно видел, что не стоит более оставаться на Дону, ибо сама жизнь ежедневно доказывала невозможность всеобщего единения казаков в борьбе со своими внутренними и внешними врагами — большевиками. И хотя малая часть казачества доказала свою приверженность этой борьбе, уча-

ствуя в белых партизанских отрядах, большая его часть по-прежнему оставалась в плену иллюзий относительно мирного сосуществования с красными.

Из тех донцов, что остались для дальнейшего беззаветного служения Белому делу, Корниловым был сформирован Партизанский полк под командованием генерал-майора Африкана Петровича Богаевского. Энергичному генералу в его армии требовались яркие личности и немедленные действия, общий, спланивающий порыв и скорая победа. Он, безусловно, верил в то, что лишь немного усилий его армии, поддержанных населением России, должны вернуть все на свои места и стереть большевизм со скрижалей истории, однако желание расправиться с врагами Отечества, присущее Корнилову, едва ли разделяли все граждане России. Даже среди исторически консервативных казачьих кругов опасность большевистского интернационала была более или менее ясна лишь для немногих их представителей. Глобальная схема уничтожения императорской России казалась многим столь фантастичной затеей, что немногих прозревших зачастую упрекали в излишнем нагнетании страхов и чрезмерном увлечении теориями заговорных заговоров, до революции присущем лишь крайне правым российским политикам и общественным деятелям. Корнилов стремился поскорее оказаться на Кубани, с которой он связывал многие надежды и не без основания полагал, что экономически устойчивый край станет хорошей опорой в ходе дальнейшего роста и укрепления Добровольческой армии.

12 февраля 1918 года им был отдан приказ по армии о приготовлении к выступлению на Кубань утром следующего дня. На рассвете добровольческие части тронулись в свой поход. Впереди шел Офицерский полк, за которым двигалась 1-я батарея, за ней тянулась Техническая рота. Впереди колонны на коне ехал генерал Марков. Скоро аван-

гард армии оказался на возвышенности. Позади, в утренней неге, утопая среди белых снегов, оставались гостеприимные станицы Аксайская и Ольгинская. Левее, сквозь морозную дымку, едва виднелись Нахичевань и Ростов, постепенно исчезая из поля зрения и отодвигаясь все дальше и дальше.

Дорога снова изменилась. Чернозем, глубоко пропитанный влагой от почти стаявшего снега, легко превращается в густую массу, едва ступишь на нее ногой. Не без усилий шагал Офицерский полк под хлипкие всасывающие звуки от проваливающихся по самые щиколотки в дорожную грязь сапог. Старая обувь едва выдержала переход до первого привала. Ноги большинства добровольцев были натерты до боли из-за постоянной борьбы с глубокой дорожной грязью. На первом же привале все обладатели роскошных долгополых кавалерийских шинелей обрезали их почти на четверть и безжалостно избавились от ненужных в пехотном переходе шегольских атрибутов — шпор. Не легче было и батареям. Их лошади с трудом тащили орудия, медленно брели в хлюпающей грязи, нередко застревая в ней. Тогда людям приходилось помогать коням. В Юнкерском батальоне тоже неожиданная трудность — сестры милосердия, прибывшие к армии еще со времен Ростова, не в силах были бороться с безразмерными сапогами, немилосердно вязнущими в чавкающей грязи. На помощь сестрам тотчас же приходят неунывающие юнкера, по одной перенося их на более твердую почву и моментально раздобыв где-то сапожки меньших размеров. Наблюдавший картину Александр Александрович Боровский сочувственно распоряжается посадить сестер на подводы в обозе. Девушки протестуют, желая оставаться в строю, вместе со всеми, благо отдых уже не за горами.

Наконец армия втягивается в станицу Хомутовская, где стараниями квартирмейстеров все распределяется на ночлег.

На взвод отводится по одному — два дома. Хозяева радушно угощают пришельцев ужином, с сочувствием желают им поскорее добраться до Кубани, уверяя своих гостей, что большевистская власть обойдет их тихие места стороной. Вскоре, выставив дозоры, армия располагается на ночлег. О чем-то спорят ее вожди, собравшиеся под крышей одного из окраинных домов. Кто-то, докуривая папиросу, задумчиво смотрит на звездное небо, гадая о превратностях судьбы и безвестности дорог, которые еще предстоит пройти. Вскоре и последние полуночники отправляются по домам. Ранним утром намечено выступление. Старшие офицеры проверяют заставы. Слышатся рапорты о том, что противник поблизости не замечен. Призрачный ночной покой ненадолго охватывает станицу.

Но едва забрезжил рассвет, как со стороны Батайска офицерские заставы увидели быстро приближающуюся кавалерийскую лаву. Не было сомнений — красные решили атаковать стан добровольцев летучими конными отрядами, посеять панику и заодно разведать, готовы ли добровольцы отразить эту пробную атаку. Застучал пулемет офицерской заставы. Полетели наземь первые конники, лошадиное ржание огласило степь. Первые всадники, налетев на заставы, принялись беспощадно рубить оказавших сопротивление добровольцев. По тревоге были подняты кавалеристы полковника Петра Владимировича Глазенапа, уже несущиеся наперерез красной коннице. Блеск холодной стали, удалой казачий посвист, и две конницы схлестнулись. Завязался короткий кровопролитный бой. Послышались крики красных: «Отходим, товарищи!». Красные начали разворачивать коней и один за другим отходить в сторону Батайска. Конный дивизион Глазенапа получил приказ не преследовать их, ибо армия должна была продолжить свой дальнейший проход, задержанный из-за этого неожиданного короткого боя.

Тем же походным порядком добровольцы выступили из Хомутовской, держа путь на Кагальницкую, где вынужденно простояли два дня, а 17 февраля перебрались в Мечетинскую. Из нее армия двинулась на последнюю станцию Войска Донского — Егорлыцкую, расположенную у станции Атаман на линии железной дороги Батайск — Торговая. На этой станции Добровольческие отряды были дополнительно переформированы. Сильно поредевший отряд партизан Грекова был влит в состав Технической роты.

У командования Добровольческой армии существовало единодушное убеждение в том, что партизаны по большей части трудно управляемы и легко превращаются в разбойничьи банды, неподвластные военному командованию. Антон Иванович Деникин отмечал в своих «Очерках Русской Смуты»: «Около штаба кружились авантюристы, предлагавшие формировать партизанские отряды. Генерал Корнилов слишком доверчиво относился к подобным людям, и зачастую, получив деньги и оружие, они или исчезали, или отвлекали из рядов армии в тыл элементы послабее нравственно, или составляли шайки мародеров. Особенную известность получил отряд сотника Грекова — “Белого дьявола”, как он сам себя именовал, который в течение двух-трех недель разбойничал в окрестностях Ростова, пока, наконец, отряд не расформировали».

Командование добровольцев выставило надежную охрану вдоль железнодорожных путей, а Василий Сергеевич Гершельман со своим кавалерийским отрядом был отправлен назад для проведения предупредительного тактического маневра против возможных набегов красных. Сутки они просидели под открытым небом в засаде, ожидая возможного появления красной кавалерии. Гершельманом была налажена связь с Донским отрядом Попова. От них белые партизаны узнали, что в степи замечен кавалерийский отряд красных, идущий по следам Добровольческой

армии. Еще на дальних подступах к Егорлыцкой Василий Сергеевич во главе своего отряда атаковал ничего не подозревавших красных, уничтожив половину их отряда, и обратил его в беспорядочное бегство, продолжая преследовать удиравших большевиков еще несколько верст подряд...

Это дало двухдневную передышку основным силам добровольцев, позволив им отдохнуть и выспаться в последней донской станции на их пути на Кубань. Переговоры, которые еще продолжались между Корниловым и походным атаманом Поповым, пока армия добровольцев шла по донской земле, окончились безрезультатно. Два потенциальных союзника так и не соединились, а 21 февраля 1918 года добровольцы уже вошли в пределы Ставропольского края, имея своей ближайшей целью село Лежанка, находившееся всего в 22 верстах от Егорлыцкой. За минувшие дни солнце немного подсушило дороги, и путь уже не выглядел столь тяжелым, как это было полторы недели назад. К тому же передышки и привалы, столь нужные людям и коням, стали следовать с заметной повторяемостью. Отдых оказался кстати. Стало известно, что в селе Лежанка стоят части 39-й пехотной дивизии, перешедшие на большевистскую службу, а значит, при столкновении с ними бой неизбежен. Вдоль колонны промчался генерал Марков с ординарцами к идущему впереди авангарду Офицерского полка. Вскоре по колонне авангарда передали приказание: «Ротные командиры, к командиру полка!»

Полковники Плохинский, Лаврентьев, Кутепов, выйдя из строя колонны, направились к стоящим у обочины дороги Маркову и Тимановскому. За ними верхом подъехали полковники Миончинский и Кандырин, затем, молодцевато гарцуя, ротмистр Дудырев. Марков открыл совещание.

Предчувствие скорого боя буквально витает в воздухе. Короткое совещание окончено, командиры расходятся и

разъезжаются по ротам. Начинается выдвижение походных застав — пехотинцев Офицерского полка и кавалерийского дивизиона. Вскоре из 4-й роты Офицерского полка ее чины повзводно отправляются налево от дороги. Взвод 1-й роты отправляется вправо, на так называемый топографический гребень, вдоль которого пролегает путь колонны. От левой стороны проходящих частей за череду курганов рысью уходят кавалеристы Василия Сергеевича Гершельмана.

Когда заставы удалились от колонны на расстояние одной версты, генерал Марков повел полк вперед форсированным маршем, и вскоре офицеры авангарда уже смогли разглядеть вдаль верхушку сельской колокольни в Лежанке. Артиллерия красных попыталась остановить противника на марше. Над колонной один за другим появились белые облачка шрапнельных разрывов. Стрельба велась бегло, но толку от нее пока было немного — расстояние до добровольческих колонн еще слишком далеко. За артиллеристами ту же ошибку повторили и большевистские стрелки и пулеметчики. Расстояние до добровольцев, разворачивающихся в боевой порядок, около двух верст.

Не снимая с ремней винтовки и даже не прибавляя шага, добровольческие роты идут на сближение. Расстояние между сторонами сокращается все быстрее, и вот уже слышен свист пуль, пролетающих мимо. Все виднее диспозиция противника. Впереди раскинулась полоса высохших камышей. За ними черед огородов, а чуть дальше — село, словно бы пригнувшееся при звуках стрельбы, едва видимые крыши домов, скрывающиеся друг за другом. Батарея полковника Миончинского открывает огонь, заставивший красных умерить стрельбу.

Пока внимание красных отвлекает артиллерия, заставляя их скрываться в окопах, головные взводы 1-й роты добровольцев без потерь достигают линии камышей. Шквал

огня, который красные обрушили на продолжающих наступать добровольцев, сметает верхушки камышей, над головами у остановившихся там офицеров. Командир взвода штабс-капитан Згривец, приказывает, не задерживаясь в камышах, продвигаться вперед. Однако неглубокий Егорлык имел неприятную особенность — его дно было покрыто вязким илом, и, хотя вода не доходила выше пояса, ноги офицеров оказывались затянутыми в ил выше колен. Все это замедляло продвижение цепей, а когда красные разглядели, что из камышей им угрожает смертельная опасность, они открыли беглый огонь. Когда расстояние до красных оставалось чуть менее десяти шагов, офицеры атаковали их позиции, ударив в штыковую. Паника охватила ряды красных. Они не ожидали такой решимости от людей, всего несколько минут назад вышедших из ледяной воды. Красные обратились в бегство. Офицеры, преследуя их, безжалостно работали штыками. Серые толпы защитников Лежанки пустились в сторону дороги, а по ней — в село.

С высокого гребня, где сосредоточились части добровольцев, хорошо просматривалась вся местность. За рекой Средний Егорлык, на противоположном берегу которой лежит село, были видны все перемещения красных. Марков отдал приказ полковнику Тимановскому о молниеносной атаке моста 2-й Офицерской ротой. С двух сторон, слева и справа ее должны поддержать одновременные атаки 4-й, 3-й и 1-й рот, форсируя реку всеми возможными силами. Красные отступили. Внезапно, навстречу бегущим из камышей в село красным, появились двое верховых в ...погонах. Один из них, в погонах прапорщика, кричит: «Товарищи, собирайтесь на Соборную гору! Кадеты штурмуют мост». Офицеры добровольцы ударили прицельным залпом. Прапорщик и другой всадник свалились на землю. Убитый прапорщик был впоследствии с почестями похо-

ронен большевиками на сельском кладбище Лежанки. Вернувшись на Дон, чины Вооруженных сил Юга России с изумлением прочитали надпись на его могиле: «Барон, прапорщик Борис Николаевич Лисовский. Убит бандой Каледина 21 февраля 1918 года».

Между тем преследование бегущих красноармейцев продолжалось. Взвод штабс-капитана Згривца разделился на две части: одна продолжила гнать убежавших в село красноармейцев, а другая повернула в сторону реки, выйдя в тыл оборонявшим мост пулеметчикам и стрелкам. В тот же момент Марков отдал приказ о штурме моста. 4-я и 3-я роты перешли реку вброд, по пояс утопая в ледяной воде, а сам генерал Марков бежал во главе головного взвода по дороге к селу. И вдруг остановился в недоумении, видя перед собой офицеров 1-й роты, ударивших минутами раньше в тыл оборонявшимся красным. «А вы откуда взялись?» — только и мог сказать Марков, не ожидая от своих офицеров такого удачного маневра. Офицеры сообщили генералу короткую предысторию, и Марков тут же распорядился продолжить преследование красных. В эту минуту к нему подошли переправившиеся офицеры 4-й и 3-й рот. «Продолжайте наступление, господа!» — отдал приказ Марков и, обернувшись, увидел, что офицеры 1-й роты собирают пленных. «Пленными не заниматься. Ни минуты задержки! Вперед!» — громко прокричал он, рукой указывая направление. Зазвучали выстрелы, раздались крики и стоны. Офицеры 1-й роты продолжали преследование.

Чем дальше бежали офицеры, увлекшись преследованием красных, тем гуще становились ряды бежавших от них серых солдатских шинелей. Участник того, казалось, нескончаемого марафона вверх по дороге, ведущей на Соборную гору, где стояли батареи большевиков, писал, что красные «...бежали как куры перед автомобилем. Офицеры стреляли на бегу в упор, кололи...». Но вот преследователи

и преследуемые наконец оказались на горе. Офицеры, увлекаемые вперед поручиком Успенским, атаковали батарею красных. Батареинная прислуга в ужасе разбежалась, у орудий остались лишь трое человек в офицерских погонах. Они подняли руки вверх, сдаваясь. Тем временем 3-я рота обходит село справа. У ветряных мельниц, где стояла батарея красных, теперь виднеется лишь брошенный снарядный ящик. Перед 2-й ротой, обходящей село слева, мелькают красные и в мгновение ока скрываются среди сельских домов. В обход села скачут конники Гершельмана и конные разведчики 1-й батареи. Лежанка захвачена добровольцами.

В захвате села принимал участие и Юнкерский батальон, Корниловский ударный полк и Чехословацкий батальон. Марков остался недоволен, как его приказ был выполнен Технической ротой, наступавшей через мост, следом за Офицерским полком. Он считал, что его приказ «Бегом за полком через мост» должен был выполнен буквально. Чины Технической роты наступали перебежками. Продолжать дальнейшее преследование красных, разбежавшихся во все стороны из Лежанки, не было сил. Офицеры 4-й роты вновь собрали пленных. Подскакавший к ним Марков, недовольно закричал: «На кой черт вы их взяли?!» — и повернул к расположению 2-й роты, узнать, как обстоят дела в ней. Позади него — беглая стрельба. «Узнать, в чем дело!» — бросает он на ходу ординарцу, продолжая свой путь ко 2-й роте. Вскоре тот догоняет генерала с донесением: «Стрельба по вашему приказанию, Ваше Превосходительство!» Марков утвердительно кивает. На Соборной площади к нему подводят трех артиллерийских офицеров, захваченных в ходе атаки поручика Успенского. Видно, что генерал Марков находится вне себя от гнева, рассматривая бледные лица пленных. Он с презрением кричит командиру батареи: «Ты не капитан! Расстрелять!» Рядом оказывает-

ся подъехавший Корнилов, слышавший приказание Маркова. Он настроен более благодушно и «спасает» капитана своим возражением: «Сергей Леонидович! Офицер не может быть расстрелян без суда! — и, обращаясь к ординарцам, приказывает: — Предать суду!» Недовольный Марков отъезжает вместе с Верховным главнокомандующим, который пытается смягчить досаду своего генерала предложением поразмыслить о ряде текущих тактических задач. Но чувство досады все же прорывается у Маркова, и он приказывает полковнику Бонину принять Техническую роту, сместив ее прежнего командира «за нерасторопность».

Глава пятнадцатая

БУДНИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Потери Офицерского полка в коротком бою за Лежанку составили четыре убитых офицера из взвода поручика Кромма и нескольких раненых в ходе преследования. В тот же день в присутствии генералов Алексеева, Корнилова, Деникина и Маркова в сельской церкви состоялось отпевание убитых чинов Добровольческой армии. После того как тела были преданы земле, генерал Алексеев с увлажнившимися глазами произнес краткую речь, где, обращаясь ко всем присутствовавшим, сказал о первых жертвах похода и о неизбежности обреченности армии в целом. Его патетическую речь продолжил генерал Корнилов, кратко подведя итог многословию идеолога добровольчества: «Запомните, господа, где мы их похоронили: может быть, близкие будут искать эти одинокие могилы».

На следующий день судили трех пленных артиллерийских офицеров. Так как их преступление, состоявшее в их службе у большевиков, было очевидным, их не оправда-

ли, но, повинувшись соображениям офицерской кастовости, единодушно простили и даже ввели в части армии. Генерал Деникин записал несколько строк об этом эпизоде и привел еще один, весьма показательный, произошедший намного позже: «Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев — презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица пленных мертвенно бледны. Только близость штаба спасает их от расправы. Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает пленных офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово... Оправдания обычны: “не знал о существовании Добровольческой армии”... “не вел стрельбы”... “заставили служить насильно, не выпускали”... “держали под надзором семью”... Полевой суд счел обвинения недоказанными. В сущности, не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двойное отношение к себе... Помню, как в конце мая в бою под Гуляй-Борисовкой цепи полковника Кутепова, мой штаб и конвой подверглись жестокому артиллерийскому огню, направленному, очевидно, весьма искусной рукой. Иван Павлович (Романовский. — *Авт.*), попавши в створу многих очередей шрапнели, по обыкновению невозмутимо резонерствует:

— Недурно ведет огонь, каналья, пожалуй, нашему Миончинскому не уступит...

Через месяц при взятии Тихорецкой был захвачен в плен капитан — командир этой батареи.

— Взяли насильно... хотел в Добровольческую армию... не удалось.

Когда кто-то неожиданно напомнил капитану его блестящую стрельбу под Гуляй-Борисовкой, у него сорвался, вероятно, искренний ответ:

— Профессиональная привычка...

Итак, инертность, слабоволие, беспринципность, семья, «профессиональная привычка» создавали понемногу прочные офицерские кадры Красной армии, подымавшие на добровольцев братоубийственную руку».

...После суда чины Офицерского полка могли, наконец, отдохнуть. Жители Лежанки бежали накануне боя, напуганные рассказами большевиков о жестокостях, чинимых «кадетами». В течение всего дня 22 февраля 1918 года местные жители продолжали возвращаться в дома, находя их совершенно нетронутыми и неразграбленными. Еще больше их удивили бойцы армии, робко просящие продукты и незамедлительно за все расплачивающиеся сполна. В село не вернулись лишь молодые люди, во все времена, как черти ладана, боявшиеся мобилизации в Вооруженные силы, а также те из них, кто успел послужить у красных. 23 февраля 1918 года Добровольческая армия продолжила свой поход и скоро вошла в пределы Кубанской области. Чуть раньше других частей конный партизанский отряд Глазенапа выступил в направлении села Белая Глина, чтобы отвлечь на себя внимание красных от подлинного курса движения армии. Офицерский полк с 1-й батареей в этот раз замыкал шествие, двигаясь в арьергарде. Погода стояла солнечная, и дороги были хорошо просохшие, что неизменно облегчало движение.

Вдоль колонны Офицерского полка промчался строгий генерал Марков. Роты подобрались и быстро «взяли ногу», но от бдительного ока начальника не ускользнули некоторые детали. Подъехав к 4-й роте Офицерского полка, он громко крикнул: «Четвертая рота, что за строй?» Командир роты, ротмистр Дударев, не успел ответить, как вся рота хором произнесла: «Справа по три, Ваше Превосходительство!» Надобно заметить, что этот скорее кавалерийский строй был унаследован ротой от главной составляющей ее части — Ударного дивизиона кавалерийской дивизи-

зии. В ответ раздалась короткая реплика Маркова: «Я вам покажу! Пехота, а справа по три...» Но неотложные дела унесли буйного генерала вперед колонны, и рота проделала весь дальнейший поход в том же кавалерийском строю, именовавшемся «справа по три».

Пройдя одним махом 12 верст, Добровольческая армия втянулась в кубанскую станицу Плоская и благодаря усилиям квартирмейстеров быстро разместились там по квартирам. Кубанские казаки встречали добровольцев радушно и приветливо и страха перед пришедшей армией не испытывали. Все были вскоре накормлены, причем местные жители, все как один, отказывались брать деньги за угощение, лишь прося офицеров и кадетов поучаствовать в приготовлении обеда. Очевидец вспоминал: «Особенно пострадали куры; их приходилось ловить офицерам «по всем правилам военного искусства» и не всегда удачно; особенно беспомощны были офицеры в «убийстве» кур: казачки и казаки это проделывали с поразительной ловкостью и без всякого «оружия»... Деникин упоминал об особенностях стратегического подхода идеологов Белого движения к поведению армии на казачьих территориях: «Казачество, если не теперь, то в будущем считалось нашей опорой. И поэтому Корнилов требовал особенно осторожного отношения к станицам и не применял реквизиций. Мера, психологически полезная для будущего, ставила в тупик органы снабжения. Мы просили крова, просили жизненных припасов — за дорогую плату, не могли достать ни за какую цену сапог и одежды, тогда еще в изобилии имевшихся в станицах, для босых и полуодетых добровольцев; не могли получить достаточного количества подвод... Условия неравные: завтра придут большевики и возьмут все — им отдадут даже последнее беспрекословно, с проклятиями в душе и с униженными поклонами. Скоро на этой почве началось прискорбное явление армейского быта — «само-

снабжение". Для устранения или, по крайней мере, смягчения его последствий командование вынуждено было перейти к приказам и платным реквизициям».

В Технической роте полка царило особое оживление. Прапорщик Петр Эдуардович Шмидт, знаменитый своим сходством с Великим князем Николаем Николаевичем, полностью завладел вниманием казаков. Многочисленные разуверения чинов роты в том, что это не Его Высочество, не привели ни к каким результатам. Казаки оказывали роте особое почтение и хлебосольство, которое поневоле пришлось разделить всем чинам роты благодаря своему товарищу. Как-то к Шмидту подошел кубанский казачий офицер и тихо шепнул ему на ухо: «Ваше Императорское Высочество, а я вас узнал!» «Ну и молчи, дурак!» — также тихо отвечал тому Шмидт, успевший устать от знаков повышенного внимания. Приятно удивленный радушным приемом на Кубани, Корнилов попытался поговорить со стариками и местной администрацией на предмет вступления в его армию новых добровольцев из числа кубанских казаков, но встретил доброжелательное равнодушие. Однако полностью почувствовать разочарование в кубанцах Корнилову не довелось. Уже на следующий день, проходя станицу Незамаевскую, армия пополнила свои ряды добровольцами из числа кубанских казаков, составивших две сотни — конную и пешую.

В течение нескольких последующих дней, то завязая в гатях, то снова легко маршируя по кубанским дорогам, армия продолжала свой путь на юго-запад. Генерал Марков казался вездесущим. То окриками помогал артиллеристам выкатывать завязшие орудия на твердый грунт, то во главе роты Офицерского полка сновал впереди армии, разведывая обстановку на железной дороге, командовал первой батареей, отогнавшей красный бронепоезд, повадившийся обстреливать колонну войск. «С ним не пропадем и вез-

де пройдем!» — часто отзывались о Маркове офицеры. Нервный, злой, но работоспособный и талантливый, этот военачальник заслужил большое уважение со стороны офицерства. Генералы, находившиеся в армии, по-своему ценили своего деятельного коллегу, не ленившегося лично выкатывать орудия из грязи и отдавать непопулярные команды о расстреле пленных.

Можно с уверенностью сказать, что Марков являлся воплощением духа армии, что именно такая пассионарная личность и была востребована на данном этапе антибольшевистского похода. Но восторженно принимать личность командира Офицерского полка были готовы далеко не все. Генерал Иван Павлович Романовский, по-иезуитски скрытный, недолюбливал своего бывшего однокашника, видел в нем «цепного пса самодержавия», готового на ненужные жертвы. Антон Иванович Деникин искренне восхищался кипучей энергией Маркова. Для Корнилова и Алексева, вечно занятых переделом сфер деятельности и слишком вовлеченных в глобальную политику, Марков был удобен, как вполне самостоятельный исполнитель их стратегических замыслов, и они стремились поддержать его, не особенно часто докучая ему раздражающим его менторским отношением, чем порой злоупотреблял Романовский. Поход продолжался.

Глава шестнадцатая

ФЛОТСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ НА СУДАХ И В БРОНЕПОЕЗДАХ

Говоря о морских офицерах, участниках первого похода, нельзя не отметить значительный вклад тех, кто по призыву Донского атамана стал у истоков первого Белого фло-

та и чьими усилиями была сформирована Донская флотилия. Прибывшим на Дон адмиралам Анатолию Алексеевичу Кононову, Семену Семеновичу Фабрицкому и капитану 1-го ранга, ставшему впоследствии контр-адмиралом, Ивану Ивановичу Степанову конечно же нашлось, чем заняться в рядах Донской армии и Вооруженных сил Юга России. Так, Анатолий Алексеевич Степанов, несмотря на свой возраст, организовал и возглавил экспедицию из Старочеркаска в Ростов для захвата судов у большевиков. Семен Семенович Фабрицкий, пройдя через обольщение службой у гетмана Скоропадского, продолжил свою карьеру начальником речного отряда Донской флотилии, а затем служил в рядах ВСЮР и Русской армии генерала Врангеля. Внеся свой посильный вклад в дело борьбы с красными, все они были благополучно эвакуированы из Крыма, а с оставлением белыми силами этого последнего рубежа обороны еще долго проживали в рассеянии, кто в Бельгии, кто в Югославии, кто во Франции.

Национальные флоты, появившиеся после распада Российской империи то там, то здесь, требовали опытных командиров и управленцев, и зачастую высокие должности и выгодные условия службы привлекали многих русских морских офицеров, затмевая на время главную цель, ради которой боролась и погибала Добровольческая армия — сохранение единства России, ее территориальной целостности в прежних границах. Трудно судить тех людей, кто вместо целенаправленной борьбы с большевиками рос в чинах и помогал возрождать «самостийные» флоты, ибо косвенно часть новых «государств» все же находилась в состоянии войны с московской властью Троцкого и Ленина, и лучший тому пример — Дон.

Еще в самом начале 1918 года инженер-механик Императорского русского флота лейтенант Анатолий Георгиевич Герасимов, оставшийся впоследствии в СССР и умер-

ший на Дону в 1949 году, предложил генералу от кавалерии Краснову идею создания Донской флотилии, призванной в глазах атамана стать полноценным флотом его горячей любимой области Всевеликого Войска Донского. Генерал распорядился поставить во главе создаваемой флотилии капитана 1-го ранга Якова Ивановича Подгорного, таинственным образом погибшего уже после Второй мировой войны в Москве, в Лефортовской тюрьме МГБ во время следствия. Подгорный был назначен атаманом в помощь контр-адмиралу Ивану Анатольевичу Кононову, сыну адмирала Кононова, прибывшему с ним на Дон. Имевшиеся у донских казаков большие пароходы быстро оборудовались под военные нужды. Устанавливалась броня, на их борта ставили трехдюймовую артиллерию и станковые пулеметы. На некоторых судах устанавливались тяжелые морские шестидюймовые орудия. Попутно теми же орудиями моряки оснащали и бронепоезда Донской армии, часть из которых потом находилась и на вооружении Добровольческой армии.

В последующих упорных боях с превосходящими силами противника особенно отличился «морской» бронепоезд «Адмирал Непенин» под командой капитана 2-го ранга Вячеслава Николаевича Маркова. В августе 1918 года этот бронированный поезд очень помог 2000 дроздовцев отбиваться от почти 30-тысячной армии командарма Соколина у Армавира. После этого довольно скоро, 14 октября того же года, бронепоезд попал в ловушку на разьезде Базовая на Старополье, приготовленную ему красными подрывниками и артиллеристами. В ту пору поездом командовал морской офицер-артиллерист с линкора «Иоанн Златоуст» старший лейтенант Анатолий Дмитриевич Макаров. Его батарея дальнего боя долго сдерживала наступающего противника, не давая ему вплотную приблизиться к застывшему на путях бронепоезду, а когда снаряды ис-

сякли, команда бронепоезда приняла свой последний бой с большевиками. В ходе жаркого боя был убит сам Макаров, его сослуживец по линкору лейтенант Николай Павлович Варгасов, двое мичманов — Николай Туцевич и Аркадий Николаевич Хрущев. Вместе с офицерами в том бою погиб и гардемарин старших классов Иван Завадовский. Пока часть команды удерживала рвущихся к бронепоезду большевиков, старший лейтенант Макаров приказал снять замки с орудий и, покинув бронепоезд, под прикрытием пробираться к линиям окопов добровольцев. Гардемарин Поплавский и кадет Гусев, под руководством старшего лейтенанта Николая Робертовича Вирена, успешно выполнили задание командира, с тяжелым сердцем покидая сражающийся бронепоезд. Но приказ есть приказ. Уход с орудийными замками, по существу, спас им жизни. Красные захватили бронепоезд и после короткой схватки внутри добились штыками остававшихся в живых защитников этой бронированной крепости.

А рядом шел другой бой. Бронепоезд «Единая Россия» отбивался от осаждавших его красных. У его орудий стояли гардемарины и морские офицеры. Без устали били его пулеметы, закипая в ярости возраставшего сопротивления. Команда добровольцев, под плотным огнем красноармейцев, чудом растащила завалы на пути железной машины, и бронепоезд, отбиваясь из пулеметов и орудий, медленно тронулся прочь. Красные не решились преследовать уходивший от них состав, пустив вслед ему лишь несколько снарядов, легших рядом с железнодорожным полотном и не причинивших вреда бронепоезду.

Морские экипажи бронепоездов не раз еще прославили себя смелыми и решительными действиями. В 1919 году при взятии Харькова отличились команды двух бронепоездов под началом своих славных офицеров. Бронепоездом «Дмитрий Донской» руководил капитан 2-го ранга

Борис Николаевич Бушен, возглавивший впоследствии одноименный вспомогательный крейсер Каспийской флотилии, бронепоездом «Князь Пожарский» командовал капитан 1-го ранга Владимир Николаевич Потемкин.

Морские офицеры, поступившие на службу Всевеликого Войска Донского, укомплектовавшие собой экипажи Донской флотилии, в 1919 году победоносно дошли до верховьев Дона и умелыми действиями своих артиллеристов не раз помогали казакам в боях с большевиками. Этой речной флотилией руководил контр-адмирал Семен Семенович Фабрицкий. Значение флота для Дона в то время было трудно переоценить. С разрешения донского правительства в Таганроге было создано первое Управление портами Азовского моря под началом генерал-лейтенанта Николая Николаевича Оглоблинского и Управление морской тяжелой артиллерии под руководством капитана 1-го ранга Якова Ивановича Подгорного. В таганрогском порту кипела работа по созданию Азовской флотилии. Руководил ее созданием капитан 2-го ранга Владимир Иванович Собецкий. Он подготовил Азовскую флотилию, вооружив ее суда 75- и 120-миллиметровыми орудиями, а после начавшегося весной 1919 года наступления большевиков на севере Дона перенес свою деятельность на создание новых флотилий, одной из которых стала Нижне-Днепровская.

Глава семнадцатая

ЧЕРНОМОРСКО-АЗОВСКИЙ КРИЗИС

В июне 1919 года Собецкий стал во главе отряда судов Азовской флотилии, а с января 1920 года возглавил оборону Днепро-Бугского лимана. По мере того как менялась обстановка на фронте, Собецкого направляли то командо-

вать отрядом Каркинитского залива, то 3-м отрядом судов Черноморского флота. Одним из помощников Собецкого был старший лейтенант Александр Михайлович Шестаков, в чьи обязанности входило формирование отрядов бронепоездов, танков и бронеавтомобилей, из числа тех, что ускоренными темпами производились для нужд Донской армии на соответствующих заводах в Ростове-на-Дону и Таганроге. В мае 1919 года бывшая Азовская флотилия была переименована в Днепровскую и перешла на Днепр, где в то время формировались новые флотилии — Верхне-, Средне- и Нижне-Днепровская, командовали которыми капитаны 1-го ранга Сергей Владимирович Лукомский, Григорий Иванович Бутаков и сам Собецкий.

Необходимость в последующей переброске Собецкого на Черное море объяснялась несравнимо более тяжелыми условиями борьбы с большевиками, так как любая инициатива национальных сил по установлению стабильной власти в регионе встречалась в штыки не только германским оккупационным командованием, но часто саботировалась силами держав Антанты, также не стремившихся к политическому равновесию в регионе. Обе противоборствующие стороны устраивала дестабилизация на черноморском побережье России порой казалось, что, на первый взгляд, дружественные англо-французские представители стараются как можно сильнее расшатать гражданское спокойствие на Юге России, иногда даже путем тайного взаимодействия с законспирированными большевистскими агентами. Их разрушительная работа существенно подрывала тылы Вооруженных сил Юга России, расходовала людские и материальные ресурсы и, в конечном счете, неоднократно ставила под угрозу безопасность белого тыла.

Не добавили спокойствия русским Добровольческим силам и сепаратные переговоры украинской Рады с германским командованием. Немедленно после заключения

между ними договора германские войска стали занимать украинские территории, быстро добрались до полуострова Крым, и 4 мая 1918 года на русских судах, стоявших на рейде в Севастопольской бухте, поднялись германские флаги. Вся 2-я бригада линейных кораблей под командованием вице-адмирала Андрея Георгиевича Покровского, несколько подводных лодок и быстроходных катеров, при попустительстве «независимых» украинских политиков, оказались во власти немцев. Сам Покровский, бывший начальником обороны северо-западной части Черного моря, ненадолго поступил на службу в «гетманский флот». Видимо, испытывая чувство неловкости за эту минутную слабость, Андрей Георгиевич все же нашел в себе силы вернуться на службу во ВСЮР, где потом разрабатывал план десантной операции по захвату Петрограда со стороны Финского залива вместе с рядом морских офицеров бывшего Балтийского флота.

Вскоре Покровского арестовали большевики, но ему чудом удалось бежать из-под ареста, скрывшись на территории Болгарии, откуда начались его дальние странствия по государствам Западной Европы, приведшие его в конце концов в Египет, где адмирал с семьей и прожил остаток своей жизни в Каире. Оттуда он порой направлял статьи по теории боевых действий на море в редакцию парижского «Морского журнала». Желание Покровского весной 1918 года быть вне жесткого политического конфликта между Германией, большевиками и руководством императорского Черноморского флота заставило его сделать свой выбор в пользу службы гетману Скоропадскому.

Переход адмирала в «нейтральное» положение не утихомирил закипающие страсти. Прибывший в Новороссийск большевистский представитель Морского комиссариата Федор Раскольников был настроен решительно: русский флот в акватории Черного моря — собственность красных,

и в случае, если германцы будут настаивать на передаче им судов, большевики не остановятся перед затоплением флота. Противодействовать Раскольникову было некому. Адмирал Покровский «умыл руки». Старшие офицеры флота негодовали. Сама мысль о передаче флота германцам, равно как и о его потоплении, казалась им верхом кощунства. Однако Раскольников, связанный обязательствами перед «центральной» властью, если и не горел желанием отдавать флот противнику, то отказаться от плана уничтожения кораблей не желал. Зная настроения в среде морских офицеров, он опасался усиления Белого движения на море. Кроме того, ему был хорошо памятен увод адмиралом Щастным флота из-под носа у германцев в Кронштадт в марте того же года. Та блистательная операция напугала правительство Ленина — Троцкого до такой степени, что смелый и решительный адмирал был расстрелян. Расстрелян, видимо, за то, что сохранил России ее корабли.

Идею Раскольникова о затоплении флота поддерживал и либеральный командир миноносца «Керчь» старший лейтенант Владимир Андреевич Кукель. Он настойчиво проводил мысль о том, что стоит погубить флот в пику германцам, сделав это накануне истечения их ультиматума о возврате кораблей. Ему возражал старший по званию и многоопытный капитан 1-го ранга Александр Иванович Тихменев, командующий в то время Черноморским флотом. Тихменев ссылаясь на боевое настроение команд, их готовность предпринять длительный морской переход для того, чтобы спасти честь русского флота. Видя, что его оппонент все более проникается большевистским духом под влиянием общения с мичманом Раскольниковым, Александр Иванович не стал дожидаться гибели всего флота, уведя в Севастополь в ночь на 18 июня дредноут «Император Александр III» и миноносцы «Жуткий», «Дерзкий», «Беспокойный», «Жаркий», «Поспешный» вместе с транс-

портом «Троян». А утром хватившиеся исчезнувших кораблей красный комиссар Раскольников и его новый помощник старший лейтенант Кукель отдали приказ в срочном порядке начать топить корабли Черноморского флота, остававшиеся на рейде. На дно пошел дредноут «Императрица Екатерина II». Его судьбу разделили и восемь эсминцев — «Капитан-лейтенант Баранов», «Керчь», «Сметливый», «Стремительный», «Фидониси», «Гаджи-бей», «Пронзительный», «Калиакрия» и «Лейтенант Шестаков».

В августе 1918 года, когда Добровольческая армия заняла Новороссийск, ее командование приняло решение о воссоздании русского флота. Комендантом порта был назначен капитан 2-го ранга Потемкин, который сразу же позаботился о том, чтобы собрать под своим началом лучших офицеров флота, различными путями пробравшихся на Юг России. Среди тех, кого он смог сразу же привлечь к работе, оказалось много офицеров Балтийского флота, а также те из них, кто начинал борьбу с большевиками на судах Донской флотилии. На этом фоне резко отрицательно выделялись те морские офицеры, которые служили в Севастополе или прибыли туда на кораблях под руководством Тихменева. Некоторые из этих людей предпочли под разными предлогами не участвовать в белой борьбе, открыто игнорируя призыв Потемкина вернуться в Новороссийск и встать в ряды Белого флота. Впрочем, оставаясь на севастопольском рейде, команды ряда судов подняли на них Андреевские флаги в знак протеста против притязаний германцев на русский флот. В конце ноября 1918 года на смену немцам, вынужденным оставить территорию Украины из-за разгоревшихся революционных событий в Германии, прибыли англичане и французы, союзники России в Первой мировой войне. Радость русских оказалась преждевременной. Английское командование потребовало поднять британские военные флаги и отправило на русские корабли свои команды.

Глава восемнадцатая

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Прибытие союзников по Антанте в русские территориальные воды не оправдало надежд на получение Добровольческим командованием сколько-нибудь значимой помощи по организации национального флота, и даже наоборот — начало мешать усилиям флотского командования по формированию полноценных военно-морских соединений на Черном и Азовском морях. «Союзникам» претила сама мысль о том, что в зоне стратегических интересов их правительств может возникнуть независимая российская эскадра, способная повлиять на их амбициозные планы контроля над акваториями южных морей бывшей Российской империи. Особенную щепетильность здесь проявлял британский парламент, отдававший приказания морским силам Его Величества бдительно предупреждать попытки русских возродить флот в «непосредственной близости» от тщательно оберегаемой монополии контроля Босфора и Дарданелл. Вскоре после прибытия союзников в Севастополь они не только подняли свои флаги на всех исправных миноносцах, таким образом де факто зачисляя их в состав британской эскадры, но и физически захватили немногие русские корабли.

Представители стран Антанты и иных иностранных сил поспешили разделить между собой имевшиеся российские суда. Миноносцы «Дерзкий» и «Счастливый» были взяты англичанами, «Беспокойный» и «Капитан Сакен» оказались в руках французов, как и Р-1 и Р-2. Итальянский флаг поднял «Зоркий», а греки получили «Звонкий». Склады порта подверглись буквально разграблению, и команды кораблей всех наций-союзников тащили оттуда без всякого разрешения все, что находили для себя полезным; в особенности в этом отличились греки с броненосца «Лемнос».

Следом за тем всем русским судам было предписано покинуть Севастополь и двигаться под британскими флагами в турецкий порт Измир. Растерянные командиры и команды были вынуждены подчиниться, ибо приказ исходил от объединенного командования союзных армий. Верные союзническому долгу, корабли легли на курс, уходя вдаль от родных берегов.

А в Новороссийске тем временем продолжалась работа по формированию кадров Белого флота. Попытки создать какие-либо морские силы, непосредственно подчиненные Добровольческой армии, были предприняты еще при занятии Ейска кубанскими казаками генерала Виктора Леонидовича Покровского 25 июля 1918 года. В порту ими был обнаружен неисправный крейсер, принадлежащий некогда пограничной страже под названием «Ястреб», а также несколько катеров и малых буксиров. Капитан 2-го ранга Григорий Федотович Дудкин был назначен командиром этого порта. Григорий Федотович хорошо знал Черноморские порты, будучи еще до октябрьского переворота постоянным членом Комиссии по наблюдению за постройкой кораблей в Черном море по подводной части. Он лично инспектировал ход работ по постройке новых подводных лодок на верфи в Николаеве. Морской штаб при Добровольческой армии немедленно подготовил распоряжение откомандировать в помощь к Дудкину в Ейск несколько морских офицеров. Позже последовало новое назначение. Начальником охраны побережья Азовского моря от Ростова на юг был определен капитан 1-го ранга Николай Николаевич Дмитриев. 2 августа 1918 года два буксира, укомплектованные морскими офицерами, вышли из Ейска, попутно высадив в Приморско-Ахтарской десант казаков. Кубанцы освободили от большевиков все морское побережье, вплоть до Таманского полуострова, где в то время хозяйничали германцы.

Выход Добровольческой армии к морю не принес каких-либо положительных результатов, ибо все уцелевшие после потопления флота в Новороссийске корабли и коммерческие пароходы все равно находились у германцев. В Новороссийском порту остались лишь несколько малых судов, для выхода которых в море Добровольческому морскому штабу требовалось разрешение германского командования, с которым Главнокомандующий А.И. Деникин отказался иметь какие-либо сношения. И все же, несмотря на это, в Новороссийске было образовано Управление Военного порта, и туда стали прибывать морские офицеры, гардемарины и кадеты Морского корпуса. Командиром порта стал капитан 2-го ранга Владимир Николаевич Потемкин. Главной задачей командира порта стало оборудование морскими орудиями бронепоездов и подбор для них соответствующих морских команд. По его собственной инициативе сам Потемкин был впоследствии назначен командиром бронепоезда «Князь Пожарский», а на его место уже в январе 1919 года пришел контр-адмирал Александр Михайлович Клыков, после командовавший портом в Евпатории, а затем ставший начальником 3-го отряда судов Черноморского флота. При ставке Главнокомандующего в Екатеринодаре было организовано морское управление, временным начальником которого был поставлен капитан 1-го ранга Виктор Иванович Лебедев, а с декабря его заменил более опытный штабист вице-адмирал Александр Михайлович Герасимов, вышедший на эту должность из отставки, полученной в 1917 году. Помощником у него стал Лебедев.

В Новороссийске группа офицеров-энтузиастов под руководством старшего лейтенанта Анатолия Петровича Ваксмута, бывшего командира парохода «Кубанец» Донской флотилии, получила предписание от вице-адмирала Александра Михайловича Герасимова. Предписание гласило: команде доверенных офицеров отправиться в Севастополь

и под любым предлогом получить в распоряжение ВСЮР полноценный боевой корабль. Причины для этого шага были весьма существенные. Безуспешная попытка получить военное судно при посредстве самого Деникина, направлявшего некогда письмо адмиралу Василию Александровичу Канину, лишь придала задора упорному в достижении цели Ваксмуту. В Симферополе образовалось марионеточное крымское правительство, не признававшее генерала А.И. Деникина и претендовавшее на принадлежность ему всего, что находилось в Севастополе. Вице-адмирал Канин, которого Главнокомандующий генерал А.И. Деникин недавно назначил командующим Белым флотом, держался совершенно независимо от Екатеринодара и даже сформировал весьма многочисленный штаб. Под предлогом, что крымское правительство противится переводу кораблей в Новороссийск, а также забастовки рабочих на судоремонтном заводе, он не принимал никаких мер для восстановления кораблей. Союзники захватили все транспорты из бывших австрийских и немецких пароходов, но остальные, так же, как пароходы контролируемых правительством обществ, были в распоряжении Добровольческой армии. Однако частные судовладельцы, чтобы избежать всяких реквизиций и большевистской национализации, стремились вывести свои пароходы за проливы. Во избежание этого было опубликовано запрещение для пароходов покидать Черное море без разрешения. Французы иногда более или менее принудительно фрахтовали пароходы для своих нужд; некоторые большие пассажирские пароходы РОПиТ до конца Гражданской войны находились в их распоряжении и, в частности, были ими использованы для репатриации русских солдат и военнопленных из Франции. Но фрахтование пароходов и военных транспортов приносило Добровольческой армии валюту, которой она расплачивалась за покупки за границей самого необходимого.

После ухода немцев первой военной перевозкой была отправка 29 ноября 1918 года на пароходе «Саратов» частей Добровольческой армии из Новороссийска в Керчь и Ялту. Анатолий Павлович Ваксмут, ясно понимавший сложившуюся ситуацию со странным саботажем Каниным приказов Главнокомандующего, горячо взялся за дело. Прибыв в Севастополь, в штаб Украинского флота, он пытался добиться приема у командующего украинским флотом контр-адмирала Николая Ивановича Черниловского-Сокол, но безуспешно. В течение двух недель делегация флота ВСЮР пыталась организовать переговоры, но гетманские адмиралы упорно избегали официальных встреч и уклонялись от переписки. Возрождение русского флота на Черном море даже в столь ничтожном виде, как один корабль, пугало гетманское правительство в Киеве, которому мерещилась в этом неизбежная потеря мнимой независимости. Осознав, что положительного ответа на просьбу командования ВСЮР им так и не добиться, Анатолий Ваксмут и его офицеры поспешили вернуться в Новороссийск. Дело завершилось тем, что ввиду бездействия адмирала В. А. Канина и его штаба приказом Главнокомандующего от 25 марта должность командующего несуществующего флота была упразднена. Вместо этого на должность «Главного командира судов и портов Черного моря» был назначен энергичный контр-адмирал М.П. Саблин, который 2 апреля прибыл в Севастополь. Но время было упущено, так как до эвакуации оставалось менее двух недель.

По возвращении в Новороссийский порт старший лейтенант Ваксмут обратил внимание на стоявший там «бесхозный» ледокол с ободряющим названием «Полезный». Ваксмут доложил морскому министру о том, что переговоры успеха не имели, однако, дабы не откладывать создание Белого флота в долгий ящик, по его мнению, имело смысл «реквизировать» гражданское судно, которое он за-

метил, и вооружить его, положив тем самым начало новой флотилии. Получив одобрение, Ваксмут был направлен в подчинение старшему лейтенанту Сергею Ивановичу Медведеву, назначенному новым командиром ледокола. Стараниями молодых офицеров на ледокол были привезены с завода и установлены 75-мм орудия, и над его кормой ввысь взмыл Андреевский флаг. Анатолий Петрович Ваксмут был назначен старшим офицером «Полезного», а артиллерийским офицером на корабль прибыл лейтенант Балтийского флотского экипажа Сергей Яковлевич Ильвов. Это был испытанный участник 1-го Кубанского похода, который он прошел вместе со своим братом Борисом, тоже лейтенантом Балтийского флотского экипажа и его женой Зинаидой Валериановной Ильвовой, служившей в Морской роте Добровольческой армии сестрой милосердия. Штурманом на «Полезном» стал мичман Михаил Иванович Тихомиров. Судьба ледокола «Полезный» сложилась таким образом, что с первых же дней он как боевое судно принял участие в боевых операциях, курсируя у северо-западных берегов Азовского моря, от Геническа до Мариуполя, и прикрывая с моря боевые операции войск ВСЮР. Позже ледокол был выслан обеспечивать охрану Арабатской стрелки и позиций белых на Ак-Манае.

На эти позиции к ледоколу несколько раз подходила подводная лодка «Тюлень» для оказания кратковременной помощи. Лодкой командовал капитан 2-го ранга Владимир Владимирович Погорельский, бывший некогда русским морским агентом в Британии. Над лодкой, приходившей в надводном положении, развевался Андреевский флаг. Подводная лодка «Тюлень» была заложена 16 августа 1913 года, спущена на воду 19 октября 1913 года. Она успешно участвовала в Первой мировой войне на Черном море и по праву считалась одной из наиболее удачливых русских подводных лодок, что в немалой степени являлось заслугой ее ко-

мандира, тогда старшего лейтенанта Михаила Александровича Кितिцына, отбывшего в 1918 году на крейсере «Орел» в Японию, а после принимавшего активное участие в борьбе с большевиками. Кितिцын ходил на кораблях Сибирской флотилии, и одно время даже заведовал гардемаринскими классами в должности начальника Морского училища во Владивостоке. Его подводная лодка по время войны захватила и потопила только в 1915 году пять парусников. В 1916 году от ее умелых действий пострадали 21 парусник и три парохода, в том числе хорошо вооруженный военный транспорт «Родосто» (6000 т). «Тюлень» привел его, несмотря на возникший на нем пожар, в качестве «приза» в Севастополь. Захват этого парохода является, пожалуй, единственным случаем в нашем флоте, когда подводная лодка после артиллерийского боя с судном противника не только вышла из него победителем, но и сумела привести его в свой порт.

История этого небольшого сражения достойна для отдельного рассказа. Заканчивался четвертый день боевого дежурства подводной лодки «Тюлень» у турецких берегов на важной морской коммуникации противника Зонгулдак — Стамбул, по которой осуществлялась основная поставка угля из Зонгулдакского угольного бассейна. Лодка находилась в надводном положении недалеко от острова Кефкен, когда в 22 часа сигнальщик заметил большой пароход, шедший от Босфора вдоль турецкого берега. По сигналу боевой тревоги орудийные расчеты двух 75-мм пушек заняли свои места, и Кितिцын повел лодку вокруг Кефкена, чтобы опередить пароход, внезапно его атаковать и отжать от турецкого берега в море. Для экипажа «Тюленя» это была не первая артиллерийская стрельба по турецким судам, и всегда после первых же выстрелов турецкие команды покидали обреченное судно, которое затем пускалось на дно.

Однако на сей раз так не произошло. В 22 часа 45 минут с лодки прозвучал первый выстрел, и сразу же в ответ с парохода грянули два орудия (как выяснилось потом, на «Родосто» были 88-мм и 57-мм пушки). Сгушавшаяся темнота, нервное напряжение и нехватка опыта не позволили противнику вести точный огонь. Он, не сумев разобрать силуэт русского корабля, по частоте выстрелов принял подводную лодку за эсминец. Прицелы его орудий были выставлены на 8—10 кабельтовых, в то время как фактически бой шел на дистанции 5—6 кабельтовых. Из 30 выпущенных с парохода снарядов ни один не причинил лодке повреждений. Зато огонь комендоров «Тюленя» был точным. В течение 50 минут с лодки было выпущено 46 снарядов, около 30 из которых попали в цель. Часть команды парохода со своим офицером сбежала на шлюпке. На пароходе вспыхнул пожар, но он выпустил дымовую завесу и упорно не желал сдаваться. Когда на подводной лодке осталось всего семь снарядов для носовой пушки, Кितिцын подвел лодку к «Родосто» и выпустил еще шесть снарядов по цели. Только после этого турецкий пароход стал парить и беззвучно остановился. Лодка подошла к пароходу и подняла из воды восемь человек из его команды. Призовая команда «Тюленя» в составе трех офицеров и около двадцати матросов перешла на «Родосто» и начала тушить пожары, поднимать пары и исправлять рулевое управление. К утру наши моряки повели сильно поврежденный и еще дымящийся «Родосто» под конвоем «Тюленя» к родным берегам. Вечером 31 сентября лодка и плененный пароход в сопровождении эсминца «Быстрый» благополучно пришли в Севастополь. За боевые успехи и героизм во время Первой мировой войны Михаил Александрович Кितिцын был награжден всеми русскими орденами и золотым Георгиевским оружием.

Летом 1916 года все тот же «Тюлень» выполнил поручение командования, довольно необычное для подвод-

ных лодок Великой войны. Штаб Черноморского флота решил обновить карты Варны, что было поручено лейтенанту Кितिцыну. Это было крайне рискованное задание, ибо, как стало известно, вдоль побережья Болгарии германскими минными заградителями были поставлены мины. Однако обновить карты требовала обстановка, так как в штабе флота имелись только устаревшие и крупномасштабные карты Варны. Обсуждая предстоящую операцию, флаг-капитан оперативной части Михаил Иванович Смирнов сказал Кितिцыну, что приказа войти в гавань ему адмирал не даст. Кितिцын тут же решил именно так и сделать. Во время похода на «Тюлене» находился начальник разведки флота капитан 2-го ранга Алексей Аркадьевич Нищенко. В своих воспоминаниях в эмиграции Кितिцын не скрывал терзавших его тогда опасений. На совещании офицеров «Тюленя» было решено идти к берегам нейтральной Румынии, а потом следовать до Варны предполагаемым прибрежным фарватером, которым пользовались румынские и болгарские каботажники.

К Варне лодка подошла благополучно, но у входа в гавань ей довелось испытать несколько неприятных минут, когда пришлось на перископной глубине пересечь каменную гряду, имея под килем всего несколько футов воды. Затем лодка стала медленно продвигаться по заливу, постоянно поднимая перископ. Штурман лодки мичман Виктор Эдуардович Краузе быстро засекал положение «Тюленя», а старший офицер лейтенант Александр Евграфович Маслов осматривал горизонт. Пока штурман наносил на карту курс лодки и ориентиры, Маслов, имевший дар рисования по памяти, зарисовывал виденное. Так прошел целый день. Ночью лодка отошла в открытое море и всплыла, чтобы зарядить аккумуляторы, а утром продолжила свою работу. На сей раз экипаж испытал небольшое потря-

сение, когда килем лодки обнаружил не нанесенную на карту мель. «Тюленю» пришлось буквально «ползти на брюхе». Однако задание штаба флота было выполнено, и Кितिцын вернулся в Севастополь с ценнейшей информацией. В 1917 году продолжился боевой путь «Тюленя», потопившего еще три парусника.

6 октября 1917 года «Тюлень» снова отличился. В 0.50 немного севернее Игнеады лодка заметила крупный пароход. Кितिцын снова зашел со стороны берега и с дистанции 12 кабельтовых приказал открыть огонь. Получив несколько попаданий, пароход «Махи» остановился. Кितिцын по радио запросил из Севастополя корабли для конвоирования приза и 7 октября передал трофей эсминцам «Счастливый» и «Зоркий». Участие в Гражданской войне началось для «Тюленя» с неудачи. 1 мая 1918 года лодка была захвачена в Севастополе германскими войсками, однако потом, перейдя на сторону Белого движения, она оказалась в составе Черноморской эскадры Вооруженных сил юга России.

В 1920 году бывший капитан подводной лодки Кितिцын вместе со своими гардемаринами совершил еще одно плавание из Владивостока в Севастополь к генералу П. Н. Врангелю. В этом переходе ему снова пришлось проявить свой решительный характер. В Порт-Саиде оба корабля отряда Кितिцына были надолго задержаны английским командиром порта. Когда на них стали подходить к концу запасы провизии и угля, разрешения на выход с рейда все еще не было получено. Кितिцын заявил англичанам, что если в течение 36 часов на корабли не будут переданы вода, провизия, уголь и не будет разрешение на выход в море, то он выведет их в Суэц и затопит поперек канала. Через два часа англичане предоставили все необходимое для дальнейшего плавания. Следующим походом легендарного Кितिцына была эвакуация на кораблях из Крыма через Константинополь в Бизерту, а затем эмиграция в США, где в 1923 году

в Нью-Йорке он возглавил «Общество бывших русских морских офицеров в Америке». Скончался М.А. Кителин в 1961 году в возрасте 76 лет.

Глава девятнадцатая

БОРЬБА ЗА КРЫМ

До того, как отправить какие-либо суда к крымским берегам, на базе в Новороссийске под руководством морских офицеров создавались новые команды и возрождался в буквальном смысле флот. Очевидец вспоминал: «В самой глубине громадной... бухты Новороссийска... стоят несколько невзрачных, не покрашенных, с обломанными реями, с заржавленными палубами наших судов. Это можно понять лишь по поднятым Андреевским флагам. Люди, находящиеся на них, не похожи ни на матросов, ни на офицеров: они в грязных, замасленных и покрытых сажей куртках, в военных рубашках защитного цвета, в студенческих тужурках — в чем угодно, и можно лишь по лицам их с трудом угадать, что это новые, «кадетские» команды наших возрождающихся кораблей. Суда эти кажутся развалинами — столько на них навалено хлама и так они невзрачны рядом с громадными английскими транспортом и чистенькими военными судами. Стучат молотки, звенят наковальни, работа с раннего утра до поздней ночи кипит на них. И их там так много, что сомневаешься даже, можно ли будет когда-нибудь создать из них хоть ничтожную боевую силу»¹.

Но именно из этих возрожденных судов, из упорного ежедневного труда постепенно возникал, как Феникс из пеп-

ла, Русский флот. Так был вызван к жизни и разграбленный большевиками и союзниками знаменитый эсминец «Жаркий». Этому кораблю суждено будет прославиться в битве с большевиками, а его командир, лейтенант Манштейн, успешно выведет судно в порт Бизерты. Но весной 1919 года эсминец представлял собой безнадежную развалину. Он был не покрашен, на его палубе и в машинном отделении царил мерзость запустения. Ржавчина потихоньку делала свое дело. Мачта «Жаркого» была безнадежно поломана, винты оборваны, бушприт разбит, а леерные стойки также варварски поломаны. На палубе большевики оставили массу железного хлама: разбитые шлюпки, тросы, бочки и порезанный брезент. Орудия с эсминца были предупредительно сняты и увезены в неизвестном направлении. Лейтенант Манштейн, бегло произведший осмотр судна, установил, что паровые котлы на нем оставались в рабочем состоянии. Машины были запущены до крайности и заржавели, но наличие некоторых запасных частей к ним могло бы существенно поправить дело: судно можно было попробовать запустить.

Невзирая на трудности, молодые люди — студенты и учащиеся ремесленных училищ Новороссийска, — умудрились без помощи портовых кранов перенести на эсминец тяжелые машинные части, решили под руководством самого Манштейна взяться за реанимацию корабля. Главные машины и котлы были разобраны, каждую часть их отчистили в керосине от ржавчины и грязи. В довершение всего, им удалось даже раздобыть одно трехдюймовое орудие. На палубе продолжались работы по установке и других орудий, найденных в городе. Студенты и гардемарины работали над проводкой электрической сети, шпаклевали борта, натягивали рангоут, выпрямляли стойки и одновременно ремонтировали шлюпки и моторный катер.

Все работы проходили в отсутствие самых обыкновенных в мирной жизни, но редких в условиях Гражданской

¹ Терещенко С. К. За честь Родины // Морской сборник. Вып. XXV. № 7—8. Бизерта, 1923.

войны инструментов. Не хватало талей, ключей и отверток. Сообразительная молодежь, конечно, находила нетривиальные решения, но это занимало большое время. Частично ситуацию с дефицитом инструментария помог решить запасной автомобильный броневой дивизион ВСЮР, стоявший неподалеку от порта. Чины дивизиона не только одолжили морякам необходимые инструменты, но и пустили их на территорию своей мастерской. Много времени отнимала работа со вспомогательными механизмами, находившимися в состоянии крайней запущенности. Динамо-машины были сняты с другого корабля. Тратились огромные силы, а обеспечение питанием было неважным. За день работы команда утомлялась настолько, что возвращаться в город, проделывая пешком несколько верст, решались не все. По обыкновению после спуска флага наиболее энергичные члены команды собирались на баке и в лучах последней зари до наступления темноты пели душевные русские песни, а с первыми звездами расходились спать.

Вскоре последовали новые усилия по легализации «Жаркого» в качестве боевой единицы, сопровождаемые жаркими спорами в Морском штабе ВСЮР и тяжелыми поисками кредита на поддержание эсминца в рабочем состоянии. Наконец было найдено несколько тысяч рублей, чтобы обеспечить команду едой. Жить стало веселей. Команда с удвоенным энтузиазмом взялась за восстановление кают-компаний и кормовых жилых помещений, изрядно разграбленных большевиками. Вместе с «Жарким» в порту заканчивалась работа над восстановлением эсминцев «Терек» и «Поспешный». Еще один, «Летчик», был отправлен на пробу. На «Жаркий» были подвезены снаряды для орудий, опробованы котлы, гудок и сирена. На эсминце, впервые за долгое время, начала пробуждаться жизнь...

С визитом на корабле побывал и главнокомандующий А.И. Деникин, прибывший в Новороссийск. Свидетель

встречи вспоминал: «Уже издалека мы увидели его автомобиль с георгиевским значком, быстро катящий к нашей пристани. За ним следовали несколько генералов и штабных офицеров. Команда, кто как был, в разорванных и грязных рабочих одеждах, была немедленно выстроена на шканцах и юте. Офицеры с командиром во главе стояли на фланге у сходни. Генерал Деникин приближался быстрой и уверенной походкой вместе с адмиралом Саблиным. Он был в защитной рубашке с двумя Георгиевскими крестами и знаком Кубанского похода. После рапорта в сопровождении командира и старшего офицера, поздоровавшись... Главнокомандующий обошел миноносец, осмотрел помещения, выслушал объяснения о морской артиллерии, о стрельбе минами, о ремонте машин и котлов, побеседовал с матросами и сошел на пристань. Обычный осмотр, каких бывает немало во всех воинских частях... оставил в нас неизгладимое впечатление. Какое-то бодрое чувство, приток новой энергии и силы воли наполнил каждого из нас, хотелось все сделать для этого человека, идти за ним куда угодно, умереть за него, таким он казался родным, близким и светлым, как сама наша Родина»¹.

Наступало удивительное время побед белых армий, обозначились крупные успехи на всех участках 1200-верстного фронта, и Белый флот устремлялся поддерживать сухопутные силы ВСЮР там, где это было особенно необходимо. В 1919 году на крымском побережье, за исключением «Тюленя», курсировал ледокол «Полезный», еще долго действуя в одиночку против большевистских сил на суше и море. Полагая, что для действий у мелководных крымских перешейков лучшего корабля в русском флоте не найти, старший лейтенант Алексей Алексеевич Остолопов, по

¹ Терешенко С.К. За честь Родины // Морской сборник. Вып. XXV. № 7—8. Бизерта, 1923.

собственной инициативе набрал команду для канонерской лодки К-15, стоявшей в Севастополе. 2 мая 1919 года она пришла в Ак-Манай. На ней прибыла и команда офицеров-добровольцев из Севастополя. Вооружение канонерской лодки составляли всего две шестидюймовые пушки «канэ», однако сам факт пополнения Белого флота еще на одно судно был важен. И никакая, даже самая малая помощь белой армии в то время не была лишней. Так, состоявший из одной подводной лодки, вооруженного ледокола и канонерки, и воевал Белый флот на Черном море.

В конце марта Красная армия, заняв Украину, подошла к берегам Черного и Азовского морей и к крымским перешейкам. 3 апреля французское командование приняло решение эвакуировать Одессу, ввиду отказа многих французских частей воевать с большевиками и революционного движения на кораблях. Эвакуация была затруднена забастовкой русских моряков коммерческого флота, покинувших свои пароходы. Поэтому около двадцати различных судов, в том числе канонерские лодки «Донец» и «Кубанец», были выведены в близлежащий Тендровский залив и там оставлены на якорях. Адмирал Дмитрий Всеволодович Ненюков на яхте «Лукулл» ушел в Константинополь, туда же был отбуксирован транспорт-мастерская «Кронштадт». Всего было эвакуировано 112 различных судов, очевидно, считая и парусники.

Ушли в Севастополь несколько тральщиков и транспорт «Шилка», на который перешли и частично заменили его команду собранные еще ранее на стоявшую в порту с неисправными машинами канонерскую лодку «Кубанец» воспитанники Морского корпуса. «Шилка» был транспортом Сибирской флотилии, посланным адмиралом А.В. Колчаком из Владивостока для связи с генералом А.И. Деникиным. С военным грузом он прибыл в Черное море еще в самом начале 1919 года. За несколько дней до эвакуации старший лейте-

нант Николай Николаевич Машуков с тральщиком «Ольга» и баржей, имея на борту отряд из 78 офицеров, прибыл на остров Березань, где были огромные склады снарядов и военных материалов бывшего Юго-Западного фронта. Офицерский отряд разоружил находившуюся на острове ненадежную караульную команду и приступил к погрузке снарядов.

В течение недели на пришедшие корабли было погружено вручную около 50 000 трех-и шестидюймовых снарядов и некоторое количество минометов, после чего «Ольга» с баржей на буксире, минуя Севастополь, пришла в Новороссийск как раз в то время, когда Добровольческая армия уже явно ощущала недостаток боеприпасов. После ухода «Ольги» команда французского крейсера «Брюи» 12 апреля взорвала на острове батареи и уничтожила все склады. Сформированная в Одессе бригада добровольцев генерал-майора Николая Степановича Тимановского отошла в Бендеры и была интернирована румынами в Тульче.

27 марта 1919 года красные начали наступление на Мариуполь. После двухдневных боев с превосходящими силами и восстания в тылу рабочих заводов добровольцы отошли в порт и в ночь на 29 марта начали эвакуироваться морем. Бронепоезд «Вперед за Родину» пришлось оставить. С моря добровольцев поддерживал отряд французских кораблей в составе миноносцев «Юссар», «Ансень Анри», канонерской лодки «Ла Скарп» и яхты, которые для защиты порта высадили небольшой десант. 29 марта французы заключили с большевиками однодневное перемирие, благодаря которому эвакуация порта прошла спокойно. Пароходы с беженцами и войсками ушли в Керчь, а недостроенные минные транспорты «Грозный» и «Страж» и суда землечерпательного каравана были отведены в Ейск. В порту осталось два буксира, один из которых, под названием «Воля», на следующий день был захвачен миноносцем «Юссар» и при буксировке затонул.

31 марта 1919 года красные заняли Бердянск. В ночь на 29 марта для поддержки отряда добровольцев, защищавшего Арабатскую стрелку и состоявшего всего лишь из двух рот, одного эскадрона и двух орудий, к Геническу пришел уже упоминавшийся ледокол «Полезный» с капитаном 1-го ранга Николаем Николаевичем Дмитриевым на борту. 1 апреля «Полезный» встретил шедший под красным флагом «Ледокол №4», который, после нескольких попаданий, имея тринадцать убитых, выбросился у Генического маяка на берег. В тот же день французский миноносец «Деортъе» обстрелял генический вокзал, разгрузочную станцию красных войск, действовавших против Чонгара и Арабатской стрелки.

Как известно, именно 24 марта из Севастополя в Азовское море вышел «Тюлень», с разрешением французского командования, которое требовалось на каждый выход этой подводной лодки. После захода в Феодосию и Керчь командир лодки связался со штабом генерала Александра Александровича Боровского в Симферополе. Генерал просил его уничтожить находившиеся в Геническе плавучие средства. 27 марта «Тюлень» вышел из Керчи, но после двухдневных попыток пройти между плотными ледяными полями был принужден вернуться. 2 апреля, на этот раз с помощью вооруженного в Керчи одной 75-мм пушкой буксира «Никола Пашич» «Тюлень» подошел к Геническу. Там на внешнем рейде уже стоял «Полезный». На следующий день «Тюлень», несмотря на лед, придвинулся ближе к берегу, обстреляв вокзал и порт, где от его снарядов был поврежден катер пограничной стражи «Коршун» и вспыхнул пожар на стоявших парусниках. Вечером, по просьбе начальника отряда на стрелке, «Тюлень» и «Деортъе» обстреляли скопление большевистской пехоты и кавалерии перед Генической горкой. Всего за день «Тюлень» сделал 120 выстрелов из своих 75-мм орудий.

С утра 5 апреля северный ветер вновь погнал ледяные поля, вследствие чего было нанесено повреждение рулевому устройству подводной лодки, что вынудило «Тюлень» 7 апреля вернуться в Керчь и там, в ремонтных доках, стать на исправление штуртроса и пополнения запасов. 6 апреля на позицию вернулся «Полезный» и 10 апреля к нему присоединился вооруженный в Керчи двумя 75-мм орудиями ветхий колесный пароход «Граф Игнатъев». После прорыва красными перекопских позиций они содействовали отходившим к Ак-Маная частям белой армии. В течение этого времени со стороны мелководного Егорлыцкого залива оборону перекопских позиций поддерживал отряд капитана 1-го ранга Александра Дмитриевича Бубнова в составе малых английских мониторов и речной канонерской лодки К-15. Это была оборудованная в начале 1917 года для действий на Дунае паровая шаланда, по бортам которой навесили принадлежавшую какому-то броненосцу броню, установили броневую рубку, два 150-мм орудия под щитами (снятые, вероятно, при перевооружении «Кагула»), 75-мм зенитку, пулеметы, дальномер и прожектор. Таким образом, грозный для борьбы с берегом корабль оставался слабой машиной, не способной дать больше шести узлов хода.

17 июня 1919 года началось новое наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне, угрожавшее сообщению большевиков Крыма с севером. На 18 июня было назначено наступление войск находившихся на Ак-Манайской позиции. В то же утро крейсер «Кагул» должен был высадить в тылу у красных у местечка Коктебель армейский десант, задачей которого был захват узла дорог, ведущих из Феодосии в глубь Крыма. Сам по себе крейсер, оборудованный по последнему слову военной техники, был мощной ударной силой. Еще в конце 1917 года на крейсере был закончен капитальный ремонт, и его котлы и машины

находились в относительном порядке. Его артиллерия была модернизирована и состояла из четырнадцати 130-мм, двух 75-мм и двух 40-мм зенитных орудий британской системы «виккерс».

В апреле 1919 года под командой капитана 2-го ранга Потапьева, перехитрив немцев и англичан, крейсер «Кагул» ушел из Севастополя в Новороссийск, где и влился в состав 1-го отряда судов Черноморского флота Добровольческой армии. С первых дней в составе Белого флота «Кагул» воевал, принимая участие в высадке морских десантов, обстрелах побережья, занятого противником. За отличные действия против большевиков в ноябре 1919-го года крейсер «Кагул» приказом по Добровольческой армии был переименован в честь героя Белого движения генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова и стал называться «Генерал Корнилов».

Летом 1920 года крейсер «Генерал Корнилов» принимал участие в блокировании Днепро-Бугского лимана, высадке десанта на Кинбурнскую косу и на остров Березань. Периодически вел обстрел батарей крепости Очаков и Николаевского острова, названного позже большевиками «Первомайский». Красные моряки на очаковских батареях нередко проклинали всеми известными им ругательствами белогвардейский крейсер «Генерал Корнилов». Уже позже, в ноябре 1920 года, при эвакуации из Крыма Русской армии генерала Врангеля «Генерал Корнилов» перевез из Феодосии в Галлиполийский лагерь более трех тысяч человек. А пока его боевой путь лишь начинался.

Теплой июньской ночью 1919 года крейсер принял на борт 160 человек при десяти пулеметах 52-го Виленского полка, под командой полковника Королькова. Рано утром крейсер в сопровождении английского миноносца подошел к Коктебелю и с помощью буксира «Дельфин» без со-

противления высадил десант, который быстро пошел вперед и занял поселок Насыпной. После этого «Кагул» с дистанции в 17 км сделал 20 выстрелов по селению Старый Крым, где находились большевистские резервы. Кроме того, установив телефонную связь с начальником десанта, командир крейсера по указанию с суши оказывал ему огневую поддержку. Тем временем десант соединился с прорвавшими фронт левофланговыми частями генерала А.А. Боровского.

Наступление на перешейке было поддержано артиллерийским огнем: со стороны Черного моря — «Мальборо» и другими английскими кораблями, со стороны Азовского моря — «Графом Игнатьевым» и мониторами. Ввиду прорыва фронта и угрозы на севере, красное командование решило эвакуировать Крым и, в частности, Севастополь, но отошедшие на Арабатскую стрелку части все же продолжали сопротивление, и находившиеся в Азовском море корабли оказали сильную поддержку наступавшим по стрелке добровольцам. Семь моторных катеров, вооруженных пулеметами, прошли в Сиваш, и 20 июня судовой десант, высаженный под прикрытием артиллерийского огня, взорвал железнодорожный путь у Геническа. На следующий день десантом был занят остров Бирючий.

22 июня 1919 года была проведена операция с целью занятия последнего находившегося в руках большевиков порта Геническ. По агентурным сведениям и наблюдениям с моря, береговых батарей у Геническа не было и в самом городе почти не оставалось большевистских войск, однако красные выставили заслоны по направлению к Бердянску. Согласно выработанному плану, в ночь на 18 июня 1919 года, при поддержке кораблей отряда капитана 1-го ранга Владимира Ивановича Собецкого, армейский десант силой в 500 человек, которым командовал генерал-майор Залесский, должен был высадиться северо-восточнее Ге-

ническа у деревни Юзкуя. Утром же 18 июня 1919 года паровая шхуна «Перикл» должна была высадить в самом порту сформированную для десанта морскую роту, численностью в 80 человек под командой капитана 2-го ранга Медведева. Два английских миноносца, по замыслу операции, должны были поддержать «Перикл» с воды.

Ночью, после обстрела Юзкуя канонерской лодкой К-15, два болиндера высадили десант, который, встретив сильное сопротивление противника, так и не смог продвинуться вперед. Утром, под прикрытием редких выстрелов английских миноносцев, «Перикл» все же вошел в канал и начал высадку. В это время, совершенно незамеченный из-за проливного дождя, оказавшийся неподалеку от вокзала в Геническе бронепоезд большевиков подошел на близкое расстояние и открыл по «Периклу» беглый огонь из своих орудий и пулеметов. Капитан 2-го ранга Медведев был убит шальной пулей, а «Перикл», пытаясь отойти, сел на мель. От обстрела бронепоезда погибли также лейтенант Василий Михайлович Ёлкин, мичман Цепровский и кадет Морского корпуса Борейша. Часть людей попрыгала за борт, и два гардемарина достигли вплавь английского миноносца, кроме того, еще девять человек были спасены. Большая часть отряда, которая успела высадиться, в надежде на подход десанта из Юзкуя двинулась к центру города, но на главной площади была окружена красноармейцами и принуждена была сложить оружие.

По сведениям большевистских историков, всего тогда красные взяли в плен 87 человек, включая в это число команду «Перикла». Можно лишь удивляться, по какой причине в боевую операцию был послан безоружный пароход, а не канонерская лодка, и почему при планировании десанта опирались на сведения об отсутствии в Геническе артиллерии, которая, как это и вышло, могла прибыть туда в короткие сроки. Десант у Юзкуя к вечеру был взят обратно

на корабли. В течение этого дня «Граф Игнатъев», вооруженные буксиры «Гидра» и «Ольга Мефенити» поддерживали артиллерийским огнем наступавшие вдоль Арабатской стрелки части. В конечном результате Геническ был занят Добровольческой армией лишь 6 июля 1919 года, причем «Граф Игнатъев» содействовал взятию городка с моря.

С того дня все побережье Азовского моря оказалось в руках Добровольческой армии. В августе 1919 года белыми войсками был освобожден Херсон. Большевики, численность которых доходила до пяти тысяч человек, бежали от быстрой атаки 120 офицеров Симферопольского офицерского пехотного полка. Атака была поддержана тяжелыми орудиями «К-17» и «Георгий». На помощь им уже двигался «Жаркий». С кораблей был высажен десант, опрокинувший красные заслоны. Хотя большевистские учреждения в городе были уже эвакуированы, некоторое имущество еще продолжало вывозиться красными под прикрытием боевого охранения. Большевики ожидали наступления, но не ждали, что оно произойдет так скоро. Высадившиеся на берег офицеры начали преследовать побежавших красноармейцев. Со стороны станции слышалась канонада. Два бронепоезда открыли огонь, чтобы прикрыть отступление своей пехоты, но белые уже рассредоточились по улицам Херсона, и орудия большевиков не причинили им вреда. Немного погодя из соседнего селения Алешки подошла белогвардейская рота Виленского полка. Положение десанта укрепились. Остатки красных частей бежали по железной дороге, оставляя городские окраины.

Морской офицер так вспоминал этот победный день: «У самой пристани на песке лежат трупы. Это расстрелянные члены Чрезвычайки, которые не успели бежать: четыре еврея и один бывший офицер. На «Георгии» в трюме

находятся около двадцати арестованных — захваченные советские деятели, из которых некоторые обвиняются в стрельбе по нашим войскам из окон, почти исключительно евреи. На палубе стоит усиленный караул, арестованные ждут полевого суда... Вообще в городе спокойно, царит праздничное настроение, многие дома убраны национальными флагами. Трудно понять, что переживало население. Оно как будто еще не очнулось после долгого кошмара и не вполне осознает, что случилось. Почтенные люди не могут с нами говорить без слез умиления, были случаи, когда при приближении добровольцев женщины и мужчины бросались навстречу из домов и покрывали загоревшие и пыльные лица и руки поцелуями»¹.

Как с точки зрения современного читателя объяснить это проявление крайней эмоциональности населения? Ведь вроде бы не чужеземная армия удерживала до сей поры Херсон, не средневековые монголы, не безжалостные германцы... Ответ можно легко найти у того же мемуариста. Оказалось, что соотечественники сумели превзойти по жестокости иноземцев. Большевики, во имя химерической идеи «мирового пожара», превратили цветущий город в кладбище. «Как страшное напоминание о только что миновшем, в подвалах чрезвычайки и во многих других местах откапывают все новые трупы растерзанных, обезображенных, замученных ею. В последнюю ночь большевиками «выведено в расход» 130 человек, а всего здесь убито 600. Были найдены бесконечные списки новых, обреченных на муку и смерть жертв... В саду были зарыты по горло в землю с проколотыми глазами, обрезанными ушами и носами, с обезображенными ртами заложники. Их было двадцать человек — самые именитые и популярные граждане

¹ Терещенко С.К. За честь Родины. Морской сборник. В. XXVI. № 9 — 10. Бизерта, 1923.

города... Они пробыли восемь часов в земле, и только уходя, большевики (по словам жителей, палачами чрезвычайки были почти исключительно... китайцы) обезобразили их, мучили и закололи штыками... Это было одно из тех ужасных мест, которые густой кровавой сетью покрыли все лицо Земли Русской, покрыли ее, родимую, слезами и муками и превратили ее неисчислимые богатства в голодную смертельную пустыню»¹. К этим горьким словам мало что можно прибавить.

¹ Терещенко С.К. За честь Родины. Морской сборник. В. XXVI. № 9 — 10. Бизерта, 1923.

Раздел третий

БУРИ И ШТОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Глава двадцатая

В СРАЖЕНИЯХ НА ЮГЕ

Говорить о действиях флота в Гражданской войне на на морях, реках и озерах России пока еще непросто. Это задача для огромного объемного исследования будущих историков, когда по-настоящему станут доступны и собраны все имена героев, подсчитано количество судов и их вооружение, а также проанализированы и исторически осмыслены детали всех важных сражений на реках и морях. Сей скромный труд имеет своей целью лишь сообщить определенный импульс тому читателю, который со временем, возможно, и станет преданным историком Русского флота времен Русской смуты, заронить малую искру интереса к личностям этой драматичной борьбы. И потому мы позволим себе остановиться лишь на ряде боевых эпизодов и географических мест на карте нашей страны, где начиналось формирование Белого флота и где он одерживал новые победы над большевиками.

Нужно только заметить, что малая часть конформистов — офицеров и адмиралов Императорского флота — осталась служить большевизму, поддерживать и создавать его флот. Однако все лучшие кадры военно-морских сил России к 1917 году остались верными присяге и продолжали борьбу столько времени, насколько хватило сил и сколько позволяли ресурсы. Богу было угодно попустить победу большевистских сил, но эти лучшие кадры Русского флота, оказавшись на чужбине, и там очень быстро нашли себе применение, и их опыт перенимали во многих странах мира. Вот почему в ходе рассказа автор, отвлекаясь от основной канвы повествования, будет, по возможности, кратко рисовать портреты тех незаурядных морских офицеров, чья жизнь успешно продолжилась и на чужбине и кто был так недооценен в их родной стране.

Весной 1919 года большевистские армии, покончив с Украинской республикой, стали охватывать весь Юг России, постепенно вытесняя добровольческие силы и казаков к побережьям Черного и Азовского морей. Кубань и Новороссийск еще продолжали сопротивление, но главные силы Донской армии были уже окружены большевиками и отрезаны от связи с частями военных сил Юга России. Прорвав слабый фронт добровольцев на Перекопе, большевистские отряды начали вливаться в Крым, грозя гибелью и разрушением всему, что встречалось на их пути. Перед командованием ВСЮР возник вопрос о неминуемой эвакуации Севастополя. Некоторую надежду на успех эвакуации командованию внушал и тот факт, что на рейде Севастополя находилась большая эскадра французских кораблей и несколько британских миноносцев.

В Новороссийске находились англичане. Капитан 2-го ранга Яков Владимирович Шрамченко начал восстанавливать канонерскую лодку «Терец», большинство команды которой составил прибывший из Ялты в день эвакуации

кавалерийский отряд во главе с полковником, с неумной энергией старавшегося вмешиваться во все корабельные дела. Большой транспорт «Рион» должен был идти на буксире и предназначался для эвакуации гражданских лиц. Отход был назначен на 11 апреля, и на борту скопилось около четырех тысяч пассажиров, расположившихся по палубам и трюмам. Среди прочих на транспорт проник и некий «большевистский агент», пронесший в носовой отсек трюма бомбу с часовым механизмом, спрятанную в саквояже. В ранних сумерках произошел большой силы взрыв, разбросавший во все стороны тесно набившихся в этой части судна пассажиров. 21 человек был убит, 79 ранено, среди них женщины и дети. Командиру транспорта капитану 2-го ранга Анатолию Вячеславовичу Городынскому и бывшим вместе с ним на борту девяти морским офицерам удалось энергичными действиями остановить возникшую панику, во время которой несколько человек в ужасе бросились за борт. После того как порядок был восстановлен, около половины пассажиров, опасаясь новых взрывов, покинули транспорт.

По мере возможностей, суда один за другим стали покидать Севастополь. Утром 12 апреля была занята Балаклава, где во избежание захвата большевиками, морские офицеры затопили груженный снарядами транспорт «Батум». Защитить Севастополь от подходившей Красной армии у защитников города возможностей почти не было. Добровольцы располагали только незначительным гарнизоном, в городе имелся батальон греков, несколько батальонов алжирских и сенегальских стрелков и два батальона французского 175-го полка, которые просто отказывались воевать против большевиков. Стоявшие в Северной бухте французские линейные корабли могли, конечно, своей артиллерией создать помеху продвижению красных, но, в случае боев в городе оружейный огонь с кораблей мог причинить ему неисчис-

лимые разрушения. Сами французы также не могли в краткие сроки эвакуировать Севастополь, так как в Северном доке недвижимо стоял их линейный корабль «Мирабо», севший на мель и только что стянутый с камней при помощи крейсера «Кагул». Для заделки пробоин линкора требовалась, как минимум, двухнедельная работа.

15 апреля передовые части Заднепровской дивизии красных заняли Инкерман и подошли к Корабельной слободке. С целью остановить их дальнейшее продвижение, французская полевая артиллерия открыла огонь, но по ошибке обстреляла район Черной речки и находившуюся там добровольческую радиостанцию. В то же утро на флагманский корабль командующего французским флотом адмирала Амета под названием «Жан Бар» прибыли большевистские парламентарии с одним предложением — начать переговоры о заключении перемирия и нейтрализации Севастополя. Их условием было немедленное разоружение отрядов добровольцев и занятых ими кораблей. В связи с этим адмирал Амет послал адмиралу М.П. Саблину письмо следующего содержания, полученное тем лишь вечером 15 апреля: «В интересах сохранности арсенала, которую я вполне надеюсь обеспечить, я Вас прошу приказать “Кагулу” и остальным кораблям, которые Вы хотите увести отсюда, сняться в течение ночи и ближайшего утра. Это будет также соответствовать положению, что Вы лично вместе с морскими офицерами тоже уйдете отсюда, за исключением командира над портом и тех офицеров, без которых нам нельзя обойтись в деле помощи нам по сбережению портовых учреждений. Я считаю также условленным, что тральщики останутся здесь, чтобы очистить минные поля вместе с помощью летчиков».

Коменданту Севастопольской крепости генералу В.Ф. Субботину и полковнику Нолькену адмирал Амет предложил немедленно оставить город и вывести из него

все находившиеся там русские войска. В ответ адмирал М.П. Саблин отправил французскому адмиралу письменный протест. В нем он указал, что такое распоряжение является совершенно неожиданным, ввиду ранее сделанных адмиралом Аметом заявлений, что Севастополь не будет эвакуирован в ближайшее время, а также уведомлял француза о том, что собрать быстро личный состав будет затруднительно, так как многие из людей живут в городе, и что в течение 12 часов нет возможности погрузить на отходящие корабли все необходимое, войска и беженцев. В конечном счете, адмирал Амет, который не имел другой возможности спасти «Мирабо», как заключить перемирие, назначил последним сроком для выхода русских судов 16 апреля в 15 часов, после чего все оставшиеся суда должны были спустить русские флаги.

Ознакомившись с посланием французского адмирала, Саблин приказал всем русским кораблям, имевшим на то возможность, выходить в море для следования в Новороссийск. Один за другим транспорты, некоторые из которых имели на буксире военные корабли, стали покидать Севастополь, и по ним с Корабельной стороны время от времени стреляли из винтовок то ли сами французы, то ли сторонники большевиков. Утром из Северной бухты под флагом адмирала М.П. Саблина вышел «Кагул», а последним кораблем, покинувшим Севастополь в 15 часов, оказалась подводная лодка «Тюлень». В течение двух суток «Кагул», на случай оказания кому-либо помощи, крейсировал у южного берега Крыма, пока не прошли все русские корабли. Своими машинами шли: посыльное судно «Буг», № 7 (бывший миноносец № 273), транспорты и пароходы. Пароход «Дмитрий» вел на буксире подводные лодки «Утка» и «Буревестник». Буксир «Бельбек» — миноносец «Жаркий», «Доброволец» — миноносец «Живой», который с полпути пошел своим ходом. Кроме них шли на буксирах эскадрен-

ные миноносцы: «Поспешный» и «Пылкий», «Строгий» и «Свирепый». Шли на буксире и канонерская лодка «Терещ», посыльное судно № 10 (бывший миноносец № 258) и транспорт «Рион». Вернувшаяся из Каркинитского залива канонерская лодка № 15 ушла в Керчь.

С утра 16 апреля французские линейные корабли «Жан Бар», «Франс» и «Вернио» начали обстрел Корабельной стороны, района Английского кладбища, Малахова кургана, и снаряды частично падали в пригородных кварталах. Делалось это с единственной целью — задержать продвижение к городу красных частей и, может быть, больше для психологического воздействия. Систематический обстрел продолжался и ночью, был остановлен в 10 часов следующего утра, когда прибыли парламентареры, уполномоченные командованием 2-й украинской Красной армии. Адмирал Амет, как старший на рейде, от имени всех союзников заявил, что к 30 апреля союзные войска будут эвакуированы из города и русские подводные лодки, которые находятся в порту, будут потоплены, а также что все русские миноносцы и боевые корабли будут приведены в негодность путем взрывов цилиндров машин.

Желая спасти корабли, начальник советской делегации спросил, нельзя ли этого избежать, если украинское советское правительство даст гарантию, что корабли не будут употреблены для действий против союзников. На это предложение адмирал ответил, что советское правило никем не признано и никаких обещаний и гарантий от него он не примет. В конечном результате было заключено перемирие. Вместе с тем на французских кораблях произошли революционные выступления матросов, и 20 апреля в городе была большая манифестация французских солдат и матросов, к которой присоединились и гражданские лица.

Привести в негодность корабли взялись британские офицеры с линейного корабля «Император Индии». Уже

за два дня до ухода «Кагула» по распоряжению союзного командования буксиры вывели с базы 12 подводных лодок, на которых не было команд, и поставили на одну бочку Северной бухте. В окружении адмирала М.П. Саблина предполагали, что это было сделано во избежание захвата лодок красными, в случае их внезапного вторжения в город, и для облегчения дальнейшего увода лодок союзными судами. Если бы адмирал Саблин знал, что готовят ему союзники, он, очевидно, принял бы меры для спасения лодок.

Увы, без ведома адмирала 26 апреля 1919 года подводные лодки «Орлан», «Гагара», «Кит», «Кашалот», «Нарвал», «АГ-21», «Краб», «Скат», «Судак», «Лосось» и «Налим» были выведены французами на внешний рейд. Там они были потоплены подрывными патронами на большой глубине. Подрывные команды английских матросов взрывали крышки цилиндров высокого давления и иногда упорные подшипники не только на шести старых линейных кораблях, крейсере «Память Меркурия», эскадренных миноносцах «Быстрый», «Жуткий», «Заветный», но, на старых номерных миноносцах и служившем казармой транспорте «Березань». Лишь штабной корабль «Георгий Победоносец» почему-то избежал этой участи. Французы занялись приведением в негодность орудий береговых батарей и разгромили базу гидроавиации, уничтожив все находившиеся на ней самолеты. Оставшиеся в их распоряжении десять летчиков с капитаном 2-го ранга Михаилом Андреевичем Крыгиным во главе, которые по заданию французского начальника войск вылетали на разведку, получили разрешение грузиться на транспорт «Почин», на котором был поднят греческий флаг, ушедший в Пирей с беженцами-греками.

Михаил Андреевич Крыгин, человек необычной судьбы, боролся с большевиками и после того, как окончилась Гражданская война в России. После эвакуации и жизни в тунисской Бизерте он продолжил службу в рядах испанской гидро-

авиации в Марокко, в 1936 году поступил на службу добровольцем в авиацию Франко и погиб, будучи захваченным и расстрелянным испанскими большевиками в 1937 году.

А пока на дворе был 1919 год и продолжалась благородная борьба белых против большевиков. Французы тем временем грузили на транспорты войска и их материальную часть, но, кроме того, тащили все, что попадалось им под руку со складов порта. И даже поставленный ранее в Северной бухте на якорь крейсер-яхта «Алмаз» был тайком уведен ими в Константинополь. В это время пришел из Новороссийска пароход «Святой Николай», командиру которого адмирал М.П. Саблин поручил попытаться забрать остававшиеся на складах в Севастополе снаряды. О прибытии парохода Добровольческой армии доложили французскому адмиралу, и тот не замедлил запретить погрузку в трюмы судна чего бы то ни было. Более того, француз приказал на все время пребывания парохода в Севастополе спустить на нем Андреевский флаг. После интенсивного ремонта «Мирабо» смог, наконец, выйти из дока и на буксире французского линейного корабля «Жюстис» на малом ходу ушел в Константинополь, оставив по недостатку времени снятые с него тяжести в доке.

Немного позже, когда главнокомандующим Русской армией в Крыму стал барон Петр Николаевич Врангель и русское правительство на полуострове всеми способами стремилось получить валюту для покупки за границей угля, более тысячи тонн броневых плит «Мирабо», оставленных в Севастополе, были погружены предприимчивыми врангелевскими интендантами на пароход. Пароход взял курс на Константинополь, а затем, пройдя через Босфор, добрался до итальянского порта, где весь его груз был продан местным предпринимателям. 28 апреля была закончена эвакуация французских войск. Во второй половине следующего дня, когда большевистские войска победителями

вступили в город, французский корабль «Жан Бар», последний из французской эскадры, еще оставался в порту и вышел из бухты лишь 1 мая.

Пришедшие на буксире в Новороссийск русские корабли требовали самого серьезного ремонта. За время непрерывных походов во время Первой мировой войны и более чем года стоянки в Севастополе, оставаясь, говоря мягко, без присмотра, механизмы и главным образом котлы пришли в весьма плачевное состояние. Механизмы машин были покрыты ржавчиной и грязью, вся утварь, инструмент, весла и паруса со шлюпок, сигнальные флаги и даже мелкое электрическое оборудование было расхищено союзниками и люмпен-пролетариатом, тащившим у «буржуев» все, что попадалось на глаза, включая даже обивку мебели в каюткомпаниях, которая оказалась варварским образом срезана.

Новороссийск, хотя и являлся большим коммерческим портом, исторически не имел собственных ремонтных мастерских, и лишь в конце 1917 года, когда в город было эвакуировано отделение Ревельского судостроительного завода, в нем появились первые ремонтные цеха. На момент же описываемых событий в них почти не имелось ни требуемых материалов, ни достаточного количества квалифицированных рабочих. Дока в Новороссийске также не было, и лишь в июне, после занятия Мариуполя Добровольческой армией, буксир «Черномор» притащил оттуда одну секцию плавающего дока, которая могла поднимать суда до подводных лодок включительно, однако оказалась весьма тесной для нефтяных миноносцев. Самое незначительное количество флотских запасов, к тому же погруженных наспех и без должной системы, удалось вывезти из Севастополя.

Ремонт первых прибывших сюда из Севастополя кораблей производился вначале малочисленными и неопытными командами, под руководством малочисленных офицеров — инженер-механиков. Постепенно им удалось попол-

нить свои команды, главным образом за счет желающих, происходивших в большинстве своем из учащих приморских городов, и даже некоторых кубанских казаков. Специалистов из числа матросов Императорского русского флота почти не осталось, за исключением тех, что служили на эскадренном миноносце «Поспешный» и на который так старался привлечь их его командир, капитан 2-го ранга Николай Рудольфович Гутан, проживший остаток своих дней в эмиграции в далеком Тунисе.

Прибывавших новобранцев требовалось обучать всем премудростям службы, что было сравнительно нетрудным делом при участии бывших боцманов и мичманов Императорского флота. На транспорте «Рион» для новобранцев из числа учащейся молодежи ими были организованы школы сигнальщиков и радиотелеграфистов, а на большой барже № 69 даже образован флотский экипаж. Большинство из служащих на кораблях сухопутных офицеров Добровольческой армии были списаны на берег, и их места постепенно занимались морскими специалистами своего дела. Впрочем, вскоре и им нашлось достойное занятие, учитывая их изначальную приверженность мореходству. В конце июля по просьбе адмирала А.В. Колчака, в армии которого была большая нехватка командного состава, во Владивосток был послан пароход «Иерусалим», имевший на борту более двухсот сухопутных офицеров. Все возрожденные суда приняли самое активное участие в августовских боях белых десантов 1919 года в Крыму.

Об одном таком бое и о взятии Николаева сохранился яркий рассказ его участника: «Солнце показалось над Николаевом, своими первыми лучами ударило по неприятельским позициям и светило красным прямо в глаза. И по таинственному сигналу все вдруг загрохотало, затрещало, зашумело и заволновалось. Залпы, разрывы снарядов, трескотня пулеметов, ружейная пальба — все смешалось в

один непрерывный шум начинавшегося боя. Мы его еще не видели, и только дым от пороха и пожаров вдруг повалил из-за темного еще мыса... Мы присоединились к Грозному... и открыли огонь по огородам. Там окопались части красных, как говорили — спартакowцы (эти части были составлены главным образом из немецких и австрийских военнопленных, выпущенных большевиками из сибирских лагерей). Вначале ими командовали еврей-комиссары, а также наши матросы, чем и следует объяснить необдуманные контратаки, вроде описанной ниже... За нами, шагах в двухстах, показались цепи красных. Они шли в решительную контратаку. Их цепи были гораздо гуще наших. Они шли плечом к плечу... Грянули залпы, один за другим, сотрясая наш миноносец. Нас поддержал ушедший несколько вперед «Грозный»... Крики «ура!» смешались с грохотом разрывов и свистом осколков, которые почти долетали до нас обратно. Все смешалось с черным дымом, который бывает при пожарах нефти, и непроницаемые клубы его прорезывались как молниями, непрекращающимися короткими вспышками разрывов все новых снарядов. Все горело, все было покрыто мрачным смертельным покровом. Разбивались дома, обрушивались крыши, летели обломки каких-то бесформенных предметов. Это был настоящий земной ад... Трудно представить себе эту картину царящей смерти, которая немилосердно косила с полного плеча свои беспомощные жертвы... “Так им и нужно, разбойникам!” — говорили с непонятной радостью наши матросы. Не думаю, чтобы при всяком другом враге можно было бы испытывать такие зверские чувства. Но методы большевистских чрезвычайок приносили уже свои плоды, развивая в людях самые отвратительные инстинкты... Наша пехота бросилась вперед. То были Виленский и Симферопольский полки. Они ворвались в деревню... Стрельба умолкла. Был слышен тяжелый ровный топот солдатских ног по мосту. За ротами катились пулеметы

и патронные двуколки. Среди серых, запыленных солдат ярко выделялась высокая фигура старшего лейтенанта Сергея Георгиевича Романовского, герцога Лейхтенбергского. Он быстро шел в синем морском кителе и белых брюках, держа винтовку наперевес. Наша команда приветствовала его громкими криками “ура!”, но он, видимо, не понимал, что это относится к нему, и быстро скрылся за домами горящей Варварки»¹.

Глава двадцать первая

НА ВОДАХ БАЛТИКИ

По-разному складывалась судьба флота на других фронтах. Возрождение Добровольческого флота во многом тормозилось не столько действиями противника и его подпольных организаций на территории, свободной от большевизма, сколько усилиями союзников. И первой среди них в своей деструктивной политике на территории России преуспела Великобритания. После прибытия на Балтику английской эскадры обстановка там резко изменилась не в лучшую сторону. В задачи появившегося еще в конце 1918 года у устья Финского залива английского флота не входило оказание существенной помощи зарождавшимся там силам сопротивления против коммунизма. Зато помощь британцев оказалась достаточной для того, чтобы поддержать отделение Эстонии от России. При таком отношении союзников России к Белому делу нельзя было и подумать о возрождении морских сил в составе Северо-Западной армии. Лишь в Нарве, стараниями русских добро-

¹ Терешенко С.К. За честь Родины. // Морской сборник. В. XXVI. №9 — 10. Бизерта, 1923.

вольцев организовалась небольшая речная флотилия под командованием капитана 1-го ранга Дмитрия Дмитриевича Тыртова, бывшего командира линкора «Гангут». Некоторые морские офицеры и гардемарины влились в сухопутные части. Особенно много моряков было в Печорском полку, где батальоном командовал доблестный капитан 1-го ранга Георгиевский кавалер Павел Оттонович Шишко до того, как стал командовать батальоном танков, а ротами — капитаны 2-го ранга Михаил Александрович Бабицын, Владимир Александрович Беклемишев, Михаил Николаевич Ромашев и Георгий Евгеньевич Вейгелин.

Судьба последнего примечательна тем, что еще в июне 1919 года он командовал бронепоездами «Адмирал Колчак» и «Адмирал Эссен», затем 1-й ротой тяжелых танков, а после того, как Юденич распустил свою армию, решил остаться в Эстонии. Для переезда и проживания там он имел преимущества как кавалер креста Свободы, учрежденного правительством Эстонии за участие в так называемой Освободительной войне, как оно называло свое противостояние России. Вейгелин прожил в Эстонии довольно долго, и в 1939 году, движимый желанием поселиться на земле предков, выехал в гитлеровскую Германию. В 1945 году он был призван в ряды местного фольскштурма, принимавшего участие в обороне польского города Путцига, где и погиб во время атаки советских танков. А тогда, в 1919 году, общая численность моряков, принявших участие в Северо-Западной армии, достигла 250 человек. Половина из них погибла в неравных боях с противником во время наступления на Петроград и многочисленных местных боях. Армия генерала Юденича, первоначально стремительно подходившая к Петрограду и ненадолго занявшая Стрельну, Лигово и Пулково, с переломом ситуации в пользу большевиков принуждена была отступить к границам Эстонии, а после того, как эстонское правительство заключило мир с Советами, и пре-

кратить в начале 1920 года борьбу вообще. Морские офицеры, уцелевшие в боях, разделили судьбу многих подданных Российской империи, вынужденных покидать Отечество или поступать на службу во флоты союзников.

Судьбы кораблей и их экипажей на Северо-Западе России каждая по-своему неповторима. О многих офицерах флота, вставших на защиту Отечества, и кораблях, чьи истории по-своему уникальны и неповторимы, можно написать отдельную книгу. Но мы ограничимся лишь частным эпизодом, характеризующим как нельзя лучше русский боевой дух флота и верность его чинов однажды данной присяге на верность своему Отечеству. В 1919 году приняв британскую эскадру за силу, пришедшую в Финский залив, чтобы помочь Белому делу, командир тральщика «Китобой» первым, спустив красный флаг, поднял Андреевский и увел судно в расположение британской эскадры. К его удивлению, судно было ими немедленно задержано, что заставило большую часть команды перебежать к англичанам с просьбой принять их на службу. Британцы не торопились с ответом, но зато буквально ограбили сдавшийся им корабль. С тральщика забирали все, что попадалось под руку, при этом не пощадили даже частные вещи офицеров и команды. Через несколько дней передали тральщик как судно, не имеющее боевого значения, в распоряжение Морского управления Северо-Западной армии.

Сдавшиеся еще 27 декабря 1918 года новые эскадренные миноносцы «Автроил» и «Спартак» (бывший эскадренный миноносец «Капитан Миклухо-Маклай») британцы решили безвозмездно передать эстонцам. На «Китобой», возвращенный русскому командованию Северо-Западной армии, был набран новый личный состав из офицеров и добровольцев, а командиром его назначен лейтенант Оскар Оскарович Ферсман, происходивший из дворян Лифляндской губернии и служивший некогда в 1-м Балтийс-

ком флотском экипаже. До того как возглавить команду посыльного судна «Китобой», Ферсман, как человек технически подготовленный, командовал в составе Отдельного танкового батальона сухопутных сил Северо-Западной армии Юденича танком.

Этому доблестному офицеру суждено было еще раз поддержать честь Андреевского флага, а его маленькому судну быть последним носителем этого флага на водах Балтийского моря. Опасаясь захвата «Китобоя» эстонцами после ликвидации Северо-Западной армии в феврале 1920 года (что действительно вскоре и случилось с четырьмя моторными катерами), контр-адмирал Пилкин придумал для него особый выход. Владимир Константинович снабдил Ферсмана некоторым количеством денег и запасами топлива и провизии, достаточными для похода судна в Копенгаген, а оттуда приказал ему, если окажется возможным, пробраться в Мурманск, в распоряжение генерала Миллера. Личный состав тральщика был подобран из числа добровольцев, в которое входили 15 морских офицеров.

Под покровом темной зимней ночи, не замеченный беспечными эстонцами, «Китобой» тихо вышел из Ревельской гавани и вскоре добрался до Копенгагена, где встал на якорь на несколько месяцев. На рейде Копенгагена в описываемое время стояла 2-я бригада крейсеров британского флота, под флагом контр-адмирала Кована, в составе которой были три легких крейсера и пять эскадренных миноносцев. На другой день после прихода «Китобоя» флаг-офицер британского адмирала доставил лейтенанту Ферсману письменное требование спустить на судне Андреевский флаг, так как этот флаг больше не признается английским правительством. Лейтенант Ферсман ответил, что Андреевский флаг им спущен не будет. На его заявление со стороны британцев не последовало никаких действий, но на следующее утро адмирал Кован сам прибыл

на «Китобой», чтобы сделать смотр этому небольшому русскому кораблю, и затем, подойдя к лейтенанту Ферсману, важно произнес: «Я надеюсь, что каждый британский морской офицер в подобном положении поступил бы столь же доблестно, как это сделали вы». Заботами вдовствующей императрицы Марии Федоровны, проживавшей в те дни в Копенгагене, «Китобой» был снабжен датскими поставщиками углем и провизией для своего дальнейшего следования. «Китобой» благополучно добрался до Севастополя, а перед самой его эвакуацией, в ноябре 1920 года, вместе с Русской эскадрой ушел в Бизерту, где и разделил участь обреченных на бездействие и разрушение кораблей.

Вообще же, политическое и военное положение на севере России в период смуты 1917—1920 годов было по многим причинам настолько сложно и запутанно, что разобраться в нем сможет лишь будущий объективный историк, предварительно изучивший в деталях международные до-революционные взаимоотношения России, Германии, Англии, Франции и прочих государств.

Глава двадцать вторая

БОРЬБА НА СЕВЕРНЫХ РУБЕЖАХ

Русский Север, удаленный от мятежной столицы и вообще от центральной большевистской власти, оставался тем не менее под постоянным ее прицелом. Большевистские лидеры в Петрограде никогда не скрывали своего намерения укрепиться на этих важных для Российской державы рубежах. Идея создания белого фронта на Севере появилась впервые у группы русских патриотов в Петрограде вскоре после октябрьского переворота. Почти одновременно с тем народным социалистом Н.В. Чайковским была

создана тайная организация под названием «Союз возрождения России». От британцев в Архангельск под фамилией офицера британской службы Томсон был направлен капитан 2-го ранга, кавалер ордена Св. Георгия, ставший им еще в бытность командования отрядом миноносцев в Балтийском море, Георгий Ермолаевич Чаплин. С ним руководители «Союза возрождения» уже в Архангельске вступили в связь и со своей стороны предложили ему принять на себя роль военного руководителя в предстоящем выступлении. Вместе с капитаном Чаплиным и так называемым «Национальным центром» несколько позже в Архангельске появился специальный отряд для содействия подготавливавшемуся восстанию.

Кроме этих организаций, еще задолго до самого восстания, в Архангельск начали стекаться через Мурманск и труднопроходимые леса Карелии, в порядке личной инициативы, офицеры всех родов войск и, прежде всего, офицеры Балтийского флота. С ними вместе на Север прибывали и гардемарины, чье учебное заведение в Петрограде было закрыто по постановлению большевистского комиссара по военным и морским делам Троцкого. Молодые воспитанники Морского корпуса, Отдельных гардемаринских классов и Морского инженерного училища пробирались на Север по одиночке и группами. Их основной целью стало активное участие в свержении советской власти в Северной области.

С 1 на 2 августа 1918 года после ликвидации в Архангельске советской власти во главе освобожденной Северной области возникло «Верховное управление» под председательством Н.В. Чайковского. Это социалистическое управление Северной области просуществовало всего лишь месяц. 6 сентября 1918 года командующий русскими вооруженными силами на побережье Белого моря Георгий Ермолаевич Чаплин приказал арестовать правительство социалистов, а самих демагогов из правительства отправил на Соловецкие ос-

трова. С начала октября 1918 года разогнанное правительство было заменено демократическим временным правительством Северной области, но из-за давления британского командования во главе его по-прежнему остался тот же народный социалист Чайковский. По настоянию британцев командование русскими вооруженными силами от капитана 2-го ранга Чаплина было передано полковнику Генерального штаба Дурову. Все молодые морские офицеры и гардемарины, пробравшиеся с берегов Балтийского моря в Северную область еще с конца 1918 года, служили в так называемом «Дивизионе истребителей» на Белом море и сражались с большевиками на сухопутном фронте, проходившем по берегам Северной Двины и Пинежскому району. Часть этой морской молодежи поступила на флотилии Ледовитого океана. С присущей молодости пылкостью они возмущались как двойственной политикой союзников, так и излишним бюрократизмом отечественных русских военных учреждений Северной области.

Последнее обстоятельство в известной мере объясняется тем, что в начале Белого движения в учреждениях области сидели те же люди, во главе с контр-адмиралом Викорстом, что служили большевикам до самого переворота 1918 года. Они сумели задержаться с помощью слабо разбивавшихся в русской политической жизни британцев на тех же должностях и при белой власти. И столь же «успешно» продолжали творить свое дело развала флотилии, по большей части внося дезорганизацию в структуры Белого флота, до той поры, пока неожиданно на Русский Север не прибыл недавно назначенный командир Мурманского военного порта капитан 2-го ранга Дмитрий Осипович Дарган. Он известил, что по решению главнокомандующего русскими войсками Северной области генерала Е. К. Миллера будет произведена реорганизация флотских частей, в результате которой не только отдельные офицеры, но и весь

дивизион, по готовности, будет отправлен на Онежское озеро. Там дивизион должен будет поступить под командование начальника Онежской озерной флотилии капитана 1-го ранга Андрея Дмитриевича Кира-Динжана, бывшего командира дивизиона сторожевых катеров Балтийского флота, обладавшего исключительным опытом по организации и руководством этими специальными морскими единицами.

Оставалось выяснить лишь некоторые технические детали реорганизации «Дивизиона истребителей», например возможен ли провод истребителей из Кеми по железной дороге в Медвежью Гору — опорный пункт флотилии на Онежском озере. Сам Андрей Дмитриевич Дараган осмотрел, вместе с приехавшим с ним лейтенантом Борисом Капитоновичем Шульгиным, имевшиеся на тот момент истребители, определив возможность перевозки их на платформах. Отбытие их с железнодорожного вокзала Архангельска было назначено на 1 июня 1919 года.

После трехнедельной, крайне напряженной и ответственной работы по приведению истребителей в боевую готовность их флотилия была спущена на озеро. 29 июня 1919 года боевое ядро Онежской флотилии под брейд-вымпелом своего начальника покинуло Медвежью Гору и ушло в село Шуньгу за Ажейским маяком, на предназначенную для нее базу. Каждый из катеров-истребителей был вооружен тремя пулеметами и одним 47-мм или 57-мм орудием. Уже 3 августа 1919 года, вблизи Мег-Острова, три белых истребителя во главе со «Светланой» — их главным катером, атаковали три большевистских корабля, каждый из которых был вооружен намного сильнее всех трех белых катеров, вместе взятых. Между противниками завязался самый упорный бой, в результате которого красный бронированный катер, вооруженный двумя горными трехдюймовыми орудиями и двумя пулеметами в башенной уста-

новке, выбросился на берег. Та же судьба постигла и двухвинтовой пароход «Сильный», вооруженный двумя 75-мм морскими орудиями, одним зенитным 37-мм орудием и многими пулеметами. После того как победа над красными судами была одержана, «Сильный» был снят с мели, исправлен и включен в состав белой флотилии.

Стычки на Онежском озере с неприятельскими военными судами участились, но преимущество в опыте и умении все время оставалось на стороне белых, численность рядов которых не уменьшалась, а только увеличивалась взятиями у противника «призами». 17 августа 1919 года белым десантом была занята Кузаранда, а за ней — Пудожская Гора. С боями отбивались у большевиков дальнейшие пункты побережья. Вследствие череды поражений красных на воде серьезная угроза нависла и над Петрозаводском, где временно воцарились большевики. Большевистское командование, пользуясь системой водных каналов, соединявших Балтийское море с Ладожским и Онежским озерами, направило последние свои крупные подкрепления, вплоть до миноносцев, чтобы противостоять успешно действовавшей Онежской флотилии белых, что и решило исход Гражданской войны на водах Севера. Белая борьба в тех местах закончилась трагически...

Брошенные, как и надо было ожидать, союзниками на произвол судьбы, белые воины были побеждены не силой на фронте, а внутренним переворотом, совершенным пропагандированным населением, еще не успевшим познать на своем опыте черные стороны большевистского правления. Таким образом, получилось, что Архангельск и Мурманск попали в руки красных раньше, чем стоявшие на фронте белые части, которым пришлось пройти трудный путь, отступая к границам Финляндии, смогли защитить их... Лишь одной группе морских офицеров и гардемаринов удалось уйти из Архангельска на ледоколе «Минин»

и снять в море другую группу с ледокольного парохода «Русанов». Еще одна большая группа морских офицеров должна была в последнюю минуту покинуть Мурманск на эскадренном миноносце «Капитан Юрасовский». На миноносце вспыхнул бунт, инспирированный большевистским подпольем, и во время завязавшейся борьбы смертью храбрых погибли его командир лейтенант Николай Адамович Милевский, лейтенант Владимир Дмитриевич Державин из Онежской флотилии и некоторые другие офицеры. А в кают-компания миноносца восставшими был найден застрелившийся лейтенант Павел Павлович Аннин, тоже доблестный участник Онежской эпопеи и выпускник петроградского училища правоведения.

Личный состав находившихся на Двинском фронте морских бронепоездов, под командованием капитана 1-го ранга Юлия Юльевича Рыбалтовского, после большевистского переворота в Архангельске принужден был оставить свои поезда и отступить пешком к Мурманской железной дороге, но, не дойдя до станции Сороки, оказался окруженным в деревне Сухое и сдался. Командир отряда Рыбалтовский вместе со своими офицерами был расстрелян в Холмогорах в марте 1920 года. Среди убиенных большевиками были и старший лейтенант Александр Александрович Лобода, командир бронепоезда «Адмирал Колчак» капитан 1-го ранга Николай Алексеевич Олюнин, старший офицер «Чесмы» и бронепоезда лейтенант Юрий Николаевич Витте, а также титулованные мичманы — граф Георгий Александрович Гейден и барон Платон Алексеевич Рокоссовский. Лишь нескольким смельчакам, в том числе лейтенанту Яновицкому, инженеру-механику лейтенанту Николаю Петровичу Миловскому и старшему гардемари-ну Еловскому удалось отбиться от красноармейцев, окруживших деревню, и на лыжах пройти многие версты до финляндской границы.

Трагической участи также не избежали офицеры и гардемарины, находившиеся в Медвежьей Горе. Вместе с группами летчика лейтенанта Александра Дмитриевича Мельницкого и командира десантной роты лейтенанта Александра Гергиевича Вуича большевиками были захвачены и расстреляны несколько других моряков Белого флота. Среди них лейтенант Бруно-Станислав Адольфович Садовинский, лейтенант Иван Александрович Добромыслов, мичман Глеб Петрович Католинский, старший гардемарин Алексей Хмылино-Вдовиковский, Петр Светухин и многие другие. Старший кадет по фамилии Былим-Колосовский сумел бежать из тюрьмы Петрозаводска, но оказался пойман всего в нескольких верстах от финской границы. На обратном пути он был убит конвоирами. Некоторые из захваченных большевиками офицеров все же сумели сбежать и затем пробраться в расположение ВСЮР, но далеко не все. Большевики были особенно беспощадны к тем из них, кто стремился вступить в сражавшуюся в Крыму Русскую армию барона Врангеля.

Укреплялся и контроль границы. Большевики опасались скорее не внешнего вторжения, а попыток офицеров Императорской армии уйти из их рук на запад, восток и юг. Лейтенанту Евгению Александровичу Максиму с неимоверными трудностями удалось уйти на лыжах из лагеря Медвежьей Горы в Финляндию, но и этот смелый офицер позднее погиб при повторном нелегальном переходе границы уже с разведывательной целью. Лишь одной большой группой, составлявшей команду бронепоезда «Адмирал Непенин» под руководством капитана 2-го ранга Николая Модестовича Лемана, сражавшейся на Мурманском фронте вместе с примкнувшими к ним другими офицерами и гардемарины неимоверными усилиями удалось пробиться в Финляндию, где она была интернирована финляндскими пограничниками. Принимавшие участие в белой

борьбе и ушедшие в Финляндию гардемарины почти полным составом позднее прибыли на юг России. Участники же белой борьбы в водах Ледовитого океана под командой славного капитана 1-го ранга Сергея Матвеевича Поливанова после падения Северного фронта, сняв замки с пушек кораблей, лишенных возможности двигаться, с боями провалились к норвежской границе.

История произнесет свой приговор, но печальна история народов, которые не знают геройских подвигов во имя любви к Родине, ничтожна та страна, которая не сумела воспитать самоотверженных сынов! Участникам этой борьбы, свидетелям той жертвенности, того огня, которым горели все морские офицеры и гардемарины, положившие «душу свою за други своя», их судьба определила две задачи: стараться выполнить то, что не было достигнуто в Гражданской войне, помнить о погибших и молиться за тех, кто смертью своей доказал свою любовь к Родине...

Глава двадцать третья

КТО ВЛАДЕЕТ КАСПИЕМ...

География то возраставшей, то затихающей постоянной борьбы с большевиками, была широка. Добровольческий флот существовал и на Волге, и даже на Каспии. Многие офицеры флота и адмиралы понимали, насколько важен контроль над Каспийским морем и всем течением Волги. Располагая этим водным рубежом, Белый флот мог бы получить возможность беспрепятственной связи с бывшими русскими союзниками по Антанте через персидский порт Энзели, а также обеспечил бы себя материально на все время предстоящих военных действий. Ведь контроль над Каспийским морем означал владение поистине несмет-

ными богатствами Бакинского нефтяного района, хлебородными приволжскими губерниями и богатым рыбой Каспийским морем. Кроме того, через посредство Волжского водного пути Белый флот получал возможность фактически соединиться с пребывавшим в Омске верховным правителем России адмиралом Колчаком, что удвоило бы белые силы и увеличило влияние всего Белого движения. Тогда же было решено воссоздать белую военную Каспийскую флотилию, постоянной базой которой являлся прежде порт Баку. Вскоре начался набор сохранившихся в распоряжении командования морских кадров для ее укомплектования, но, так как таковых набралось немного, набор в значительной степени пополнялся всякими добровольцами. Все остальные были «морской» молодежью — в лучшем случае мичманами.

Первый эшелон под командой капитана 1-го ранга Бориса Михайловича Пышнова уже отправился в путь, предполагая до выяснения обстановки основаться в городе Петровске. Начальником Каспийской флотилии был назначен капитан 1-го ранга Николай Николаевич Сергеев, незадолго перед своим назначением приехавший в Екатеринодар из Тифлиса. На самом Каспии в состав отряда вошло всего девять двухмачтовых парусных шхун, из них семь были вооружены, а две как бы являлись транспортными. Вместо названий шхуны получили номера. Экипаж шхун наполовину состоял из добровольцев, наполовину — из тех же каспийских рыбаков. Тут были и два-три кондуктора флота, и несколько старых матросов военного флота, и юнкера, и гимназисты. На каждой шхуне состояло в среднем по двенадцать человек экипажа, во всем отряде набиралось около сотни. Люди были вооружены винтовками и ручными гранатами. Главным же вооружением отряда было семь пулеметов разных систем. Отдельно стоит остановиться и на нелегком пути членов отряда к месту своей службы и первых

впечатлениях офицеров от той ситуации, которую они застали в городе-порте Петровске, куда прибыли, оставив за плечами долгие версты похода. Незадолго перед выступлением будущего отряда в путь стало известно, что на железнодорожном пути Минеральные Воды — Петровск зашевелились какие-то горские племена. Под влиянием большевистской агитации они объявили некую Горскую республику. Вскоре после того горские племена преградили доступ к Петровску русским воинским эшелонам настолько основательно, что одно время город-порт был совершенно отрезан от Ставки главнокомандующего ВСЮР. Сообщение между ними шло лишь при помощи аэропланов.

6 апреля 1919 года весь эшелон добровольцев, числом около ста офицеров и «охотников», собрался в Екатеринодаре, где в распоряжение добровольцев интендантством ВСЮР был предоставлен особый поезд. Этот, составленный только из товарных платформ и вагонов 3-го класса, поезд представлял собой лучшее, что могли предложить морским офицерам для отъезда на Каспий, ибо железнодорожный транспорт был основательно приведен в негодность хозяйничавшими ранее в Кубанской области большевиками. Большим приобретением стали отпущенные морякам Ставкой два трехтонных грузовика, которые в дальнейшем путешествии оченьгодились. Вооружением морские добровольцы были снабжены чрезвычайно скудно: Ставка сама в нем очень нуждалась и предполагалось, что при счастливом стечении обстоятельств и умении они разживутся всем необходимым на месте.

12 апреля эшелон двинулся через Минеральные Воды на станцию Червленная, где, в зависимости от обстановки, должен был определиться дальнейший путь морского отряда. Сам переезд по железной дороге проходил довольно монотонно, с бесконечными остановками на разных станциях; с некоторыми из морских офицеров на Каспий ехали и их се-

мы, с которыми те не рисковали расстаться надолго в то тревожное и смутное время. Во время пути добровольцы могли хорошо ознакомиться с теми разрушениями и опустошениями, которые были причинены длившейся уже более года Гражданской войной богатому и дотоле мирному и безмятежному Кубанскому краю. Всюду вдоль железной дороги валялись развороченные вагоны, палые лошади, были видны следы пожаров, а местами виднелись сваленные в беспорядочные кучи ржавые и пришедшие в негодность запасы разного военного имущества. Бог знает, откуда они были завезены на Кубань отступавшими под натиском войск ВСЮР революционными бандами, спешно бросавшими их потом где попало по дороге своего отступательного движения от Черноморского побережья к берегам Каспия. Глядя на этот бессмысленный хаос, на это уничтожение русского достояния, сердца морских офицеров наполнялись досадой. Как могла бы им в их предстоящей борьбе даже сотая доля того, что здесь безвозвратно погибло. Сколько бесплодных усилий было потрачено в Екатеринодаре, чтобы получить хоть что-нибудь из того снабжения, которое здесь, в кубанских степях, пропадало безо всякой пользы!

Светлую Пасху отряд морских добровольцев встретил на станции Червленная. Но оттуда двинуться прямо на Петровск им не удалось, ибо дошли известия, что горцы перервали сообщение, и начальник флотилии приказал отряду свернуть в сторону от железной дороги и выйти к Каспийскому морю где-нибудь севернее устья Терека. Таким путем добровольцы вышли в город Кизляр, отделенный от них вздувшимся от весеннего разлива Терек. Железнодорожный мост через него был, как и полагается, разрушен, и отряд, выгрузившись из поезда, остановился в недоумении, каким образом переправить через реку все снаряжение и грузовики, чтобы продвигаться дальше. Погода стояла ясная и довольно теплая. Половину имущества можно было с грехом

пополам перетащить на другой берег по доскам, кое-как настигнутым на остатки моста, но тяжелые грузовики по ним проехать не могли, и морякам пришлось налаживать переправу. Неподалеку от стоянки отряда был найден старый, склепанный из листового железа паром. И хотя в нем имелось несколько отверстий от ружейных пуль, их наскоро залатали. Самое трудное было подать леер с одного берега на другой. Но доброволец богатырь и атлет-гардемарин Владимир Загорский, несмотря на холодную воду и быстрое течение, отлично справился с этой задачей, перебравшись через реку вплавь с концом в зубах. Затем осталось насыпать на обоих берегах небольшие гати для подхода грузовиков вплотную к парому. Работа велась весело и дружно, почти безо всяких инструментов, и тем не менее через несколько часов, при радостных восклицаниях, весь отряд со всеми вещами оказался на другом берегу.

В дальнейшем было решено, что капитан 1-го ранга Константин Карлович Шуберт с несколькими вооруженными людьми отправится на двух грузовиках вперед — для определения пути и места ночлега, а остальной эшелон будет двигаться с начальником флотилии походным порядком. Для перевозки семей, провизии и имущества в Кизляре наняли несколько повозок, запряженных волами. Это странное шествие флота на волах можно было при определенном воображении отнести к далеким временам Петра Великого, когда, вероятно, таким же образом тянулись войска молодого царя по бесконечным степям Южной Руси к берегам Азовского моря для его первых блистательных побед, потрясших турецкое могущество. Обстановка, вероятно, была похожей, но сколько порыва и надежд чувствовалось тогда и какая злоба и бессилие ощущались участниками похода теперь.

Грузовики не без труда выбрались на торную дорогу и быстро двинулись вперед. Вскоре Кизляр скрылся из виду.

Весь эшелон вышел на несколько дней позже своего передового отряда, путь которого лежал теперь на большую станицу Терского казачьего войска Александрийскую, она же Копай. По дороге передовой отряд морского эшелона встречал изредка цветущие казачьи хутора. Население их встречало моряков робко, но и без явной вражды. Отряд оказался в местности, лишь косвенно и незначительно затронутой революционной бурей, где люди мало разбирались в тонкостях политических бед, сотрясавших державу. Моряки видели захолустный, самобытно развивавшийся, патриархальный уклад жизни терских казаков, которого в те времена почти не коснулась «безжалостная и преступная рука интернационала». В местах кратковременных остановок моряки наскоро закусывали, осведомлялись о дальнейшем пути, а командир их передового отряда оставлял краткие записки с руководящими указаниями для начальника флотилии, прося своих временных хозяев передавать их по назначению, когда подойдет эшелон.

К вечеру следующего дня отряд подошел к своей цели — станице Александрийской. Морские офицеры разыскивали станичного атамана, немедленно распорядившегося разместить офицеров по хатам. Зажиточность и довольство казачьего населения поражали привыкших к аскетическому существованию морских офицеров, и люди провели незабываемые дни после долгого перехода в домах, которых не затронула Гражданская война. В тех небольших, но добротно сделанных хатах углы были сплошь заставлены образами старинного письма, перед которыми горела лампада и где даже находились изображения государя Николая II в нескольких видах. Атаман предупредил, что сами казаки станицы, которым по случаю пасхальных праздников полагалось пьянствовать, были не очень спокойны — «лучше с ними особенно не связываться: в душу каждому не влезешь, а времена лихие и настоящей власти как будто нет».

На следующее утро, распростившись с атаманом, отряд тронулся дальше, получив на дорогу напутственные указания и казака-проводника. Предложенная за ночлег плата была казаками решительно отвергнута.

Добравшись до Петровска, морские добровольцы сделали много ценных наблюдений. Ими было отмечено, что многие русские офицеры, спасаясь от зверств большевиков, скитаясь по Кавказу и чувствуя себя обреченными на голодную смерть, нашли свое спасение и обрели сносное положение и заработок, поступив на военную службу к британцам, чьи корабли уже основательно обосновались на Каспии. Винить этих людей, конечно, было нельзя: ведь британцы еще числились союзниками русских, и лишние возможности присоединиться к Добровольческой армии, эти нередко прекрасно образованные и достойные офицеры считали, что продолжают русскую борьбу, служа в рядах союзных армий.

Таким же образом некоторые попали и к британцам, все чаще появлявшимся в Закаспийском районе. Видя доминирование союзников, не особенно радовавшихся прибытию русских морских офицеров, некоторые из них впадали в полное уныние, и даже растерянность, которые долго еще царили в среде русского офицерства. О плавании и о каких-нибудь военных действиях, по словам моряков, давно находившихся в Петровске, не могло быть пока и речи. Все было занято англичанами, которые одновременно с эскадрой привезли сюда и значительный десант, состоящий из колониальных войск. Эти вооруженные силы чувствовали себя в городе завоевателями, по городу ходили их патрули, повсюду были расставлены их караулы, ими же занято несколько лучших городских зданий. Матросы с британской эскадры в свободное от вахт время бесчинствовали и пьянствовали. Набренные, по-видимому, далеко не из первосортного элемента, они даже продавали на Петровском базаре казенное иму-

щество флота Его Величества, и британское командование не торопилось принимать меры для прекращения этого безобразия. Все было бы понятно, если бы в городе не было никаких русских войск, однако вместе с союзным десантом в городе квартировал и пробившийся с остатками Закавказской армии престарелый и заслуженный генерал Пржевальский, в чьем распоряжении сохранились русские бронеавтомобили и даже несколько орудий. Ему подчинялось некоторое количество терских казаков и значительное количество сухопутных офицеров.

Дисциплина частей Пржевальского оставляла желать много лучшего. Капитан 1-го ранга Пышнов явился к генералу, объяснил цель своего прибытия, но никакого определенного приказа от него не получил. Единственным распоряжением Пржевальского морским офицерам было нести караулы в общей очереди с сухопутными войсками для охранения военного имущества. В городе пышным цветом цвела анти-русская агитация, исходившая не то со стороны большевиков, не то со стороны горцев, успешно мутящих все разнородное и разноязычное местное нерусское население.

Вскоре в штабе Пржевальского было получено известие о том, что значительные части горцев намереваются спуститься с гор и ночью захватить город. Появились признаки панических настроений. Морские офицеры решили проверить эти слухи. Сформировав небольшую часть, около полуроты, они решили выйти за город и продвинуться в горы с целью произвести разведку. Там их встретила британская рота сипаев, и командовавший ею английский офицер предложил русским морякам немедленно вернуться в город, так как его охрану взяли на себя британские части. В случае неисполнения его распоряжений морским отрядом он угрожал открыть огонь. Не имея никаких указаний, как вести себя с британцами, отряд несолоно хлебавши повернулся вспять. Среди прибывших морских офи-

церов появились признаки разочарования и апатии и, как следствие того, беспробудное пьянство по ночам.

Положение казалось совершенно безнадежным. Обе русские канонерки «Карс» и «Ардаган», находившиеся в порту, нуждались в продолжительном ремонте, а оба миноносца стояли разоруженными британцами и в таком состоянии никуда не годились. Не в лучшем виде были и посыльные суда «Часовой», «Страж», «Асхабад» и несколько других. Кроме того, вследствие царившей в городе неразберихи корабли было нечем укомплектовать. Приступить к их ремонту представлялось невозможным без сильной и надежной охраны судов и мастерских, а все сколько-нибудь пригодные к плаванию коммерческие суда находились под неусыпным контролем британцев. В самом же городе переплелись в неразрешимый узел взаимоотношения татар, армян, грузин, а также каких-то итальянских военных частей. Русских как будто никогда и не было.

Из всего этого выходило, что воссоздание морской базы в Баку могло начаться лишь после того, как Русская армия в лице ее морских представителей сколько-нибудь окрепнет в Петровске. Русским морским офицерам-добровольцам оставалось только рассчитывать на самих себя и создавать что-нибудь лишь из того, что имелось на месте, под рукой. Паруса и такелаж судов были довольно исправны. Компасные картушки были самого примитивного устройства: вырезаны из картона и надеты на булавку. Ночью они освещались свечой в фонаре. Лагов тоже не полагалось, а лоты заменялись длинными футштоками, которыми в случае надобности и нащупывалось дно. Единственной общей картой Каспийского моря располагал лишь сам капитан флотилии. Любопытно, но лучшими навигационными инструментами в Каспийской флотилии были носы и глаза рыбаков из числа команд шхун, с детства плававших в этих водах.

Появились первые перебежчики — главным образом мастерские обширных астраханских судостроительных мастерских. Многие из них поступили на службу к белым и оказались очень полезны. Они утверждали, что население Астрахани ждет белых как освободителей, что в городе начинаются голод и болезни и что они уполномочены своими товарищами сообщить: как только войска ВСЮР придут в Астрахань, рабочие будут ремонтировать их суда безвозмездно, лишь бы им давали хлеб, который в данное время был на исходе. Вместо него люди в Астрахани откапывали какие-то корни, перетирали их с молоком и потом пекли лепешки. Это кушанье называлось «чилим».

Те же перебежчики сообщили, что в городе почти нет врачебной помощи и что некоторые дети в городских предместьях заразились сапом, который, распространившись с ужасающей быстротой, поразил уже несколько тысяч. Тогда прославленное рабоче-крестьянское правительство отделило всех сколько-нибудь подозрительных в этом отношении и расстреляло их из пулеметов. Также выяснилось, что Москва была очень недовольна местными военно-морскими действиями большевиков, которыми заправлял какой-то «товарищ Сакс». На смену ему должен был прибыть «сам» знаменитый Раскольников в сопровождении бывшего кадрового офицера, а ныне — изменника и негодяя, капитана 2-го ранга Альтфатера. Путем опроса перебежчиков в штабе флота постепенно выяснились и некоторые фамилии возможных будущих противников белого морского отряда на Каспии. Нельзя умолчать того факта, что среди них встречалось немало старых честных морских имен, недостойные носители которых лично знакомы и Пышнову, и Сергееву, да и многим младшим офицерам флота. Среди перебежчиков к большевикам был и капитан 2-го ранга Унковский, Георгиевский кавалер и бывший преподаватель артиллерийского класса в Кронштадте, а также прежний

флагманский артиллерист Черноморской минной бригады старший лейтенант Ловенецкий, и даже офицер Гвардейского экипажа фон Рейер.

Все это легко можно было прочитать в приказах, доставленных доверенными людьми из Астрахани. Согласно представленным данным, сын адмирала Сиденснера, Александр Сиденснер, еще совсем юный мичман, командовал у большевиков на Каспии отрядом быстроходных катеров. Читая большевистские бумаги, чины штаба флота часто ловили себя на мысли, что и не подозревали о том, как глубоко нравственное разложение проникло в среду сливок русского морского сообщества, и сознание это угнетало и оскорбляло. Было видно, что борьба предстоит ожесточенная и всем русским морякам казалось необходимым напрячь все силы и всю волю, чтобы остановить этот процесс разложения.

В Петровске капитану Пышнову все же удалось получить в свои руки два-три паровых катера разных размеров; самым большим и исправным был поставлен командовать старший лейтенант Вирен — храбрый и исполнительный офицер. Капитан 1-го ранга Шуберт отправился в порт, северная часть которого была занята англичанами. Сама Петровская гавань была довольно обширна и умело оборудована. Первый выход судов в море состоялся при ясной погоде. Ветер был восточный, умеренный, что для самого выхода из гавани, до того времени, как суда лягут курсом на север, обогнув мелководный бар устья реки Сулик, было не особенно благоприятно. Приходилось тратить время на лавировку. Командиры судов просили начальника флотилии приказать пароходу, шедшему как раз очередным рейсом к острову Чечень — ближайшей цели похода, — вывести их на буксире до точки поворота.

Такое приказание было отдано. Суда вытянулись из гавани и под малыми парусами ожидали своего конвоира, чтобы принять от него буксиры. Пароход заставил себя

ожидать довольно долго, вследствие чего вся эскадра, не умевшая еще держаться соединенно, понемножку растянулась. Корабли эскадры шли в двух колоннах, очень стройно, при легком восточном ветре, в голове правой колонны — судно капитана Пышнова. Шхуны имели на буксирах щиты для стрельбы в цель, причем правая колонна стреляла по щитам левой, левая — по щитам правой. С ними шел и катер «Петровск» под командой лейтенанта Вирена. Первый переход оказался очень хорош; люди уже несколько освоились с парусным плаванием, и шхуны держались в строю гораздо лучше.

К вечеру эскадра стала на якорь во вместительном Брянском заливе. С этого времени она оказалась почти отрезана от своей базы в Петровске и предоставлена самой себе. Залив был очень мелководен, и «Петровску» пришлось остановиться далеко на взморье. По своей осадке он не мог подходить близко к берегу и потому был бесполезен. Вдобавок возникал вопрос о пополнении его запаса топлива. Не имея понятия о границах, в которых появляются неприятельские суда, командир эскадры установил очередь дежурства шхун, личный состав которых не смел отлучаться на берег; на ночь дежурный корабль выходил к выходу с рейда, имея постоянное дежурство у пулемета. Судам были розданы секретные опознавательные сигналы на случай приближения опасности — сигнальные ракеты.

В это время один из вахтенных доложил по команде, что видит слева по носу какой-то холм или бугор. Командующий эскадрой навел бинокль в указанном направлении. Офицеры со шхун внимательно следили за приближающимся неясным объектом. К всеобщему удивлению, «бугор» продолжал двигаться, и не успела прозвучать команда убрать фонарь вниз, как со стороны «бугра» раздался пушечный выстрел. Командир эскадры решил продолжать движение, рассчитывая, что враг потеряет в темноте ко-

рабли, и таким образом можно будет избежать боя. Но надежды не оправдались. Пароход повернул и лег одним со шхунами курсом, продолжая стрелять по ним и постепенно обгоняя. Вероятно, ему были хорошо видны белые Андреевские брейд-вымпелы. Все люди на шхунах взяли за винтовки, однако, понимая, что состязание немногих пулеметов с орудиями большевистского парохода не давало почти никаких шансов, командиры белых судов не приказывали открывать огонь.

Между тем выстрелы и пулеметные очереди с большевистского парохода все учащались, и он стал заходить с носу флагманской шхуне эскадры, преграждая ей дальнейший путь. Один из добровольцев, гимназист Ливанисов, сын артиллерийского кондуктора, подполз к командиру флагманской шхуны и, сообщив, что ранен в ногу, попросил разрешения спуститься вниз. Больше раненых моряков в белой эскадре не было, но на всякий случай командир шхуны решил повернуть на обратный курс. Его маневр был повторен всеми остальными, и таким образом флагманская шхуна оказалась концевой. Неприятельский пароход вновь пошел вдоль правого борта флагмана, обгоняя отряд; огонь его становился все назойливее. Тогда флагманский корабль повернул прямо на ост, рассчитывая с попутным ветром увеличить свой ход. Это движение было опять повторено всем отрядом, и он стал уходить от неприятеля строем фронта. Пароход тотчас пошел за шхунами, продолжая стрелять из своего носового орудия. Он заметно приближался, а линия белых судов начала расстраиваться и худшие ходоки — отставать.

Особенно плохо приходилось командиру шхуны по фамилии Мелькоманович, которая была нагружена мешками с провиантским грузом, и оттого заметно отставала. Экипаж начал выкидывать мешки за борт, чтобы увеличить ее ход, но это плохо помогало, и вскоре с парохода донеслась по адресу

шхуны обычная большевистская ругань и приказание убрать паруса. Положение складывалось критическое. Берег лежал за кормой с наветренной стороны и, несмотря на его близость, был недостижим для парусных шхун без осуществления ими длительной лавировки. В предстоящем бою командам оставалось лишь дорого продать свою жизнь. Командир флагманской шхуны приказал перетащить на корму один пулемет и собраться туда же всем морякам с ружьями. По большевистскому пароходу был открыт беспорядочный, но очень частый огонь. Эта мысль пришла, по-видимому, в голову и остальным командирам. Пулеметный и ружейный огонь был открыт со всех шхун почти одновременно. Зрелище общей стрельбы с парусников смотрелось со стороны очень эффектно. Однако почти никто из стрелявших не был уверен в действенности своего огня — большевистский пароход по борту был обшит стальными пластинами.

Внезапно на шхунах заметили, что пароход отстает; белые моряки не верили своим глазам, но расстояние между эскадрой и пароходом все увеличивалось, и скоро враг пропал в темноте. Его отступление было встречено общим громким «ура», подхваченным на всех шхунах. Исчезновение неприятеля было более чем своевременно, ибо на востоке уже занималась полоска летнего рассвета. Первый морской бой с большевиками оказался не только не проигран, но в его результате бронированный противник под одиночными выстрелами из обыкновенных винтовок, охотничьих ружей и наганов позорно ретировался.

В одно время со всеми вышеописанными событиями разгорелась борьба с большевиками и в пределах Уральско-го казачьего войска. Уральцы, как и вообще вся народная Россия, совершенно не были подготовлены к тому, чтобы дать новому врагу должный отпор: у них не было ни организации, ни средств, ни оружия. И вот, проведая о ликвидации Закавказского фронта, а также о деяниях генерала Лаза-

ря Федоровича Бичерахова, уральцы послали своих верных людей с поручением попытаться набрать кое-что из сохранившихся бесхозных военных технических средств и вооружения и доставить все это в Гурьев — единственный тогда русский город Уральской области, лежащий на берегу Каспия. Ко времени вышеописанных событий Уральская миссия находилась уже в Петровске. Дело свое она выполнила очень хорошо и раздобыла несколько броневых машин, орудия, пулеметы и многое другое, что полагалось для ведения войны. Беда была лишь в том, что невозможно было добыть какие-либо перевозочные средства для доставки всего этого в Гурьев, и казаки-уральцы метались по городу и толкались во все двери, чтобы добыть их.

Опасность путешествия по водам северного Каспия была несколько позже подтверждена самым трагическим образом. В Петровск прибыл с важными бумагами из Ставки генерал Гришин-Алмазов. Он вез документы для личной передачи адмиралу Колчаку, и его путь тоже лежал через Гурьев. В Петровске он получил в свое распоряжение довольно хороший катер и в сопровождении нескольких офицеров при очень благоприятных условиях летней погоды пустился в дальнейший путь. На полпути, почти на траверзе форта Александровского, катер был замечен и настигнут одним из больших миноносцев типа «Москвитянин», который в числе нескольких других был переправлен большевиками из Балтики по Волге в Каспий. Генерал успел уничтожить бумаги и застрелиться; прочие же офицеры были захвачены и отправлены в форт Александровский на тяжелые работы. Впоследствии из газет, доставленных из Астрахани, стало известно, что эти несчастные были там расстреляны.

Конечно, в конце концов в более спокойное время уральцам удалось бы достать за хорошие деньги какой-нибудь грузовой пароход, но беда была в том, что плавание

северной частью Каспия в пределах так называемого девятифутowego рейда было совсем небезопасно. Большевики, основавшиеся в Астрахани, отнюдь не сидели спокойно и как-то стихийно и слепо, но неуклонно тянулись в Азию. В этом своем стремлении они заняли находящийся на восточном берегу форт Александровский — старое укрепление времен императора Александра II — и понемногу перевозили туда из Астрахани топливо, провизию и другие запасы, собираясь создать там какую-то базу для своего дальнейшего движения. Они поддерживали довольно оживленное сообщение между этими двумя пунктами, и британцы им в этом не очень препятствовали.

В Петровске же всех находящихся там военных моряков решили собрать в Каспийский полуэкипаж. Было учреждено управление Петровским военным портом. В оперативном отношении они были подчинены кавказскому наместнику генералу от кавалерии Ивану Георгиевичу Эрдели. Для атаки Астрахани по суше образовали особый отряд под начальством генерал-лейтенанта Д.П. Драценко, которому предстояло движение от Кизляра по безводным солончаковым степям к северо-западным берегам Каспия и Волжской дельте.

Кавказское командование, учитывая в будущем трудность доставки продовольствия и подкреплений к группе генерала Драценко, а также считая нужным обеспечить с моря его правый фланг и установить прочное сообщение с отрядом, настоятельно требовало от моряков принятия решительных мер для этого. А моряки все еще сидели на мели, не имея в своем распоряжении никаких плавучих средств сколько-нибудь боевым значением. От британцев добиться какой-либо помощи казалось невозможным. К тому же они располагали лишь мореходными глубокосидящими вооруженными пароходами. Здесь же требовались мелкосидящие суда малого тоннажа, которые были бы способны развора-

чиваться на мелководье северного Каспия и близко подходить к берегам для поддержки непрерывной боевой связи с сухопутными войсками. Несколько таких колесных пароходов мелкого тоннажа рассчитывали получить в будущем из Баку. Оттуда только что стали прибывать отдельные застрявшие там морские офицеры; но присоединение их к основным морским экипажам проходило весьма туго, и, во всяком случае, у белого командования морскими силами на Каспии не было никакой возможности предусмотреть, сколько времени потребуется на то, чтобы вырвать из Баку какие-нибудь пригодные плавучие средства.

В конце 1919 года армия генерала Деникина начала отход от Орла, кончившийся разгромом армии и отступлением ее на Новороссийск. Каспийская флотилия и войска генерала Драценко, действовавшие против Астрахани, оказались отрезанными и предоставленными самим себе. К концу зимы 1919 года остатки армии были стянуты к Петровску, к морской базе Белого движения на Каспии. Сам генерал Д.П. Драценко поспешил объявить подчиненным ему войскам, что война с большевиками окончена и что все желающие могут идти на все четыре стороны; кто же останется, тот может эвакуироваться на судах флотилии. Но куда пойдут бойцы ВСЮР и что с ними станет, оставалось неизвестным. Обращаясь к войскам, Драценко особо подчеркнул, что «никому ничего не может быть обещано».

Обстановка на прикаспийских территориях к февралю-марту 1920 года складывалась весьма трагическим для белой армии образом. Хотя Красная армия и не наступала с суши на Петровск, но возле порта образовались местные большевистские и горские отряды, которые все время обстреливали город и действовали в его окрестностях, едва сдерживаемые остатками частей генерала Драценко. Из Астрахани с весной ожидался выход красного флота, усиленного миноносцами 2-го и 3-го ранга, переведенными сюда

по Волге из Балтийского моря. Чтобы владеть морем, Белому флоту необходимо было прийти первыми под Астрахань до конца заморозков. Это было непросто в силу объективных обстоятельств, ибо выход из устья Волги представляет собой узкий морской канал, тянущийся в море миль на десять. Всякий корабль, идущий по каналу, мог быть с моря легко расстрелян. Если бы белые суда опоздали, а красные корабли оказались уже в море, то им пришлось бы иметь дело с противником гораздо сильнее существующего Каспийского белого флота, имеющим к тому же настоящие боевые корабли.

В форте Александровском все еще находилась Уральская армия, совершенно небоеспособная после тяжелого зимнего перехода, в котором она потеряла чуть не десять тысяч своих бойцов замороженными и больными. Красноводск еще осенью 1919 года был занят красными отрядами. Новообразованный Азербайджан никакого участия в борьбе с красными не принимал, вел самостоятельную политику, вел переговоры с большевиками и старался вредить частям ВСЮР по мере сил: не давал необходимой нефти и материально и духовно поддерживал разноплеменные горские отряды, все время обстреливавшие крайний фланг Добровольческой армии, находившийся под Дербентом.

В Энзели, в Персии, расположился большой отряд британских войск. Командир Каспийской флотилии, недавно произведенный в контр-адмиралы, Сергеев, еще почти за месяц до эвакуации, послал громкую телеграмму командиру Уральской армии на его вопрос об эвакуации — «Я владею морем, эвакуация будет произведена в Александровском форте», — ушел на своем флагманском корабле «Президент Крюгер» в Энзели. Там адмирал производил какие-то торговые операции.

В Баку, несмотря на то что азербайджанцы встретили его флагманский корабль залпом из тяжелых орудий с ост-

рова Нарген, с неослабевающим энтузиазмом Сергеев продолжал свои попытки начать с правителями Азербайджана какие-то переговоры относительно потенциальных беженцев. Поскольку приказ генерала Драценко о роспуске армии распространился также и на флотилию, оставшийся за ее командующего начальник штаба Сергеева капитан 1-го ранга Пышнов, не имея никаких инструкций от адмирала, действовал совместно с генералом Драценко. Астраханцы заволновались — сначала заявили, что никто не уйдет и они пойдут с флотом куда угодно, но потом, видно, чувство привязанности к родным местам возобладало, — ведь у каждого из них оставались под Астраханью семьи и имущество. Со слезами на глазах они начали прощаться, говоря: «Если бы вы приказали, что нам делать, а то говорите — как угодно, хочешь — оставайся, хочешь — уходи». Корабли Каспийской флотилии опустели, на них оставались лишь офицеры и небольшое число матросов. Рыбаки сели на свои рыбницы и поплыли в сторону Астрахани, предполагая до лета обосноваться на острове Чечень, а летом 1920 года самостоятельно начать биться с красными...

Уже находясь в Месопотамии, офицеры Каспийской флотилии читали в газетах, что в Астрахани произошел переворот и даже был объявлен свой «астраханский царь», но, конечно, через некоторое время восстание подавили, так что вряд ли кто-нибудь из бывших соратников морских офицеров по Каспию остался после того в живых.

Чтобы корабли могли двигаться, генерал Драценко дал морякам кавалерийский полк, который и был распределен по кораблям — без лошадей, но зачем-то со своими седлами. Солдаты первое время моряков не признавали, не слушались, и вследствие этого возникала масса недоразумений. И вот с таким составом и, конечно, с запозданием два сильнейших корабля Каспийской флотилии — «Дмитрий Донской» и «Князь Пожарский» — под командой ка-

питана 2-го ранга Бориса Николаевича Бушена в марте 1920 года были отправлены под Астрахань, чтобы предупредить выход красных в море. Вслед за ними буксировались две баржи с камнями, которые должны были быть затоплены в канале. Подойдя ночью на так называемый 12-футовый рейд, Борис Николаевич обратил внимание на мелькавшие вдаль огни. Утром во мгле были видны какие-то корабли, и Бушен направил «Князя Пожарского» на разведку. Не успел «Пожарский» отойти на какие-то полмили, как раздался чудовишный взрыв, и одно колесо (пароход был колесный) разнесло вдребезги. Оказалось, что большевики оградили себя минами. На виду у красных миноносцев Балтийского флота, оказавшихся уже в море, а также больших вооруженных пароходов Бушен успел снять всю команду с «Пожарского» и затем потопил его снарядами. О бое с большевиками уже говорить не приходилось. Странно, но большевики проявили несвойственную им беспечность, не тронув экипаж Бушена, хотя и могли его тут же утопить.

Борис Николаевич Бушен, как и многие его сослуживцы-офицеры по Каспийской флотилии, оказался в лагере русских беженцев в Басре, в Месопотамии, откуда потом выбрался в Египет. Там он прожил долгое время и умер в Александрии 9 сентября 1956 года, так и не увидев вновь берега Отечества.

Таким образом, белый флот фактически перестал быть хозяином Каспийского моря. За день до эвакуации прибыл на своем корабле контр-адмирал Сергеев. Он созвал всех начальников и командиров на срочное и бесполезное совещание, на котором ему было задано много нелицеприятных вопросов. Адмирал, обозленный на то, что флотилия фактически вышла из-под его контроля, за какую-то незначительную ремарку, произнесенную начальником штаба флота, выгнал его с заседания. Нервозность и накаленность ат-

мосферы чувствовали все участники заседания. Опыт и мудрость старших начальников затмила раздвоенность их чувств: слухи о развале антибольшевистской борьбы на Каспии, о шаткости гражданской власти, о ежедневных набегах горцев и саботаже подпольных коммунистических организациях вселили в души этих многоопытных морских волков растерянность. Командовать флотом, имея за плечами удобную гавань, превосходные ремонтные доки, непрерывное снабжение флота всем необходимым — это одно, а делать то же самое в ситуации прямо противоположной мог далеко не каждый. Нормальная работа флота могла быть обеспечена лишь такой же работой его тыловых и портовых служб, надежной связью с командованием сухопутными войсками, а военные задачи должны были тесно увязаны между собой и ясно разделены между флотом и армией. Но принимать эффективные решения в условиях хаоса и беспорядка, когда фактически Верховная белая власть не могла справиться со все нарастающими беспорядками и анархией, но на это требовались характер и воля.

Изгнанный с заседания начальник штаба счел за благо просто удалиться из города, обратившись в простого пассажира, не сдав дел и не особенно озаботившись поиском преемника. В поступке офицера чувствовалась неприкрытая обида. Впоследствии этот факт заставил командиров судов Каспийской флотилии перенести много волнений.

Начальником отряда действующих кораблей был назначен капитан 2-го ранга Макаров, которому весь последний день эвакуации пришлось находиться на внешнем рейде, обстреливая из орудий окрестности, из которых красные продолжали свои атаки на Петровск. Все, что могло держаться на воде, выводилось из порта, и ночью последним вышел «Президент Крюгер» с адмиралом Сергеевым и генералом Драценко на борту. Когда корабль вышел на рейд, адмирал потребовал капитана Макарова к себе и приказал

остаться на Каспии за него, чтобы давать распоряжения оставшимся судам, а сам на «Крюгере» сейчас же ушел в Баку. На рейде в то время находилось до сорока кораблей, и половина из них не могла двигаться сама. Из боевых кораблей также не все могли двигаться, поскольку их зимний ремонт еще не был полностью завершен. Коммерческие пароходы, нагруженные разнообразными грузами, пытались ускользнуть в Баку, и дежурившим маломерным судам Белого флота приходилось выстрелами их останавливать. В порту Петровска тем временем раздалась сильные взрывы — на железнодорожных путях рвались вагоны со снарядами, подожженные частями ВСЮР при их отходе. Вагонами с боеприпасами были забиты все железнодорожные пути. Взрывы оказались настолько сильными, что корабли, находившиеся в радиусе трех миль от порта, при каждом новом разрыве вздрагивали всем корпусом. В непосредственной близости к порту Белой флотилии была поставлена задача: затопить один пароход во входном канале, что было успешно проделано несколькими офицерами и матросами с флагманского корабля, несмотря на страшные взрывы и непрекращающийся обстрел большевиками с суши.

На следующий день, получив приказ по радио от адмирала Сергеева, капитан Макаров приказал Белой флотилии следовать в Баку, куда благополучно все прибыли некоторое время спустя. Через день на шхуне туда прибыл и капитан 2-го ранга Борис Николаевич Бушен. Его корабль стал на якорь на внешнем рейде против острова Нарген. Контр-адмирал Сергеев снова созвал в кают-компанию всех командиров судов и объявил, что по его сигналу на всех кораблях должны быть спущены Андреевские флаги, после чего вслед за флагманским кораблем всем остальным войти в Бакинскую гавань, где азербайджанские власти должны были принять русские корабли и поставить на них

свою охрану. Адмирал объявил своим офицерам, что все орудия, запасы и все флотское имущество будет продано Азербайджану. Личный состав, кто пожелает, может остаться на службе у Азербайджана, кто же не захочет служить, тому азербайджанскими властями будут выданы деньги, и он может ехать на все четыре стороны. Почти все командиры заявили Сергееву, что такого приказа они не исполнят, Андреевский флаг ни перед кем не спустят, а оружие свое никому не продадут, тем более Азербайджану, который всегда противодействовал Добровольческой армии, и теперь, после ее очевидного поражения, не замедлил снестись с большевиками, предлагая им самые добрососедские отношения. Адмирал пытался грозить офицерам, но вскоре увидел полную безуспешность своих угроз и удалился к себе в каюту, приказав спустить свой адмиральский флаг.

На следующий день собравшиеся в кают-компании офицеры передали адмиралу Сергееву свои условия, на каких они согласны были войти со своими судами в Баку. Все офицеры подчеркнули, что они готовы продолжать борьбу с красными, для чего все укрепления и все средства для обороны Баку с моря должны быть переданы им и что действовать они будут под русским флагом. Сухопутные военачальники также присоединились к морским офицерам, и вечером снова все собрались у адмирала. К Сергееву был вызван и генерал Драценко, находившийся со своим штабом на берегу в Баку. Приехав на корабль, генерал Драценко пригрозил своим подчиненным, что их решение присоединиться к инициативе морских офицеров было равносильно бунту, и после распеканий и упреков заставил их все же подчиниться приказу самораспуститься. Морские офицеры же по-прежнему стояли твердо на своем. Видя, что ему не сломить воли своих подчиненных, адмирал тут же заявил, что он передает командование при-

существовавшему на собрании капитану 2-го ранга Бушену, а сам уезжает в Батум с докладом «об офицерском бунте». Больше Аполлинария Ивановича Сергеева его офицеры не видели. В ноябре 1920 года он отбыл в Югославию, откуда его извилистый путь лежал во французский Марсель. Там, прожив совсем недолго, он вернулся в Белград, а после Второй мировой войны осел в Германии, где тихо отошел в мир иной в 1952 году.

Война на Каспии окончилась, несмотря на готовность офицерского корпуса Белого флота продолжить борьбу. У командования флотом не хватило самостоятельности и воли реорганизовать ресурсы для продолжения борьбы. Впрочем, в этом его трудно упрекнуть, памятуя, что ресурсы Вооруженных сил Юга России были почти на исходе.

Глава двадцать четвертая

РЕЧНАЯ ВОЙНА. БЕЛЫЙ ФЛОТ НА ВОЛГЕ И КАМЕ

Взаимоотношения с союзниками давали мало поводов для надежды, что снабжение Вооруженных сил Юга России будет продолжено, а отток военных специалистов всех уровней к щедро оплачивавшим их услуги большевикам приводил к упадку Белого движения. Все это способствовало постепенному формированию пораженческих настроений в верхних эшелонах белого командования. Цепная реакция безнадежности продолжавшейся борьбы постепенно охватывала белых военачальников. Не стали исключением и высшие командиры флота. И если их пассивность на берегах Каспия можно было условно оправдать местными особенностями и преобладанием вокруг недружелюбно настроенных горских народов и военных частей союзников, призванных ослабить влияние русских в том жизненно-важном для британской

короны регионе, то об этом не приходилось говорить на берегах великой русской реки Волги. Между тем Белый флот на Волге погиб, так и не развернувшись в полноценную боевую единицу. Главная причина была в том, что у его руля так и не встала сильная личность, которая бы руководствовалась, прежде всего, интересами своего Отечества.

Чешские легионы, состоявшие из пленных солдат австро-венгерской армии, некогда сдавшиеся русским войскам на Юго-Западном фронте, перешли речку Самарка и после небольшого боя, разогнав отряды тогда еще плохо организованной Красной армии, вошли в Самару. Чехи интересовались Самарой лишь как железнодорожным узловым центром, дававшим им возможность обеспечить свое дальнейшее продвижение на Владивосток и далее, водным путем, к себе домой. Большевики, официально согласившись на их передвижение по России далее на восток, на деле всячески им препятствовали, на том основании, что чехи не желали сдавать оружие и двигались многочисленными воинскими эшелонами. Чехи в свою очередь понимали, что, как только они сдадут оружие и перестанут быть воинской частью, передвижение их прекратится под давлением большевиков, которые могли выдвинуть им новые и, вероятно, мало приемлемые условия возвращения домой.

В те времена на русских железных дорогах происходило что-то невероятное, и по ним в различных направлениях передвигались лишь те, кто обладал оружием. Пребывание чехов в Самаре дало возможность организовать вооруженные отряды для борьбы с большевиками. Образовалась так называемая Народная армия под командой подполковника Генерального штаба Владимира Оскаровича Каппеля, а также Волжская боевая флотилия. Как бы в противодействие этим начинаниям, там же немедленно образовалось и «правительство» из находившихся в Самаре членов разогнанного большевиками Учредительного собрания.

Первой заботой чешского штаба в Самаре было обеспечение провиантом собственного Самарского отряда и постепенно подтягивающихся к ним чешских отрядов со всех сторон. От местных жителей они узнали, что за день до своего бегства из Самары большевики увели вниз по Волге груженную мукой баржу, которая будто бы стоит на якоре верстах в двадцати от Самары. Энтузиасты решили баржу эту достать. Среди записавшихся в Народную армию русских оказались два моряка, оба мичманы: один военного времени, другой только что произведенный из Морского корпуса. Вскоре к командующему Белой флотилией пришла первая боевая единица Волжской флотилии.

История перехода парохода в распоряжение белых добровольцев была вполне в духе времени. Капитан этого неторопливого судна пришвартовал свой пароход к пристани, снял фуражку и, по русскому обычаю, перекрестился, поблагодарив Бога за благополучно совершенное путешествие. В рулевой рубке его примеру последовали лоцман и рулевой. В следующую минуту он уже сожалел о приходе в Самару, так как появившийся на мостике один из мичманов заявил ему, что и сам он, и пароход его со всей командой реквизированы Народной армией. После формально выраженного протеста капитан сдался. Во время переговоров двое его матросов сбежали на берег, но оставшихся было вполне достаточно для управления судном. В течение некоторого времени Волжская флотилия обрела еще несколько пароходов и буксиров. Их вооружили пулеметами, которые могли найти, а некоторые даже небольшими орудиями.

Настала пора проводить подготовительные операции. Они заключались в очищении акватории Волги от красной флотилии, возросшей к этому времени до семи-восьми вооруженных пароходов, и в отправке экспедиций из отряда подполковника В.О. Каппеля вдоль правого берега Вол-

ги. За исключением нескольких боев, красная флотилия упорного сопротивления Белому флоту не оказывала, но тот факт, что противник в любой момент мог перейти в наступление, постоянно держал в напряжении весь личный состав белых судов. Речная война во многом похожа на действия двух бронепоездов, находящихся на одном и том же пути. Уйти от боя можно, но лишь отступая в одном направлении — на свою базу. Маневрировать в бою можно только в пределах ширины реки. Таким образом, и в стратегическом, и в тактическом отношении можно лишь двигаться в двух направлениях: вперед и назад.

На Волге вся кампания так и велась — нос к носу с противником. Тактически, где ширина реки позволяла, белые суда выстраивались в строй фронта и шли на большевиков в атаку. Подобный боевой порядок уменьшал вероятность попадания. Меняя скорости, иногда можно было с успехом уходить из создаваемой противником «вилки». Чаше всего красные не применяли системы завесы при стрельбе со своих кораблей, однако их береговые батареи такие завесы устраивали, и тогда белым кораблям надо было идти на прорыв, двигаясь на больших ходах и стараясь войти в их мертвый угол, иными словами, прижимаясь к высокому правому берегу. Если бы красные владели левым берегом и на нем были установлены батареи, Белой флотилии пришлось бы намного труднее. Действия полковника Каппеля, с которым флотилия координировала свои действия, порой помогали ее продвижению, так как иначе пришлось бы считаться с установленными на уровне воды «кинжальными батареями» противника.

Однако дело обороны Казани складывалось безрадостно: чехи утратили интерес к участию в российской Гражданской войне, силы Каппеля таяли не по дням, а по часам, в то время как большевики пригоняли на фронт новые и новые свежие части. Стали поговаривать о вывозе золо-

того запаса в Самару. Целый месяц держался Каппель в Казани, пока флотилия обороняла подход к городу с Волги. Большевики доставили к городским окраинам 100-миллиметровые орудия и, водрузив их на баржу у Свияжска, начали бомбардировать казанские пристани. Выходить судам флотилии за Верхний Услон стало рискованно, так как поворот реки находился под обстрелом плавучей батареи большевиков. Белые катера пытались атаковать эту батарею, но безуспешно, поскольку морские орудия на белых кораблях имели дальность в два раза большую, чем у сухопутных трехдюймовок, которыми была вооружена флотилия. Несмотря на это, личный состав белых судов был уверен, что нужно продвигаться дальше, чтобы прорвать кольцо красных. Вскоре на помощь красным из Балтийского моря пришли быстроходные катера, совершавшие ночные налеты на казанские пристани и флотилию. С ними боролись, выставив дозорные корабли и установив батарею для кинжального обстрела на берегу у поворота реки.

Перед эвакуацией Казани первому дивизиону Белой флотилии было поручено вывести находившийся там золотой запас в Самару, по данным банка, — 660 млн рублей золотом. Во время погрузки пассажирские пароходы, специально предназначенные для этой цели, давали глубокую осадку под тяжестью золота... Чиновники финансового ведомства заведовали подсчетом золота, а бойцы Белой флотилии занимались его погрузкой и охраной. Охрана состояла из внутреннего караула, который запирался в трюм на все время перехода, и наружного, с часовым у каждого люка, а люки заплombировывались чиновниками. По окончании перевозки чиновники доложили, что все золото и иные ценности были доставлены без малейших потерь.

По окончании этой операции первый дивизион был направлен прикрывать отступление армии за Каму, а третий дивизион двинулся вверх по Каме, впадающей в Вол-

гу верстах в шестидесяти от Казани. При отступлении Белой армии из Казани красная флотилия отчаянно стремилась прорваться на Каму и воспрепятствовать переправе белых на ее левый берег. В продолжение четырех дней первый дивизион, состоявший лишь из четырех кораблей, удерживал натиск всей красной флотилии. Казалось, что вот-вот неприятель прорвется. Тогда белые моряки решили преградить фарватер Волги, затопив баржи. Начальник речной обороны, находившийся на Каме, прислал две деревянные баржи. Баржи загрузили камнями, созвав для этого жителей находящихся поблизости деревень. Времени не хватало, а большевистские части наседали; наконец, после полной загрузки баржи начали топить. Моряки попробовали использовать подрывные патроны, но они не взрывались. Рубить дно барж было рискованно для самих людей на баржах, так как большевики не прекращали их обстрела, а заодно и обстрела флотилии ни на минуту.

Наконец у артиллеристов возникло предложение потопить баржи снарядами. Однако их попытка не удалась, ибо деревянные баржи, недостаточно нагруженные камнями, отказались тонуть. До первых сумерек продолжался жестокий бой, и все же большевикам пришлось отступить. Ночью, выгрузив на берег пушку и команду, дивизион отошел версты на четыре вниз по реке. На следующий день, стреляя в упор, дивизионные артиллеристы утопили один красный корабль, а затем разорвали орудие, наполнив дуло водой. Только через несколько дней, не потеряв ни одного человека, дивизион присоединился к флотилии, которая уже находилась на Каме. Гибель красного корабля задержало неприятеля еще на один день, благодаря чему подполковнику Каппелю удалось переправить через Каму всю свою артиллерию и обозы. Так завершилась Волжская кампания и началась кампания Камская.

С продвижением чешских эшелонов дальше на восток положение белых повстанцев на Волге становилось все более критическим. Народная армия без помощи чехов оказалась слишком слабой для удержания отбитой у большевиков территории, не говоря уже о дальнейшем освобождении обширных приволжских территорий и поступательном развитии Белого движения в глубь России. Дальнейшая судьба Волжской флотилии обернулась следующим образом. Сызрань пала вскоре после Казани, и второй дивизион флотилии разоружился в Самаре. Поздно осенью белые начали эвакуировать Самару.

К дальнейшей перевозке государственного запаса золота проявили необычайное внимание как русские, так и чехи. Первый дивизион белой флотилии, сопроводив транспорт судов береговой обороны до устья реки Белой, был отправлен дальше. Он ушел вверх по Каме на помощь восставшим рабочим Воткинского и Ижевского заводов, поднявшихся против красных. Главные силы белых продолжили отступление на Уфу, и на некоторые пароходы дивизиона было погружено несколько тысяч винтовок, находившихся тогда на заводах. Вскоре дивизион вернулся на реку Белую для соединения с главными силами в Уфе. Третий дивизион, предварительно вышедший из Казани, чтобы расчистить путь отступления белых частей по Каме, встретил там сильнейшее сопротивление большевистской флотилии, совершавшей свои налеты из Перми, однако вполне успешно проложил водный путь для транспорта, затопив при этом несколько вооруженных пароходов большевиков.

В Уфе Белая флотилия была разоружена, а ее орудия и личный состав погружены на поезда для дальнейшей отправки в Сибирь, где в то время уже организовывалась новая армия. Той зимой Сибирская армия адмирала Колчака заняла Пермь, и личный состав Волжской флотилии был

снова возвращен из Сибири для организации Камской флотилии, блестяще действовавшей на реке в кампанию 1919 года. Впрочем, Камская флотилия белых просуществовала недолго. С отступлением Сибирской армии от Перми летом 1919 года она была разоружена, и личный состав ее частью использован для укомплектования Иртышской флотилии, а частью для формирования Отдельного Морского батальона, вошедшего впоследствии в состав Сибирской армии.

Глава двадцать пятая

ФЛОТИЛИЯ БЕЛЫХ НА СИБИРСКИХ РЕКАХ

Одной из стратегических задач, над которыми работал Морской центр в Омске, было создание речных флотилий и поддержание тех небольших морских сил, что еще продолжали оставаться в водах Тихого океана. Так, Сибирская флотилия имела два дивизиона, ходивших по рекам Обь и Иртыш. Из этих дивизионов был образован образцовый Морской батальон в 1500 штыков, со взводом артиллерии и 30-ю пулеметами. Еще из морского подразделения решено было сделать два дивизиона флотилии для плавания по двум великим рекам. Большинство лучших людей ушло в батальон, которым командовал старший лейтенант Гвардейского экипажа Петр Валерианович Тихменев. Ротными командирами у него служили бывший артиллерийский офицер легендарного крейсера «Варяг» Владимир Густавович Гессе и перешедший недавно с Камской флотилии Георгий Александрович Мейер. Артиллерийским взводом у Тихменева в Морском учебном батальоне командовал мичман Александр Александрович Головкин. С интендантских складов в Омске было получено на всех английское обмун-

дирование, и во взводе начались непрерывные занятия. Недели через две после начала формирования батальон неожиданно постигло несчастье — застрелился Гессе. В оставленных письмах он объяснял свой поступок невозможностью справиться с дисциплиной во вверенной ему роте. Потеря для Сибирской флотилии в лице гвардейского офицера — знатока артиллерии, каковым был Гессе, оказалась трудно заменимой. Владимир Густавович был выдающимся офицером прежнего времени, когда в учебных командах царила дисциплина и существовал интерес обучаемых к преподаваемому им предмету.

В условиях Гражданской войны, когда невольными учениками прекрасного преподавателя оказывались порой случайные лица, понятия не имевшие о том, как следует вести себя в учебных классах и взаимодействовать с преподавателем, сильно поразило Гессе. Ему казалось, что преподаваемый им предмет не только не усваивается «добровольцами», но и требуемая им организованность и дисциплина раздражают людей, которых коснулся разрушительный вирус пресловутого «Приказа №1» Временного правительства, подкосивший Русскую армию и флот в марте 1917 года. Объективно говоря, Владимир Густавович Гессе был своего рода новатором в преподаваемой им науке. У него были разработаны методы стрельбы, которые с успехом применялись в Балтийском флоте и в боях Камской флотилии, где он на практике увидел их преимущества, лично участвуя во всех боях. В то время как дивизионы менялись, Гессе постоянно оставался в действующем, лично руководя артиллерийскими дуэлями кораблей и в минуты затишья работая над теорией стрельбы и поправками к баллистике. Сослуживцы, звавшие его по службе на Императорском флоте, были убеждены, что единственным его недостатком было то, что он принимал все слишком близко к сердцу, в конце концов это и погубило его.

Сибирская флотилия постепенно образовывалась, и все более принимала очертания классического морского подразделения. Ее командующим был назначен капитан 2-го ранга Петр Петрович Феодосьев, успевший покомандовать плавучей батареей «Чехословак» и послужить командиром бронепоезда Отдельной бригады морских стрелков. Начальником 1-го дивизиона флотилии он назначил капитана 2-го ранга Николая Рудольфовича Гутана, а 2-й дивизион он вверил заботам бывшего флаг-офицера Камской флотилии лейтенанта Николая Николаевича Гакена. Флаг-артиллеристом 1-го и 2-го дивизионов был назначен мичман Георгий Александрович Степанов чья судьба в конце его долгого эмигрантского пути, забросит его сначала на Филиппинские острова, а затем и в Шанхай.

По прибытии Феодосьева на «Чехословак» в Омск ему сильно не понравилось большое количество начальства в штабах и обильное бумаготворчество, обычно сопровождающее штабную работу, потому он немедленно отправился в Томск, взяв на себя вооружение других кораблей, стоявших в городском порту. Еще до его отъезда для оперирования в Товде были направлены суда «Зайсон», «Александр» и «Иртыш». Первые два имели полевые трехдюймовые пушки на колесах, последний был вооружен британским шестифунтовым морским орудием. В штабе флотилии бытовала идея относительно целей Иртышской флотилии, состоявшая в том, что суда 1-го ее дивизиона предназначались для сражений, а 2-го — только для обороны различных плесов. Николай Рудольфович Гутан был направлен штабом командовать «Александром» и «Иртышом». Пароход «Зайсон» был возвращен в порт для перевооружения. В Омске нужно было вооружать «Катунь», «Алтай», «Зайсон», «Туру» и несколько катеров, приданных флотилии.

Вскоре в Омск прибыли 20 британских шестифунтовых орудий и долгожданные снаряды к четырехдюймовым ору-

диям. Шестифунтовыми орудиями решено было вооружить «Зайсон» и 2-й дивизион, установив на него четыре орудия, оставив по одному на все прочие свои суда. «Катунь» и «Алтай» было решено вооружить двумя британскими двенадцатифунтовыми орудиями, прибывшими в Россию сложными путями из Кента, которые устанавливались на носу судна и дополнялись 4,7-дюймовыми орудиями на корме. «Ермак» и «Урал», суда того же типа, должны были вооружаться в Томске с той разницей, что вместо двенадцатифунтовых орудий на них должны быть установлены трехдюймовые полевые. Вооружение «Зайсона», «Катуни» и «Туры» продолжалось около десяти дней, после чего Верховный правитель адмирал А.В. Колчак сделал смотр кораблям и батальону одновременно. Смотр прошел удачно. Колчак остался доволен увиденным и был впечатлен подготовленностью морских офицеров. По иронии судьбы, буквально на следующий день после смотра штабом флотилии было получено известие о том, что «Иртыш» и «Александр» захвачены большевиками, а Николай Рудольфович Гутан и все находившиеся с ним на судах экипажи убиты.

В начале сентября 1919 года «Катунь» вышла вниз по реке, держа путь к Тобольску. На корабле туда отправились начальник штаба, лейтенант резерва британского флота, награжденный национальной медалью «За заслуги» Дмитрий Николаевич Федотов и флаг-поручик по адмиралтейству Михаил Иванович Запрудин. Пулеметным офицером «Катуни» был поручик Антон Павлович Василевский. Ставкой командиру «Катуни» были даны инструкции, что цель флотилии, главным образом охранять движение каравана барж, шедшего с большим количеством военного снаряжения с устья реки Оби в Томск, а также охранять подступы к Омску. Мысль о скорой сдаче Тобольска ставкой тогда не допускалась.

Из Усть-Ишима, куда добрались суда флотилии, экипажем «Катуни» была поддержана небольшая операция по

высадке десанта у деревни Новой, где несколько большевиков вместе с местными жителями отрезали обоз Воткинской дивизии. В этом десанте участвовал и экипаж парохода «Зайсон». На берег высадились комендантская команда Воткинской дивизии и добровольцы с «Зайсона». По дороге к деревне Новой на «Катунь» были взяты несколько солдат Воткинского обоза, усилившие собой эту десантную операцию. Большевики тем временем уже подступили к Усть-Ишиму и действительно двигались по Ишимскому тракту. Флотилия отступила к Таре. Само отступление заняло у нее дня три-четыре.

Придя в Знаменское, суда задержались там всего на несколько часов и вскоре пришли в Тару. Из Тары командир «Катуни» связался с командованием и попросил, чтобы прислали хотя бы какое-нибудь подкрепление, а также придали флотилии батальон морских стрелков для десантных операций. В ставку было направлено донесение с указанием важности защиты тобольского направления, а также описанием Воткинской дивизии, в котором подчеркивалась полная невозможность что-либо сделать без подкрепления. В ответ на него пришла телеграмма, что из всех войск, действующих в тобольском направлении, уже образуется тобольская группа. Командовать группой назначается генерал Редько. С генералом Редько идет пополнение Воткинской дивизии в составе 600 человек, местный полк в составе 1200 человек и Егерский батальон морских стрелков.

Но эти поспешные переформирования уже не могли повлиять на общую обстановку на фронте, а тем более существенно поддержать флотилию, да и сама она едва ли могла повлиять в лучшую сторону на перемены на тобольском направлении. Ее успешные действия под Тобольском и на Иртыше были остановлены наступающими холодами, вынудившими всю Обь-Иртышскую флотилию отправиться

в порт Томска. Там флотилия оказалась в невольной ловушке, ибо после катастрофы на всех фронтах корабли, стоявшие у городской пристани, были атакованы и захвачены большевиками и сочувствующими, яростно набросившимися на команды Белой флотилии и, в силу численного превосходства, подавившими их сопротивление без пощады. Около Красноярска уже в январе 1920 года большевики окружили отступавшую группу морских офицеров, среди которых был и сам командующий флотилией, капитан 1-го ранга Петр Петрович Феодосьев. В ходе неравного боя красные захватили в плен немногих уцелевших моряков, а сам командующий был ими убит. Отдельные офицеры флотилии, которым посчастливилось избежать большевистского плена, путем невероятных приключений, почти всегда сопряженных с риском для жизни, добрались до Дальнего Востока, где белая борьба уже вступала в свою заключительную фазу.

Глава двадцать шестая

НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕКАХ И ОКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

Дальний Восток на всем протяжении Гражданской войны являлся для речных флотилий глубоким тылом. Соответственно структуре дальневосточной власти старший морской начальник вначале именовался помощником Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по морской части, а затем был назван командующим Морскими силами на Дальнем Востоке. Во Владивостоке находился один из батальонов морских стрелков, работали Морское училище и радиошкола. В Томске учредили машинно-моторную школу, а в Красноярске — артиллерийскую мастерс-

кую, также готовившую для флота соответствующих специалистов. К середине 1920 года штаб Дальневосточной армии атамана Семенова разработал план крупных операций в районе Нерчинского завода против забайкальского красного партизана Якимова. Сильные пехотные и кавалерийские части Дальневосточной армии успешно били большевиков, но и сами несли большие потери, терпя великую нужду в боеприпасах и перевязочных материалах. Для облегчения их положения штабом армии был разработан план формирования в порту города Сретенска так называемой Шилкинской речной флотилии боевых судов. В ее состав вошли вооруженные колесные речные пароходы «Стефан Левицкий» и «Александр Бубнов». Этим кораблям поставлена была задача пробиться вниз по Шилке, берега которой были заняты большевиками, до Усть-Кары и провести за собой санитарное судно и транспорт с боеприпасами, продовольствием и обмундированием.

Флагманом этой «эскадры» стал «Стефан Левицкий», вооруженный двумя клиновыми пушками образца 1877 года, стрелявшими еще дымным порохом. Скорость их стрельбы, конечно, не могла быть большой. Подобные пушки были установлены по одной на носу и на корме палубы на особых деревянных платформах, вращавшихся целиком вместе с орудием и номерами при нем на толстом железном шкворне. Таким образом, «наводить» орудие нужно было, приводя в движение всю орудийную платформу. Кроме этих орудий, на флагмане были три-четыре тяжелых пулемета. По бортам положены были мешки с песком и поставлены тяжелые железные листы (которые, как показал опыт, легко пробивались ружейной пулей и потому оказались не только бесполезными, но даже вредными, так как перегружали пароход). Пароход «Александр Бубнов» был вооружен более новой пушкой образца 1900 года и дву-

мя тяжелыми пулеметами. Он был меньшего размера, чем «флагманский», более подвижный и лучше вооружен, так как его трехдюймовка была гораздо действеннее, чем пушки-«старушки» времен 3-й турецкой войны, вытасненные энтузиастами белой борьбы из недр Читинского музея снова «на службу Родине». Пароходы обслуживались обычной вольнонаемной командой, ходившей с ними в мирное время по Шилке в Амур к Хабаровску и Благовещенску.

Вскоре пароходы Шилкинской флотилии были отправлены к Усть-Каре, где бросили якорь недалеко от пристани, ожидая возможности подойти к ней за дровами. Был жаркий, безветренный день. У пристани шла погрузка раненых и разгрузка боеприпасов и прочего снабжения, там кипела работа. Большинство разбрелось по каютам, но многие моряки остались на палубе и, развалившись на разостланной шинели где-нибудь в тени, сладко спали сном младенцев. Неожиданно с ближайшей сопки раздалась пулеметная и ружейная стрельба. Пули щелкали по палубе, как рассыпанный горох, прошивали железные листы укрытий и борта парохода. Началась паника. Красные партизаны, укрывшиеся за деревьями, стреляли сверху вниз, и укрыться на корабельных палубах от их выстрелов было невозможно. Нужно было отвести пароходы на дистанцию, которая позволила бы обстреливать их если не из орудий, то хотя бы из пулеметов.

Машина заработала, но пароход стоял на якоре, который требовалось выбрать из воды. Палубная команда матросов не появлялась, боясь получить шальную пулю. Создалось весьма неприятное положение, в котором шилкинский флагман представлял из себя неподвижную и совершенно безопасную цель для большевистских стрелков. Тогда войсковой старшина Николай Михайлович Красноперов, а вместе с ним гардемарин Алексей Евгеньевич Белкин после короткого совещания выскочили из своего

укрытия и бросились к лебедке. Пустить ее в ход для них не представляло особого труда. Заработала якорная лебедка, застучала цепь, и пароход стал медленно отходить от берега. Этим трагикомическим происшествием и закончился поход Шилкинской флотилии на Усть-Кару. На следующий день флотилия, выполнив свою задачу, возвратилась в Сретенск и была расформирована. Оставлен был для патрульной службы от Сретенска до Усть-Кары один лишь «Стефан Левицкий». Спустя какое-то время суда Шилкинской флотилии получили предписание отбыть в Нерчинск.

26 мая 1921 года объединенными усилиями антибольшевистских организаций во Владивостоке был произведен переворот. Восставшие в городе каппелевцы получили подкрепление: со стороны моря на барже, шедшей на буксире катера, показался десантный отряд под командой капитана 2-го ранга Алексея Васильевича Соловьева. Этот отряд, состоявший исключительно из моряков, был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем с большевистских судов. Впрочем, все же очень скоро, несмотря на понесенные потери, отряд умудрился высадиться у памятника адмиралу и путешественнику Невельскому и постепенно овладел городским портом. Через два дня во Владивостоке снова воцарилось полное спокойствие. Командующим Белыми войсками и флотом был назначен генерал-лейтенант Вержбицкий, а командующим Сибирской флотилией — отважный капитан 2-го ранга Соловьев. В период, следовавший за переворотом, Сибирская флотилия насчитывала 25 судов.

18 июня 1921 года вступил в командование Сибирской флотилией прибывший во Владивосток контр-адмирал Георгий Карлович Старк. Командующий флотилией созвал военный совет под своим председательством для обсуждения текущего положения дел и выработки программы совместных действий гражданской администрации, сухопут-

ных сил и флота на Дальнем Востоке. В состав совета вошли два контр-адмирала: Вениамин Иванович Подъяпольский, оставшийся во время будущей эвакуации в городе, и Василий Викторович Безуар, ушедший вместе с эскадрой Старка и обосновавшийся впоследствии в Китае. Был приглашен и инженер-механик генерал-лейтенант Андрей Иванович Ухлин. Вместе с ним в совет вошли военный инженер, полковник морской строительной части в Либаве в годы Первой мировой войны Александр Иванович Ярон и три капитана 1-го ранга: Александр Николаевич Пелль, оставшийся в РСФСР и погибший в лагерях в 1930-е годы, Николай Георгиевич Фомин, бывший начальник команды ледоколов на озере Байкал, входивший в окружение атамана Семенова и доживавший остаток дней своих на Австралийском континенте, и Николай Сергеевич Харин, успешно воевавший в составе Сибирской флотилии с 1918 года. В состав совета был принят и старший лейтенант Георгий Семенович Серебренников.

После совещаний и обсуждений дальнейших шагов флота командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Старк отдал по флотилии приказ, закончив его требованием от всех чинов флота и Морского ведомства полного подчинения, забвения личных интересов и спокойной и дружной работы на общее благо. Это позволило вывести флотилию из сферы политических распрей, царивших во Владивостоке, и заняться текущей флотской работой.

К осени 1921 года корабли имели некоторое вооружение и винтовки, неофициально полученные от японского морского командования под предлогом необходимости вооружения морской милиции. В октябре того же года из добровольцев была сформирована отдельная рота морских стрелков. 23 сентября 1921 года во Владивосток прибыл пароход «Франц Фердинанд». На нем приехали из Месопотамии интернированные русские беженцы, среди кото-

рых был и личный состав Каспийской флотилии под командой капитана 1-го ранга Пышнова, числом около 80 офицеров и свыше 200 матросов всех специальностей. Этот отряд, отступивший в свое время через Энзели и Персию в Месопотамию, после крушения южно-русского правительства генерала Врангеля был интернирован британцами. Они содержали русских людей на положении пленных в лагере Танум, вблизи порта Басра. Впрочем, в августе 1921 года британцы посадили весь отряд на уходивший из Месопотамии транспорт «Франц Фердинанд» и отправили во Владивосток.

С прибытием месопотамских сидельцев боеспособность Сибирской флотилии значительно повысилась не только в смысле уровня технических знаний в среде личного состава, но также возрос и боевой дух. Люди этого отряда, из которых часть участвовала в походе генерала Корнилова, часть происходила из Морской роты капитана 1-го ранга Потемкина и большинство являлись офицерами Балтийского флота, — были чужды приморской политике и потому, не раздираемые никакими внутренними интригами, принесли с собой особое дружное настроение, необходимое для успеха любой работы. Прибытие нескольких молодых штаб-офицеров и лейтенантов позволило командующему флотилией произвести замену ряда чинов своего штаба, а также некоторых командиров кораблей. Временно исполняющим обязанности начальника штаба и флаг-капитана по распорядительной части был назначен вновь прибывший, получивший чин капитана 2-го ранга Анатолий Павлович Ваксмут. Капитан 2-го ранга, начинавший свою службу еще в Гвардейском экипаже, Сергей Николаевич Гарковенко был назначен командующим флаг-капитаном по оперативной части. Работа по усилению кадрового состава флота продолжалась полным ходом. Были сделаны некоторые назначения. Капитан 2-го ранга Сергей

Яковлевич Ильвов, лейтенант Иван Васильевич Тихомиров и старший лейтенант М. Сафронов волей командующего были отправлены командовать миноносцами «Твердый», «Инженер-механик Анастасов» и «Бойкий».

Старший лейтенант Владимир Алексеевич Буцкой был назначен командиром посыльного судна «Илья Муромец». 25 августа 1922 года, когда «Илья Муромец» под командованием старшего лейтенанта Буцкого со взводом морских стрелков вышел из Владивостока и до 31 августа держался в районе Джигит-Терней-Самарга, ими был захвачен японский моторный катер с тремя вооруженными красными партизанами. Под покровом ночи катер шел с почтой от красного начальства из Тетюхэ в Терней. Факт этот лишь подтверждал сведения, что большевики за деньги пользовались японскими судами и катерами для перевозки небольших частей и почты! 28 августа началась эвакуация японскими войсками Спасского района, а затем, в течение сентября, и Владивостока, в которой активно участвовало и посыльное судно «Илья Муромец» со своим деятельным командиром.

Любопытно, что во время знаменитого исхода эскадры Старка на Филиппины Владимир Алексеевич оставался при кораблях, исполняя должность корабельного священника. В эмиграции в Китае Буцкой оказался востребован как отменный гидрограф и навигатор. Ему принадлежит пальма первенства в составлении навигационных карт великой китайской реки Янцзы по поручению британской навигационной компании, в которой старший лейтенант был вынужден служить, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами, пока в 1931 году китайские власти не предложили русскому морскому офицеру возглавить военноморское училище в Шанхае. Во время Второй мировой войны Владимир Алексеевич был взят в плен японцами и провел в японском лагере восемь долгих месяцев. После войны, когда мир стал стремительно меняться, Буцкой с

семьей переехал в Южную Европу, поселившись в Италии, проживал в Риме и зарабатывал на жизнь тем, что, обладая представительной внешностью, снимался во многих итальянских фильмах. Режиссеры не жалели для русского эмигранта даже главных ролей, ибо на Буцкого шла публика и доходы от проката фильмов с его участием оказались внушительными. Владимир Алексеевич Буцкий скончался в Риме в конце 1967 года.

В ходе проведенных кадровых изменений во Владивостоке адмиралом Старком была учреждена и должность флагманского интенданта, на которую был назначен старший лейтенант Владимир Анатольевич Гинтер, также окончивший свои дни на экзотической чужбине — в Гонконге. Плавучие средства порта, укомплектованные прежде вольнонаемным составом, были полностью заменены военнослужащими из числа прибывших беженцев на приснопамятном «Франце Фердинанде». Заведующим плавучими средствами без колебаний Старк поставил капитана 1-го ранга Бориса Михайловича Пышнова, который и оставался в этой должности до конца пребывания Белой флотилии во Владивостоке.

В конце августа 1922 года командующий флотилией адмирал Старк был назначен начальником тыла, и на флотилию с принадлежащими ей сухопутными частями лег ряд новых задач: охрана Владивостока; борьба с партизанами на полуострове Муравьев-Амурский в Посыетском районе; охрана побережья Татарского пролива; поддержка блокады побережья залива Петра Великого к востоку от Владивостока; оборона Камчатки; охрана звериных и рыбных промыслов и лесных богатств, расположенных в районе побережья, занятого белыми; доставка пополнений и грузов отряду генерала Пепеляева на побережье Охотского моря. Вся эта работа требовала исключительного напряжения всего состава флотилии.

26 сентября 1922 года генерал Дитерихс издал указ, в коем говорилось, что, ввиду критического положения, все силы и средства должны быть обращены на защиту края. Согласно указу, временно закрывались все высшие учебные заведения и военные училища, для призыва учащихся в войска создавалось ополчение. Во Владивостоке под ружье было поставлено 4 тыс. человек. В близлежащем городке Никольске было собрано около 700 человек. Спешно формировались офицерские батальоны, ратники снабжались теплой одеждой из средств городских самоуправлений и, по готовности, немедленно отправлялись на фронт. Образовывался и особый фонд на нужды войны. Между тем красные, подтянув резервы, начали проявлять особую активность на фронте.

В октябре 1922 года началась эвакуация. Из частных судов и пароходов Добровольного флота был составлен отряд транспортов. Всего эвакуации подлежало 10 тысяч человек, считая в том числе несколько сот раненых, для которых было зафрахтовано два японских парохода. Эвакуация Владивостока протекала во всех деталях, строго следуя секретному оперативному приказу командующего Сибирской флотилией от 23 октября 1922 года № 26. Этот приказ, рассчитанный по часам, был выполнен в совершенном порядке, точно в назначенные сроки. К 11 часам ночи 24 октября Владивосток был оставлен белыми частями. Красные вступили в город в 10 часов утра 25 октября, но не имели плавучих средств, чтобы организовать преследование белой флотилии. Так перевернулась последняя страница истории борьбы с большевиками на водах Отечества.

Раздел четвертый

НА ЧУЖИХ РЕЙДАХ

Глава двадцать седьмая

КРЫМСКИЙ ИСХОД

Белый фронт, защищавший черноморское побережье в начале 1920 года, был достаточно силен, чтобы держать под контролем не только берега занятого Русской армией Крымского полуострова, но и всю прибрежную зону Черноморско-Азовского бассейна. Однако общая политическая обстановка за границей и в самой России складывалась не в пользу планов, намеченных Петром Николаевичем Врангелем для Юга России. Приказом командующего Черноморским флотом адмирала Саблина от 20 июня 1920 года военный флот был разделен на три отряда и состоял из более чем 120 судов. С той поры, как вся борьба с большевиками была перенесена в Крым, Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России генералом Врангелем было дано секретное приказание командующему штабом флота на случай неудач по отражению большевистского наступления на

фронте перешейков, разработать план эвакуации армии, флота и учреждений тыла из Крыма в Константинополь.

Секретным отношением начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 4 апреля 1920 года за № 002430, на имя командующего флотом, Главнокомандующий приказывал: «Соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки в случае необходимости около 100 тыс. человек в Константинополь. Для этого предлагалось распределить нужный тоннаж по предполагаемым портам посадки с таким расчетом, чтобы было можно начать посадку на суда через 4—5 дней после начала отхода с перешейков». При этом Врангелем предлагались пункты посадки и численное распределение войск по портам полуострова. Работа над планом эвакуации началась, и в ней приняли самое деятельное участие все высшие чины флота, посвященные в текст секретной бумаги Врангеля. Их умения и навыки помогли в самый кратчайший срок подготовить все необходимое для того, чтобы спасти Русскую армию от полного разгрома большевистскими ордами.

Те из чинов армии, кто понадеялся на милость победителей, не желая эвакуироваться за границу, имели возможность очень скоро убедиться в собственной трагической ошибке. Образ залитого кровью Крыма зимы 1920 года стал хрестоматийным примером отношения большевиков к побежденным. Воцарившись в некогда великой стране, именно из Крыма декабря 1920 года они начали свой бесконечный террор, продлившийся не одно десятилетие. В связи с этим тем, кто избежал страшной смерти на мысе Св. Ильи, на Чумной горе и в наспех созданных концентрационных лагерях, нельзя забыть неоценимые заслуги командующих Черноморским флотом вице-адмиралов Михаила Павловича Саблина и Дмитрия Всеволодовича Ненюкова. Нельзя также не вспомнить деятельность начальника штаба фло-

та, контр-адмирала Владимира Владимировича Николя и начальника Морского управления вице-адмирала Александра Михайловича Герасимова. Их успехи обусловлены участием в разработке и исполнении плана крымской эвакуации других специалистов. Флагмана инженера-механика генерал-лейтенанта Ермакова, контр-адмирала Сергея Владимировича Евдокимова и подчиненных им лиц.

12 октября 1920 года командующим Черноморским флотом и начальником Морского управления барон Врангель назначил контр-адмирала Михаила Александровича Кедрова. Это назначение было призвано заменить больного и через несколько дней скончавшегося вице-адмирала Саблина. Начальником штаба флота, по представлению Кедрова, был назначен хорошо известный ему контр-адмирал Николай Николаевич Машуков. 27 октября 1920 года командующим флотом были назначены в порты посадки старшие морские начальники, коим были даны подробные инструкции на случай эвакуации. Так в порт Евпатории был назначен контр-адмирал Александр Михайлович Клыков, в Ялтинский порт — контр-адмирал Павел Павлович Левицкий, в Феодосию — капитан 1-го ранга Иван Константинович Федяевский и в Керчь — начальник 2-го отряда судов контр-адмирал Михаил Александрович Беренс.

После того как последний солдат взойшел на корабль и в Севастополе больше ни одной военной части не оставалось, в 14 ч 50 мин 2 ноября 1920 года прибыл с Графской пристани на крейсер «Генерал Корнилов» сам Главнокомандующий генерал Врангель. Прибыв в сопровождении ближайших чинов штаба, он отдал приказание сниматься с якоря. На борту крейсера разместился и штаб Главкома, и штаб командующего флотом, а также особая часть штаба флота. Там же пребывали и Государственный банк, и семьи офицеров, и команды крейсера, а также многочисленные пассажиры. Всего на борт крейсера поднялось 500 человек.

Следуя в изгнание, не предвидя, что для многих чинов Белой армии оно станет пожизненным, Главнокомандующий послал обнадеживающую радиотелеграмму в Константинополь А. В. Кривошеину для широкого распространения в армии и среди беженцев: «Русская армия, оставшись одинокой в борьбе с коммунизмом, несмотря на полную поддержку крестьян, рабочих и городского населения Крыма, вследствие своей малочисленности, не смогла отразить натиск во много раз сильнеешего противника, перебросившего войска с польского фронта. Я отдал приказ об оставлении Крыма, учитывая те трудности и лишения, которые Русской армии придется перетерпеть в ее дальнейшем крестном пути, я разрешил желающим остаться в Крыму. Таких почти не оказалось. Все казаки и солдаты Русской армии, все чины Русского флота, почти все бывшие красноармейцы и масса гражданского населения не захотели подчиниться коммунистическому игу. Они решили идти на новое тяжелое испытание, твердо веря в конечное торжество своего правого дела. Сегодня закончилась посадка на суда, везде она прошла в образцовом порядке. Неизменная твердость духа флота и господство на море дали возможность выполнить эту беспримерную в истории задачу и тем спасти Армию и население от мести и надругания. Всего из Крыма ушло около 150 000 человек и 120 судов Русского флота. Настроение войск и флота отличное, у всех твердая вера в конечную победу над коммунизмом и в возрождение нашей Великой Родины. Отдаю Армию, Флот и выехавшее население под покровительство Франции, единственной из великих держав, оценившей мировое значение нашей борьбы».

По прибытии войск в Константинополь текст телеграммы с воодушевлением обсуждали почти все, а среди военной молодежи, с нетерпением ждавшей новой возможности сразиться с большевиками, телеграмма произвела значительный подъем духа, немного упавшего за время отступления и

эвакуации, как войск, так и основного военно-морского учебного заведения в Севастополе. Вернувшись немного назад, стоит, вероятно, сказать здесь и несколько слов об эвакуации Морского корпуса. 30 октября баржа «Тилли», нагруженная тюками и ящиками с обмундированием, книгами, съестными припасами и всякой утварью, подошла к борту линейного корабля «Генерал Алексеев», стоявшего в Южной бухте. Под руководством капитана 1-го ранга Николая Николаевича Александрова весь день и всю ночь кадеты перегружали корпусное имущество. Старшие из кадет заняли караульные посты у погребов, в кочегарках и у механизмов, охраняя их от возможного саботажа со стороны уходивших на берег матросов. С разрешения капитана 1-го ранга Александрова одно отделение гардемарин оставалось в помещении корпуса. На стоявшую у корпусного мола угольную баржу они погрузили все корпусное хозяйство и провиант и отбуксировали этот «Ноев ковчег» к «Генералу Алексееву», который таким образом был обеспечен свежим мясом. Старший офицер корабля старший лейтенант Александр Николаевич Павлов проверил наличие команды и пассажиров. Командир «Генерала Алексеева» капитан 1-го ранга Виктор Николаевич Борсук около полуночи 31 октября 1920 года дал ход.

Глава двадцать восьмая

НА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМ РЕЙДЕ

Все вышедшие в ту же ночь из Евпатории суда благополучно прибыли в Константинополь, и лишь команда небольшого катера «Язон», ведомая на буксире пароходом «Эльпидифор», обрубив ночью буксиры, увела его в Севастополь. На «Язоне», кроме его команды, численностью

до 15 человек, никого из посторонних не было, и решение вернуться к большевикам приняли ее члены. Все вышедшие 1 и 2 ноября 1920 года из Ялты суда благополучно выдержали переход через бурное в последний месяц осени Черное море. Последний русский корабль — вооруженный ледокол «Гайдамак» под флагом контр-адмирала Машукова покинул Ялту 2 ноября в 13 ч 15 мин. Все суда, вышедшие из Феодосии, кроме канонерской лодки «Кавказ», которую ввиду сложности ее буксировки комендант парохода «Владимир» приказал затопить в море, предварительно сняв с нее людей и спустив Андреевский флаг, находящийся ныне в музее ООРИФ в Нью-Йорке, благополучно пришли в Константинополь утром 4 ноября.

В эти дни из Керчи были вывезены флотом не только войска, отошедшие в город, в числе гораздо большем, чем предполагалось, но и те части, что прибыли из Феодосии, где из-за нехватки тоннажа их не могли погрузить. Перегрузка людьми на судах была такова, что многие беженцы не могли даже сидеть и им приходилось чуть ли не весь период морского похода до Константинополя стоять плечом к плечу. Запасов пресной воды в Керчи оставалось мало, а ее запасы были минимальны. На многих из кораблей, выходивших в море из Керченской гавани, вся пресная вода была в походе выпита. В употребление пошла даже вода из недеятвующих котлов, то есть с примесью масла.

Однако все суда, что шли из Керчи, пережили в Черном море норд-остовый шторм силой в семь баллов и вскоре пришли в Константинополь, потеряв в пучине лишь эскадренный миноносец «Живой». На миноносце находились лейтенант Евгений Иванович Нифонтов, гардемарин Владимир Сигизмундович Скупенский, пять человек команды и 250 человек пассажиров, главным образом офицеры Донского полка. Когда по приходе всех судов в Босфорский пролив, выяснилось, что эскадренный миноносец «Жи-

вой» не пришел, то совместно с русскими судами по согласованию с союзниками, командующим флотом были посланы в море на поиски пропавшего судна несколько французских военных судов. Собранные фрагменты, оставшиеся к моменту их обнаружения на воде, говорили о том, что миноносец, скорее всего, затонул при внезапно налетевшем шторме. По приходе флота в Константинополь началась демобилизация пароходов, а также вспомогательных военных судов. Вместе с тем проходило и расформирование служб и учреждений, ставших на чужбине совершенно излишними.

Наименование «флот» едва соответствовало по своему количеству и составу бывшей императорской Черноморской эскадре, а потому Черноморский флот приказом командующего флотом за № 11 от 21 ноября 1920 года переименован в Русскую эскадру. Командующий эскадрой автоматически становился старший флагман вице-адмирал М. А. Кедров, а начальником штаба Русской эскадры — его верный приятель контр-адмирал Н. Н. Машуков. Назначения и кадровые перестановки прошли и по флоту, однако некоторые офицеры оставались на прежних местах. 1-й отряд эскадры возглавил младший флагман контр-адмирал Павел Павлович Остелецкий. Линейным кораблем «Генерал Алексеев» командовал бывший старший морской начальник в Феодосии, капитан 1-го ранга Иван Константинович Федяевский. На крейсере «Генерал Корнилов» остался его прежний командир капитан 1-го ранга Владимир Алексеевич Потапьев. А вспомогательный крейсер «Алмаз» был вверен заботам своего «давнего», с июля 1920 года, командира, капитана 1-го ранга Владимир Алексеевича Григоркова.

В дивизионе подводных лодок начальниками были старшие из командиров. Так, на подводной лодке «Буревестник» командиром был старший лейтенант Владимир

Владимирович Оффенберг, перебравшийся еще в 1921 году на жительство в Северо-Американские Соединенные Штаты, подводной лодкой «Утка» командовал уже знакомый нам по его славным подвигам капитан 2-го ранга Нестор Александрович Монастырев. У подводной лодки «Тюлень» командиром был капитан 2-го ранга Михаил Владимирович Копьев, проявивший в эмиграции незаурядные данные морского литератора и публиковавшийся под псевдонимом «Изгнанник». Его путь во Францию, где он умер уже в 1965 году, лежал через пески Алжира и знойные барханы Туниса, где прошли годы его жизни. На подводной лодке «АГ-22» командиром был старший лейтенант Константин Людвигович Матыевич-Мациевич. У базы подводных лодок транспорта «Добыча» имелся свой командир, капитан 2-го ранга Николай Александрович Краснопольский.

16 ноября 1920 года по новому стилю все русские корабли, военные и коммерческие, вышедшие из портов Крыма и пришедшие в Царьград, стояли на якоре, на рейде Мода. Эвакуацию можно было считать оконченной. Нужно признать, что Русский флот, несмотря на сложности и потери, преодолев все препятствия, превосходно справился с поставленной им бароном Врангелем труднейшей задачей. Это было отмечено на ранних стадиях перехода эскадры, когда корабли ее еще не достигли константинопольских берегов. 3 ноября 1920 года в море приказом Главнокомандующего за № 2207 командующий Черноморским флотом контр-адмирал Михаил Александрович Кедров был произведен за особые отличия по службе в вице-адмиралы. Слаженными действиями Кедрова и его подчиненных, равно как и организацией эвакуации, были восхищены и «союзники».

3 ноября 1920 года французский адмирал Дюмениль по радио обратился к Главнокомандующему с прочувственной речью: «Генералу Врангелю: Офицеры и солдаты Армии

Юга в продолжение 7-ми месяцев под вашим командованием подали великолепный пример храбрости, сражаясь с противником, в 10 раз сильнее, дабы освободить Россию от постигшей тирании. Но борьба эта была чересчур неравная, и вам пришлось покинуть вашу Родину. По крайней мере, вы имеете удовлетворение в сознании великолепно проведенной эвакуации, которую французский флот, подавший вам помощь, счастлив видеть хорошо законченной. Ваше дело не будет бесполезным, население Юга быстро сумеет сравнить вашу власть, справедливую и благожелательную, с мерзким режимом Советов, и вы тем самым окажете помощь возвращению разума и возрождению вашей страны, что желаю, чтобы произошло в скором времени. Адмирал, офицеры и матросы французского флота низко кланяются перед генералом Врангелем, дабы почтить его храбрость». На основании благосклонных отзывов о прошедшей эвакуации в генерал-лейтенанты был произведен и начальник морского транспорта инженер-механик генерал-майор Ермаков.

4 ноября на кораблях Русской эскадры был зачитан приказ Командующего флотом № 5, обращенный к своим товарищам по оружию: «Флагманы, командиры, офицеры и матросы Черноморского флота. В неравной борьбе нашей с неисчислимыми превосходными силами противника Русской Армии, истекающей кровью, пришлось оставить Крым. На доблестный Черноморский флот выпала исключительная по трудности задача: почти без иностранной помощи своими средствами и силами в весьма кратчайший срок, в осеннее время нужно было подготовить и эвакуировать из Крыма армию и часть населения, общей численностью около 150 000 человек. Черноморский флот, сильный своим духом, блестяще справился с этой задачей. Из всех портов Крыма, в 3-дневный срок, почти одновременно, по составленному заранее плану, транспорты, перегру-

женные до крайности, под прикрытием военных судов вышли в Константинополь. Одновременно были выведены на буксирах все находившиеся в ремонте большие суда и плавучие средства, имеющие какое-нибудь боевое значение. Противнику оставлены только старые коробки со взорванными еще в прошлом году иностранцами механизмами. Наш Главнокомандующий, желая отличить такую исключительную работу флота, произвел меня, вашего Командующего флотом в вице-адмиралы. Низко кланяюсь и благодарю вас за эту честь. Не ко мне, а к вам относится эта награда. Не могу не отметить исключительной работы моего начальника штаба контр-адмирала Машукова. Не буду говорить об этой работе его — вы ее все видели, оценили и откликнулись, следствием чего явилась ваша доблестная и исключительная по достигнутым результатам работа. Адмирал *Кедров*». В Константинополе адмиралу еще предстояло многое сделать, а главное — создать полноценную эскадру, распределив суда и их командиров самым надлежащим образом, чтобы в один прекрасный день вся эта вооруженная морская сила была готова вновь обрушиться на большевиков всю свою мощь. Закипела работа.

Глава двадцать девятая

СОЗДАНИЕ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ

В трех отрядах, силы эскадры распределились следующим образом. 2-й отряд возглавлял младший флагман контр-адмирал Михаил Александрович Беренс. Эскадренным миноносцем 2-го отряда «Пылкий» командовал капитан 2-го ранга Александр Иванович Кублицкий, начавший свою службу в гвардии еще до октябрьского переворота. Впоследствии, находясь в эмиграции, Александр Иванович

Кублицкий был членом правления полкового объединения чинов Гвардейского Экипажа. Эскадренным миноносцем «Дерзкий» командовал капитан 1-го ранга Николай Рудольфович Гутан, знакомый читателю по той части очерков, где описываются действия Каспийской флотилии. Общее командование 2-м эскадренным миноносцем «Гневный», эскадренным миноносцем «Цериго» и эскадренным миноносцем «Капитан Сакен» взял на себя капитан 2-го ранга Алексей Алексеевич Остолопов, участник активной борьбы с большевиками в водах Черного моря. Эскадренный миноносец «Жаркий» возглавил старший лейтенант Александр Сергеевич Манштейн, отец проживающей ныне в Бизерте старшей представительницы русской эмиграции в Тунисе г-жи Манштейн-Ширинской. Эскадренным миноносцем «Звонкий» командовал старший лейтенант Михаил Михайлович Максимович, а эскадренным миноносцем «Зоркий» — капитан 2-го ранга Владислав Александрович Зилов, бывший старший офицер крейсера «Генерал Корнилов». В 3-м отряде под руководством младшего флагмана — контр-адмирал Александр Михайлович Клыков; командование кораблями распределялось следующим образом.

Канонерской лодкой «Страж» руководил капитан 2-го ранга Константин Григорьевич Люби, канонерской лодкой «Грозный» — старший лейтенант Роберт Эдуардович фон Вирен, в годы Второй мировой войны служивший в германском вермахте и благополучно переживший его крах в 1945 году. Канонерская лодка «Якут» оставалась под командой многоопытного капитана 1-го ранга Михаила Александровича Кितिцына, дальнейшая судьба которого привела его на службу инженером в Богом забытом американском штате Айдахо, а когда возраст уже не позволял оставаться в рядах частной компании, с обыкновенным для многих американских инженеров коротанием своих пен-

сионных дней во Флориде. Канонерская лодка «Лукулл», ставшая на время резиденцией барона Врангеля и чья участь была предрешена впоследствии большевиками, находилась под началом старшего лейтенанта Бориса Николаевича Степанова. По случайности оказавшийся живым во время тарана «Лукулла» пароходом «Адрия», Степанов дожил до глубокой старости, активно публикуя свои очерки и воспоминания о былом в парижском военно-историческом морском листке. Тральщиками: «Альбатрос», «Баклан», «Китобой» командовал лейтенант Оскар Оскарович Ферсман, нашедший свой эмигрантский приют в гостеприимной Аргентине. Сторожевым катером «Капитан 2-го ранга Медведев», а также гидрографическими судами «Казбек» и «Веха» руководил штабс-капитан по адмиралтейству Евгений Александрович Поляков. Командиром буксира «Черномор» был капитан 2-го ранга Вадим Андреевич Бирилев, а буксиром «Голланд» — командовал лейтенант Николай Васильевич Иваненко. В 4-м отряде младшего флагмана инженер-механика генерал-лейтенанта Мстислава Петровича Ермакова командование судами было следующим.

Ледоколом «Илья Муромец» командовал капитан 2-го ранга Иван Сергеевич Рыков, ледоколом «Всадник» — старший лейтенант Фридрих Эдуардович Викберг, а «Джигитом», «Гайдамаком» — капитан 1-го ранга Виктор Викторович Вилькен. У транспорта «Дон» командиром был капитан 1-го ранга Семен Ильич Зеленый, а у «Крыма» — штабс-капитан по адмиралтейству Яков Степанович Андросов. Транспорт «Далланд» находился под командой капитана 1-го ранга Якова Ивановича Подгорного. На транспорте «Шипка» был капитан 2-го ранга Дмитрий Дмитриевич Нелидов, а «Самарой» командовал контр-адмирал Алексей Николаевич Заев. Удивительно, что этому адмиралу в эмиграции пришлось работать обыкновенным рабочим на спи-

чечной фабрике в Филадельфии и затем в Нью-Йорке. Какая потеря для русского национального флота и прошедшее незамеченным для американцев счастливое обстоятельство его пребывания на их земле, которым они даже не пожелали воспользоваться!

Транспортом «Екатеринодар» командовал капитан 2-го ранга Николай Алексеевич Ивановский. Кроме того, в 4-й отряд входили транспорты: «Рион», «Инкерман», «Поти», «Ялта», «Сарыч», «Осторожный», «Туркестан», «Ольга» (Сухум), «Заря», «Псезуапс», «№ 410» (Вера), «№ 412», «№ 413». К ним добавились суда Добровольческого флота: «Владимир», «Саратов», «Колыма», «Иртыш», «Херсон», «Витим», «Омск» и «Доброволец». Дунайского пароходства: «Александр Невский», «Русь», «Моряк» и «Адмирал Кашерининов». Вместе с этим в 4-й отряд вошли несколько судов из Русского Константинопольского порта: «Радость», «Трапезунд», «Надежда», «Днепр» и «Почин», а также буксиры: «Днепровец», «Иппокай», «Скиф» и «Чурубаш».

В распоряжении командующего эскадрой оставался линейный корабль «Георгий Победоносец» под командованием капитана 2-го ранга Петра Петровича Савича. Транспортной мастерской «Кронштадт» командовал капитан 1-го ранга Константин Владимирович Мордвинов, а учебным судном «Свобода» — старший лейтенант Александр Гаврилович Рыбин. Для обслуживания Русской эскадры начальником базы, подчиненным непосредственно командующему Русской эскадрой, был назначен контр-адмирал Александр Иванович Тихменев. 11 декабря 1920 года в 11 ч 50 мин Главнокомандующий барон Врангель, простившись с офицерами и командой крейсера «Генерал Корнилов», съехал с крейсера на яхту (посыльное судно) «Лукулл», куда и перенес свой флаг. На «Генерале Корнилове» был поднят флаг командующего эскадрой.

Глава тридцатая

ОТПЛЫТИЕ В БИЗЕРТУ

Русская эскадра стала покидать Константинополь 8 декабря 1920 года, направляясь к месту своей новой стоянки в тунисском порту Бизерта, куда полностью прибыла 22—23 декабря 1920 года. Корабли прошли архипелагом в Наварин, где были загружены углем и пресной водой и взяли курс на африканское побережье, следуя в тунисский порт Бизерту. Из Наварина в Бизерту шел большой баркас, а пассажирами баркаса были гардемарины и кадеты. На руле баркаса сидел воспитатель, капитан 1-го ранга Владимир фон Берг, на кормовом сиденье расположился вице-адмирал Александр Михайлович Герасимов, назначенный новым директором Морского корпуса, а рядом с ним находился митрофорный протоиерей о. Георгий Спасский, назначенный настоятелем церкви Морского корпуса. С воспитанниками корпуса на судне плыли и все офицеры-воспитатели.

Белогвардейская эскадра шла по тем же водам, где более ста лет тому назад подвиги эскадры адмирала Сенявина, действовавшей против флота Наполеона Бонапарта, сделали его имя известным всей России. Часть эскадры двигалась по Коринфскому каналу, а более крупные суда, имевшие большую осадку, огибали Грецию. У берегов Кефалонии, чуть южнее острова Корфу, произошел сбор эскадры для дальнейшего похода на Бизерту. Корабли вошли в глубокую бухту Каруба, из которой были видны белые стены Бизерты, за ними виднелись горы и очертания пальм. Здесь произошла постановка кораблей на якоря, были закреплены швартовы и на берег сошли их экипажи.

Занявшись расселением русских моряков во временных лагерях, вице-адмирал Михаил Александрович Кедров в

краткие сроки решил задачи проживания чинов флота и их семей. С приходом русских кораблей в чужие воды, в совершенно новых условиях жизни и работы команд на кораблях, неизбежно стали происходить коренные изменения в штабе эскадры, что было обусловлено в первую очередь самой обстановкой. Исполняющим дела командующего Русской эскадрой был назначен контр-адмирал Михаил Александрович Беренс, а его начальником штаба — контр-адмирал Александр Иванович Тихменев. Старшим флаг-офицером стал мичман Андрей Борисович Лесгафт. На Гражданской войне он успел немного послужить у Юденича, в Отдельном батальоне танков, затем, вернувшись во флот, попал на знаменитый своими переходами тральщик «Китобой», и вот теперь вместе с флотом оказался в Бизерте. Забегая немного вперед, нужно отметить, что дни свои Лесгафт закончил на других берегах, почив в городке Коламбус, в штате Огайо. Офицером для связи с французским колониальным морским префектом стал старший лейтенант Юрий Всеволодович Соловьев. Флагманским инженером-механиком оставался генерал-майор Владимир Григорьевич Максименко.

Морской префект французской колониальной администрации адмирал Варрней решил пойти навстречу просьбе контр-адмирала Машукова о предоставлении помещения под военно-морское учебное заведение, эвакуировавшееся вместе с эскадрой. Под нужды Морского корпуса он предоставил на выбор либо один из находившихся в районе Бизерты бывших военных лагерей, или форт под замысловатым названием Джебель-Кебир. Отборочная комиссия под председательством капитана 1-го ранга Александрова остановила свой выбор на форте, ибо он как нельзя лучше отвечал требованиям, предъявляемым к учебному помещению. Кроме того, форт выгодно располагался в одном километре от лагеря Сфаят, откуда в него могла легко добираться уча-

щаяся молодежь. Джебель-Кебир был окружен глубоким рвом и высоким валом. Вал широкой каменной стеной опоясывал всю крепость по периметру и замыкался высокими каменными воротами с толстой железной решеткой.

У самой крепости располагалась строевая площадка, откуда глазу открывался дивный вид на всю Бизерту с ее горами, пальмовыми аллеями, озером и уютную средиземноморскую бухту. На эту площадку гардемаринами выносятся знаменный флаг, здесь же служились молебны, проходил церемониальным маршем батальон Морского корпуса, зачитывали приказы и звучали речи начальствующих лиц. На этой же площадке в храмовый праздник корпуса 6 ноября — день Святителя Павла Исповедника, истинный морской праздник, проходили торжественные парады. Всем проходящим мимо было хорошо видно, как на ее входе ежедневно дежурил гардемарин, вооруженный морским палашом, салютуя прибывающим в крепость.

В одном из казематов магометанского Кебира стараниями о. Георгия Спасского была обустроена корпусная Русская православная церковь. О ней сохранились теплые воспоминания прихожанина: «С низкого сводчатого потолка спускаются гирлянды пушистого вереска и туи, в них вплетены живые цветы. Гирлянды темной рамой окружают белый иконостас с Царскими вратами. На иконостасе образа Христа Спасителя и Св. Павла Исповедника. Справа и слева две белых хоругви и знаменный флаг. Белые покрывала на аналоях сшиты из бязи и золотых позументов, паникадило из жести. Через узкую бойницу падает луч солнца на Тайную Вечерю над Царскими вратами». Было в Джебель-Кебуре достаточно места для персонала и складов.

13 января 1921 года воспитанники Морского корпуса с судов были переведены на берег. Жизнь русской колонии в северо-африканском городке Бизерта продолжилась. Море выглядело темно-синим сапфиром в оправе золотых пес-

чаных берегов, изумруды волн продолжали свой бег. Город жил своей жизнью — весь в дымке раскаленных дней и серебре лунного сияния в иные ночи, с куполами мечетей и редкой готикой католического храма, оставаясь зеленым оазисом среди песчаных холмов и гор, отделенный от них стенами пальм, маслиновыми рощами, колючими кактусами и колоннами алоэ. В местечке Сфаят пребывали гардемарины роты, личный состав преподавателей и их семейства, а так же семьи офицеров. Всего на возвышенности Кебир и в долине Сфаята оказалось 320 гардемаринов и кадетов, 60 офицеров и преподавателей, 40 матросов из разных команд и полсотни членов семей моряков.

Вскоре в русской колонии возник «Дамский комитет», состоявший из жен офицеров и пошивочная мастерская, занимавшаяся пошивом одежды для всех чинов Морского корпуса. Постепенно были открыты корпусная библиотека и типография, а почти одновременно с ними и «Казенная лавочка» для всего населения. Затем на территории лагеря построили и площадку для тенниса. Как вспоминал очевидец: «На площадке тенниса, окруженной молодыми соснами, звонким колокольчиком звенит задорный смех. Весело прыгает на загорелых ножках, подбрасывая ракеткой белый мяч, хорошенькая девочка... золотые кудряшки пляшут по загорелым, дрожащим от смеха щекам. Ее партнеры — кадеты не отстают от нее ни в резвости, ни в веселости».

Семьи офицеров эскадры размещались на приспособленном под общежитие бывшем линейном корабле «Георгий Победоносец». Командиром корабля-общежития, стоявшего уже без одной трубы, мачт и флага у мола Бизертской гавани, был назначен контр-адмирал Михаил Семенович Подушкин. Казалось, жизнь в новых и необычайных условиях постепенно, но уверенно входила в колею... Все работали «не за страх, а за совесть», веря, наде-

ясь и ожидая скорую возможность возвращения в родные воды. Не затихала жизнь духовная и светская. В церкви, обустроенной отцом Георгием, скромной и бедной, но вместе с тем уютной и ласковой, он совершал все службы и церковные требы для Морского корпуса и семей моряков. Курс лекций для учащихся Морского корпуса состоял из разнообразных важных предметов — дифференциальное исчисление, математика, морское дело, история, русский язык. Воспитанникам устраивались гимнастические праздники, организованные и подготовленные поручиком Владимиром Ивановичем Высочиним. Во рву крепости был организован любительский театр, где шли пьесы, сочиняемые чинами Морского корпуса. Проводились балы. С необходимым реквизитом всегда помогал Морской агент в Париже Владимир Иванович Дмитриев, считавшийся надеждой и опорой корпуса в «парижских сферах» и помогавший «питомнику морской детворы и молодежи» приобрести или организовать доставку необходимых вещей.

Первый бал был дан в крепостном дворе, где был организован танцевальный зал. На возвышении, в гирляндах и флагах, расположился оркестр корпуса. Участник бала вспоминал с трогательным умилением: «Вальсы сменялись мазурками, плясали краковяк, кадрили, миньон, полонез, шакон и даже польку. Весело, искренне, непринужденно, как всегда у моряков. Для отдыха между танцами дамы и кавалеры, пройдя двор, углублялись под своды крепости и скрывались в интимном полумраке разноцветных гостиных, где их угощали сладостями и лимонадом. Там, на мягких диванах оседала та или иная царица бала, окруженная синим кольцом гардемаринов или кадетов. В одной гостиной пели русские песни, в другой играли в шарады...»

Однако и здесь, в сравнительно более благоприятных условиях, в сравнении с балканскими, перед многими чинами Морского корпуса, перед морскими офицерами и

преподавателями неизменно вставал вопрос о том, как жить дальше. Перемены не заставили себя ждать. В 10 ч утра 30 октября 1924 года морской префект вице-адмирал Эксельманс прибыл на эскадренный миноносец «Дерзкий», где к этому времени были собраны все командиры и свободные от службы офицеры и корабельные гардемарины. Адмирал Эксельманс объявил им о признании французским правительством нового государственного образования под названием «СССР»... С заходом солнца на судах Русской эскадры были спущены Андреевские флаги, с тем чтобы более не подниматься. Одновременно с грустной церемонией спуска флагов на судах Русской эскадры была ограничена деятельность и Морского корпуса.

Оставшиеся гардемарины и кадеты на форту Джебель-Кебир с 1921 года были переведены в лагерь Сфаят, но и здесь дни корпуса были уже сочтены. Сигнал «разойтись» прозвучал в Африке, в лагере Сфаят вблизи Бизерты 6 мая 1925 года. Был выпущен последний курс гардемарин, закрылись учебные классы, упаковано оборудование и инвентарь. Преподаватели и выпускники прощались, расходясь по пространствам бесконечной земли, последний остров русской жизни перестал существовать, и замерло время, снова сквозь раскаленный воздух полился громкий призыв муллы на минарете, и беспристрастно подул ветер с Сахары. За время существования корпуса, открытого в Севастополе 17 октября 1919 года, через его учебную программу прошло 394 воспитанника, из которых получили аттестаты 300 человек.

Итак, Бизертский Морской корпус — это последнее звено тех перипетий, через которые прошла знаменитая петровская «Навигацкая школа», созданная 14 января 1701 года. В храме-памятнике, воздвигнутом русскими белыми моряками в 1936 году в Бизерте, в 1950 году была сооружена мраморная доска, на которой были отображены

имена всех кораблей, пришедших из Крыма в африканские воды на Рождество 1920 года. Флаг последнего командующего последней Русской эскадрой контр-адмирала М. А. Беренса хранится в музее ООРИФ в Нью-Йорке.

С 1924 года с признанием Францией Советской России, все русские корабли в Бизерте перешли в собственность метрополии. Бывший начальник штаба Русской эскадры контр-адмирал Александр Иванович Тихменев писал: «В далеком тунисском городке, в Северной Африке, где нашли себе приют остатки Российского Императорского Флота, не только у моряков, но и у всех Русских людей дрогнуло сердце, когда в 17ч 25 мин. 29 октября 1924 года раздалась последняя команда «На Флаг и Гюйс» и спустя одну минуту — «Флаг и Гюйс спустить». Тихо спускались флаги с изображением креста Святого Андрея Первозванного, символ Флота, нет — символ былой, почти 250-летней славы и величия России».

В 1925 году в Тунисе оставалось уже не более 700 русских. Остальные разъехались по всему миру. Часть русской общины еще ранее перебралась в тунисскую столицу, где в снятом приблизительно в 1922 году доме № 60 на улице Зешегз было оборудовано помещение для церкви, получившей название Воскресения Христова. Туда привезли иконостас и церковную утварь с кораблей. Служил в ней о. Константин Михайловский, приютившийся вместе со своей семьей в том же доме. Корабельная церковь на «Георгии Победоносце», где до спуска Андреевского флага служил отец Иоаникий Полетаев, была перенесена в снятую русскими частную бизертскую квартиру на улице Апри, в одной из комнат которой проходили службы.

В начале 1930-х годов корабли Русской эскадры, переданные французам, были отправлены ими на слом. Свидетели уничтожения русской морской славы в лице остатков военных кораблей в Бизерте бережно хранили память о бес-

примерном походе и обсуждали идею строительства мемориального храма в память об исчезнувшей эскадре. Для этого ревнителями русской морской истории в Бизерте был создан комитет, в состав которого вошли в качестве председателя адмирал Александр Михайлович Беренс, а в качестве его действительных членов — контр-адмирал Сергей Николаевич Ворожейкин, работавший в то время в должности бухгалтера в туниССкой колониальной конторе, бывший командир посыльного судна «Якут», капитан 1-го ранга Георгий Фридрихович Гильдебрант, капитан 2-го ранга, а ныне инженер-строитель французской компании Иван Сергеевич Рыков, стяжавший себе славу руководителя десанта у Покровки в мае 1920 года и старший лейтенант Александр Сергеевич Манштейн, бывший командир эсминца «Жаркий». Мирно покоящийся на бизертском кладбище старший лейтенант был отцом поныне здравствующей и проживающей в Бизерте Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской, попавшей на берега Туниса восьмилетней девочкой в 1920 году на борту миноносца «Жаркий».

В 1936 году комитетом было получено разрешение французских колониальных властей на строительство храма. На основании решения бизертинского муниципалитета в 1937 году в городе было начато строительство храма на пожертвования русских эмигрантов, закончившееся менее чем через год. На церемонию закладки храма комитетом были приглашены все высшие французские и туниССкие власти, военные и гражданские, вся русская колония Туниса, а также последний командующий эскадрой контр-адмирал Беренс и другие командиры кораблей. Закладку совершил митрофорный протоиерей Константин Малиженовский. Место будущей церкви, строящейся во имя святого благоверного великого князя Александра Невского, было красиво убрано флагами, а около места будущего

святого престола красовались два русских флага — Андреевский, морской, и национальный «триколор».

В закладной камень были вложены икона Спасителя, коробочка с русской землей и кусок пергамента, на котором были указаны дата закладки и ее цель. Эта трогательная церемония произвела на присутствовавших там иностранцев глубокое впечатление. Первым настоятелем храма, освященного в честь святого благоверного великого князя Александра Невского, стал протоиерей Иоаникий Полетаев. Контр-адмирал Александр Иванович Тихменев писал: «... там, в Бизерте, сооружен скромный Храм-Памятник последним кораблям Российского Императорского Флота, в нем завеса на Царских Вратах — Андреевский стяг, в этом храме-памятнике мраморные доски с названиями кораблей эскадры. Храм этот будет служить местом поклонения будущих русских поколений». Прошло время. Нет более того флота, покосились или совсем разбиты кресты на русских могилах в далекой стране, стали достоянием архивов и все письменные воспоминания, оставленные нам, потомкам, свидетелями прежней «бизертинской» жизни, а немногие книги Берга и Кнорринга о пребывании русской эскадры на тех далеких берегах — с давних пор — библиографическая редкость. Разрушился форт, где когда-то жили русские морские офицеры и даже не найти того места, где была их гарнизонная церковь.

Но память о той частичке русской жизни жива. После спуска Андреевского флага в 1924 году богослужебные предметы из корабельного храма с «Георгия Победоносца» были перенесены в квартиру на rue Anjou, ибо русское корабельное имущество распродавалось французами по бросовым ценам того времени. Утварь одной из походных церквей бывший флотский протоиерей о. Николай Венецкий в 1924 году перевез в свой новый приход во французском городке Крезе, посещаемый русскими рабочими, работавши-

ми на местном артиллерийском заводе. Разъехавшиеся морские офицеры продолжали понемногу устраивать свою жизнь, кто в Африке, а кто на северо-американском Западном побережье. Кого-то судьба привела в порты Египта, а иные очутились в Юго-Восточной Азии. Судьба так сильно разметала русских из Бизерты по разным уголкам мира, что, казалось, нарушилось их бывшее единство и верность традициям.

Впрочем, память о святом Павле, покровителе флота, сохранилась у моряков почти повсеместно. Контр-адмирал Николай Николаевич Машуков от всего сердца пожертвовал в парижский собор Святого Александра Невского редкую икону, изготовленную в виде несущегося по волнам корабля с тремя парусами, на коих изображены святые покровители флота; Святитель и чудотворец Николай, архиепископ Мирликийский, апостол Андрей Первозванный и исповедник Павел Цареградский. Составившийся на чужбине, один из офицеров-бизертинцев с горечью писал: «Наша смерть унесет в небытие все вековые традиции бывшего Морского корпуса — колыбель офицеров Императорского флота, жизнь и воспитание целых поколений...»

Глава тридцать первая

ПОСЬЕТ. ПОСЛЕДНЯЯ ЭВАКУАЦИЯ БЕЛОГО ФЛОТА

В дни, когда будущее Русской эскадры в Тунисе было еще не столь очевидным, из дальневосточного порта Посьет в ненастный октябрьский день вышла еще одна эскадра, под командованием контр-адмирала Старка. Завершалась белая борьба на территории России. Еще в конце января 1920 года некоторые из собранных во Владивостоке

кораблей Сибирской эскадры под командованием контр-адмирала Михаила Александровича Бернса (командующего морскими силами во Владивостоке при Приамурском губернаторе генерале Розанове) были объединены в Отряд особого назначения, составленный из крейсера «Орел», посыльного судна «Якут» и ледокола «Байкал». Отряд ушел в Японию, где части команд кораблей остались на берегу. Ледокол «Байкал» вернулся во Владивосток. Адмирал Бернс, передав командование капитану 1-го ранга Кислицыну, отбыл тогда в Европу, а затем снова прибыл на Черноморский флот, базировавшийся в Крыму, в распоряжение генерала Врангеля. Кислицын привел «Якут» в Крым, оставив крейсер «Орел» в Дубровнике (Югославия), совершив при этом многотысячегильный переход из Японии в Черное море.

В ночь на 26 октября 1922 года двадцать пять кораблей русского флота, сосредоточились в Посьете. Готовились к отплытию и немногочисленные суда флотилии на Камчатке. На пути из Охотского моря и нескольких других пунктов Тихоокеанского побережья собралось еще около десятка боевых кораблей. Все они были заполнены находившимися на них войсками и гражданскими беженцами и держали свой путь в японский порт Гензан, находившийся всего в 360 милях от Посьета. На кораблях «Байкал», «Свирь», «Батарея», «Диомид», «Илья Муромец», «Парис», «Фарватер», «Страж», «Лейтенант Дыдымов», «Охотск» и «Манчжур» были помещены воинские части Дальневосточной казачьей группы генерал-лейтенанта Глебова и их семьи, Урало-Егерский отряд генерал-майора Лебедева с семьями. Там же оказались и кадеты Хабаровского кадетского корпуса. Кадеты старших классов были основной силой в отряде И.П. Калмыкова — выборного атамана Уссурийского казачьего войска, который объявил войну большевикам в Хабаровске. В январе 1920 года они ушли с ним в

Китай... В октябре 1922 года Хабаровский кадетский корпус в полном составе с педагогами, кадетами, библиотекой ушел из Владивостока в эмиграцию на кораблях эскадры адмирала Старка. Всего ушло из Владивостока 700 кадетов.

В Шанхае, где остановился корпус, кадеты прослушали полный курс учебных дисциплин и были выпущены с первым офицерским чином русской армии. Часть бывших хабаровских кадетов в дальнейшем служила офицерами в югославской армии. На катерах «Стрелок», «Ординарец», «Резвый» и «Надежный» и пароходах «Эльдорадо», «Защитник», «Взрыватель» вышли в море батальон Морских стрелков, Морская десантная рота, Хабаровский и Омский кадетские корпуса и семьи воспитателей, семьи морских офицеров в количестве 150 человек, чины эвакуировавшихся учреждений Морского ведомства и их семьи в количестве 200 человек, милиция Татарского пролива и их семьи, а также Русско-сербский отряд. На пароходах «Монгугай», «Чифу», «Пушкарь», «Смельчак», «Воевода» и «Тунгуз» плыло неопределенное количество беженцев, которым просто некуда было податься и у которых совершенно не было средств, чтобы путешествовать самостоятельно.

По самым скромным подсчетам, на бортах эскадры находились 8000 русских людей, плывших, по существу, «в никуда». Будущее флотилии было окутано мраком, а пока что началась борьба со стихией при совершенно неблагоприятной для кораблей в открытом море обстановке. Да и конечный порт назначения был пока неизвестен. Командующий флотилией адмирал Старк в этих условиях мог лишь в определенной степени руководствоваться письменными указаниями тогдашнего русского морского агента в Токио адмирала Бориса Павловича Дудорова.

В конце ноября 1922 эскадра пришвартовалась в порту Фузана, где были пополнены запасы угля, продовольствия

и питьевых запасов, но уже 1 декабря 1922 года китайские власти потребовали от адмирала Старка, чтобы эскадра покинула порт. Выйдя в море, корабли отправились вдоль береговой линии, по направлению к Шанхаю, попав в Желтом море в сильнейший тайфун, разметавший суда по всему морю. Адмирал Старк вспоминал: «...внезапно налетел сильный шквал от норд-веста, превратившийся в шторм силою 8 — 9 баллов». Один из миноносцев, «Лейтенант Дыдымов», погиб при невыясненных обстоятельствах. «Последний раз его видел «Парис» на закате солнца 4 декабря. «Дыдымов» сильно штормовал, поворачивая то по волне, то против, не имея почти никакого хода», — отмечал в своем отчете командующий эскадрой.

Утром 4 декабря 1922 года, когда дивизионы находились на расстоянии 150—180 миль от Шанхая, внезапно налетел сильный шквал с норд-оста, превратившийся в шторм силой в 8 — 9 баллов. Когда флотилия стянулась на рейде Вузунг в Янцы-Кианге, то не досчитались флагманского корабля дивизиона «Лейтенанта Дыдымова». На нем погибли начальник 3-го дивизиона капитан 1-го ранга Алексей Васильевич Соловьев с женой и дочерью, командир старший лейтенант Борис Иванович Семенец, прибывший ранее во Владивосток из месопотамского лагеря Басра, как и старший лейтенант Георгий Владимирович Недригайлов, а вместе с ними на дно пошли 80 человек команды и пассажиров-кадетов. После пережитого шторма остальные корабли постепенно собирались в Шанхае, где китайскими властями было объявлено, что члены экипажи и пассажиры судов эскадры на китайской территории являются персонами *non-grata* и чиновники порта потребовали оставление кораблями эскадры Старка китайских территориальных вод.

Впрочем, в декабре 1922 года русское население Шанхая все же резко увеличилось после ухода из устья Янцзы

эскадры адмирала Старка, с устаревших военных судов которой, не приспособленных для перевозки пассажиров, на берег устремились тысячи беженцев из России, в том числе и военные беженцы из числа чинов отряда генерала Глебова и дальневосточных казаков. В Шанхае русских стало больше 6 тысяч. В дальнейшем количество их росло за счет переселенцев из Маньчжурии (в основном из Харбина).

В середине 1930-х годов русских и русскоязычных в Шанхае проживало более 20 тысяч. Русские были тогда самой большой иностранной колонией на территории Шанхая. Они селились в основном на территории Французской концессии, и одна из ее центральных улиц — Авеню Жоффра (современное ее название Хуайхай чжунлу) на местном просторечье именовалась «русская», и даже сама Французская концессия носила это название, ибо там проживало в четыре раза больше русских, чем французов.

Потери эскадры за время похода не ограничились гибелью миноносца «Лейтенант Дыдымов». Еще раньше, тоже в непогоду, утонул катер «Ретвизанчик» и выскочил на песчаный берег катер «Усердный». Пароходы Добровольческого флота «Сишан» и «Томск», застигнутые событиями в японских портах после эвакуации Камчатки, не без вмешательства японцев вернулись к красным, во Владивосток. В январе 1923 года флотилия, изнуренная всевозможными неудачами и лишениями, как и до крайности потрепанная штормами, прибыла на Филиппины. Там часть кораблей была продана, часть же за негодностью брошена, а большинство личного состава, кто как умел и имел возможность, перебросили в Австралию, Новую Зеландию, Северную и Южную Америку, Китай, Европу и т.д.

Выбор порта назначения объяснил в записках сам адмирал Старк: «При выборе другого конечного пункта Манилы, что мне советовал и адмирал Дудоров, я мог надеяться на человеколюбивое отношение американцев к бе-

женцам, к личному составу флотилии и их семьям. Но я должен был учитывать, что... им разрешено будет оставаться в американских водах на любой срок, пока Соединенные Штаты не признают большевиков». Американские власти, исторически контролировавшие этот район, по прибытии эскадры приказали всем русским кораблям пришвартоваться в порту Манилы, а их команды были списаны на берег и переведены в лагерь, на скорую руку возведенный американцами для приема беженцев. Часть их так и осела на Филиппинах навсегда, другая часть еще долго перебиралась в Австралию и Северо-Американские Соединенные Штаты, что заняло у многих долгие месяцы в течение 1923 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел первый	
ТЕНЬ ЛЮЦИФЕРОВА КРЫЛА	3
Вместо предисловия	
НАВАЖДЕНИЕ	3
Глава первая	
КРАХ ИМПЕРИИ И ФЛОТА	68
Глава вторая	
ЗА КЕМ ПОШЛА ВОЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ?	80
Глава третья	
«ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ» ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА	92
Глава четвертая	
СТАНОВЛЕНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА	98
Раздел второй	
ВРЕМЯ ФЛОТСКОГО ЧЕЛОВЕКА	131
Глава пятая	
СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА	131
Глава шестая	
БЕГСТВО НА ДОН	137
Глава седьмая	
МОРСКИЕ РОТЫ	142
Глава восьмая	
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	
В СЮЖЕТАХ И ЛИЦАХ	147

Глава девятая	
БОРЬБА РАЗГОРАЕТСЯ	162
Глава десятая	
НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ	169
Глава одиннадцатая	
ВОЗЖИГАНИЕ СВЕТОЧА	170
Глава двенадцатая	
ЛЕДЯНОЙ ПУТЬ	177
Глава тринадцатая	
РОСТОВ ОСТАВЛЕННЫЙ	180
Глава четырнадцатая	
ПЕРВОПОХОДЦЫ	185
Глава пятнадцатая	
БУДНИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ БОРЬБЫ	200
Глава шестнадцатая	
ФЛОТСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ НА СУДАХ	
И В БРОНЕПОЕЗДАХ	205
Глава семнадцатая	
ЧЕРНОМОРСКО-АЗОВСКИЙ КРИЗИС	209
Глава восемнадцатая	
БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ	214
Глава девятнадцатая	
БОРЬБА ЗА КРЫМ	224
Раздел третий	
БУРИ И ШТОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	238
Глава двадцатая	
В СРАЖЕНИЯХ НА ЮГЕ	238
Глава двадцать первая	
НА ВОДАХ БАЛТИКИ	249
Глава двадцать вторая	
БОРЬБА НА СЕВЕРНЫХ РУБЕЖАХ	253
Глава двадцать третья	
КТО ВЛАДЕЕТ КАСПИЕМ	260
Глава двадцать четвертая	
РЕЧНАЯ ВОЙНА. БЕЛЫЙ ФЛОТ НА ВОЛГЕ И КАМЕ ...	283

Глава двадцать пятая ФЛОТИЛИЯ БЕЛЫХ НА СИБИРСКИХ РЕКАХ	290
Глава двадцать шестая НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕКАХ И ОКЕАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ	295
Раздел четвертый НА ЧУЖИХ РЕЙДАХ	304
Глава двадцать седьмая КРЫМСКИЙ ИСХОД	304
Глава двадцать восьмая НА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМ РЕЙДЕ	308
Глава двадцать девятая СОЗДАНИЕ РУССКОЙ ЭСКАДРЫ	313
Глава тридцатая ОТПЛЫТИЕ В БИЗЕРТУ	317
Глава тридцать первая ПОСЪЕТ. ПОСЛЕДНЯЯ ЭВАКУАЦИЯ БЕЛОГО ФЛОТА	326

Научно-популярное издание
Военные тайны России

Гончаренко Олег Геннадьевич
ЗАКАТ И ГИБЕЛЬ БЕЛОГО ФЛОТА
1918—1924 годы

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *Г.Н. Страхова*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05 от 08.12.2005 г.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 11.08.2006. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10,5. Тираж 3 000 экз. Зак. № 4092.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.